С. Н. Захарова, Л. К. Петровская

Русская литература 7

Часть 1

С. Н. Захарова, Л. К. Петровская

Русская литература

Учебное пособие для 7 класса
учреждений общего среднего образования
с белорусским и русским языками обучения

Под редакцией С. Н. Захаровой

В двух частях

Часть 1

Допущено
Министерством образования
Республики Беларусь

МИНСК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
2017

Правообладатель Национальный институт образования

УДК 821.161.1.09(075.3=161.3=161.1)
ББК 83.3(2Рос=Рос)я721
З-38

Р е ц е н з е н т ы:

доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы филологического факультета Белорусского государственного университета *А. Н. Андреев*;

учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории государственного учреждения образования «Гимназия № 24 г. Минска» *Т. Ю. Пантелеева*;

кафедра русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета (кандидат филологических наук, доцент *И. И. Шпаковский*);

учитель русского языка и литературы квалифицонной категории «учитель-методист» государственного учреждения образования «Гимназия № 1 имени Ф. Скорины г. Минска» *Л. А. Кушнерёва*

Условные обозначения:

— определение новых терминов и понятий;

— задание для самостоятельной работы по выбору учащихся;

— задания для самостоятельной работы, в том числе групповой и коллективной;

— справочная информация об авторе и/или произведении;

— задание из электронного ресурса, размещённого на Национальном образовательном портале (http://e-vedy.adu.by)

Список использованных источников приведён во второй части учебного пособия.

ISBN 978-985-559-785-9 (ч. 1)
ISBN 978-985-559-786-6

© Захарова С. Н., Петровская Л. К., 2017
© Оформление. НМУ «Национальный институт образования», 2017

Правообладатель Национальный институт образования

Введение

Величайшее из чудес, созданное человечеством...

Максим Горький

Литература — *искусство слова*, которое отражает окружающий мир в художественных образах. *Художественный образ* — это любое явление действительности (чаще всего — действующее лицо), творчески воссозданное автором в произведении. Источником художественного образа является сама жизнь. Но художественное произведение не фотография. Это результат творческого осмысления жизни писателем, выражающий его взгляды, мысли и чувства, т. е. мир, «отражённый, преломлённый, воспринятый человеческой душой» (В. Г. Короленко).

Читатель сначала стремится выяснить, о чём расскажет книга, т. е. определить *тему произведения* — круг событий, образующих жизненную основу произведения, то, что в нём изображено. Так, темой стихотворения «Бородино» М. Ю. Лермонтова является Бородинское сражение. Вчитываясь в стихотворение, мы стараемся понять, что волновало автора, что он пытался нам объяснить, над чем призывал задуматься. Каждый из вас скажет: конечно, о героизме и самоотверженности русских

Правообладатель Национальный институт образования

солдат, об их беззаветной любви к Родине. Это и есть основная мысль стихотворения, или его художественная *идея*.

Чтобы произведение заинтересовало читателей, нужно столкновение сил, противоборство персонажей, т. е. художественный *конфликт*, который и станет «пружиной» действия. И вот уже раскручивается *сюжет* произведения (цепь событий): экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка.

Но ещё важно понять, как организовано повествование, как согласуются в нём все его части, элементы. Как удалось А. С. Пушкину в «Дубровском» держать читателя в напряжении на протяжении всей повести? Писатель умышленно нарушил последовательность событий, и вы не сразу узнали, что Дефорж — это Дубровский. Этого Пушкин добился с помощью особой *композиции*, т. е. построения, повести: последовательности глав, деталей, ме́ста и роли различных персонажей, их диалогов, описаний внешности героев, природы, обстановки.

Центром литературного произведения всегда является *человек*. Действующих лиц в произведении называют *литературными героями*. Иногда понятие «литературный герой» употребляется и в более узком смысле — как главное *действующее лицо* или *герой*, наиболее близкий к авторскому идеалу человека. *Образ* героя — понятие широкое, оно включает характер, портрет, поступки, речь, обстановку, в которой герой действует, взаимоотношения с другими *персонажами*. Всё это позволяет автору выразить через конкретный образ некоторое обобщение, определённую мысль, вызвать у читателя соответствующие чувства.

Правообладатель Национальный институт образования

В литературе художественный образ создается с помощью слова — «первоэлемента» литературы, как называл его Горький. Поэтому, читая произведение, следует быть предельно внимательным и к тексту в целом, и к каждому слову, и к изобразительно-выразительным средствам. Без этого невозможно полностью понять и прочувствовать произведение. В талантливом литературном произведении всё взаимосвязано и представляет собой *художественную целостность*.

1. Как вы объясните, что такое художественная целостность литературного произведения?

2. Подготовьтесь к литературной викторине, составив 10 вопросов об изученных ранее произведениях так, чтобы название произведения и/или его автора можно было узнать по теме, идее, особенностям сюжета и композиции, ключевым художественным образам.

3. Почему в XXI веке, в эпоху информационных технологий, литература остаётся востребованным видом искусства? Найдите примеры необычного («чудесного») влияния литературы на людей.

Правообладатель Национальный институт образования

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЛИТЕРАТУРА

Начало искусства слова,
литературы, — в фольклоре.

Максим Горький

ФОЛЬКЛОР

Фольклор — устное народное творчество. Оно возникло в первобытном обществе, когда ещё не существовало письменности. Главной особенностью фольклора считается синкретизм — единство, неразрывная связь музыки, танца, текста в одном произведении. Считается, что из фольклора постепенно выделились все основные виды искусства (живопись, литература, музыка, танец и др.), которые существуют сегодня независимо друг от друга.

Фольклорные произведения у каждого народа самобытные, неповторимые, со своими уникальными героями и сюжетами. Это объясняется тем, что природные и социальные условия жизни у каждого народа свои. Устное народное творчество передаётся

Правообладатель Национальный институт образования

от поколения к поколению, сохраняя целостность нации и наиболее важный опыт наших предков.

Фольклорные произведения существенно отличаются от литературных: у них нет автора, но есть несколько вариантов текста; фольклор существует в устной форме; в фольклоре используется традиционная, сложившаяся на протяжении веков система художественных средств.

Объединяет фольклор и литературу наличие произведений трёх родов (эпические, лирические и драматические), некоторые жанры (сказки, драмы, повести) и наличие средств художественной выразительности.

1. На основании материалов статьи учебного пособия составьте таблицу (схему) «Сравнительная характеристика фольклора и литературы», указав общие признаки и различия по следующим пунктам: автор, форма бытования, средства художественной выразительности, вариативность произведений.
2. Пользуясь литературоведческим словарём, размещённым в конце учебного пособия, составьте 10 вопросов для викторины по теме «Устное народное творчество и литература». Вопросы должны быть о фольклорных и литературных родах, жанрах, средствах художественной выразительности.

3. «Сладостные звуки родимой песни и музыки в живой человеческой душе ум пробуждают и чувства высокие воспитывают», — писал М. В. Ломоносов о роли народного творчества в жизни человека. Попытайтесь самостоятельно в форме афоризма выразить значение фольклора для современного общества или для конкретного человека.

Правообладатель Национальный институт образования

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Душа русского человека
вся в песне, как в зеркале.

М. Е. Пятницкий

Песня — фольклорный жанр; лирическое произведение, предназначенное для исполнения (часто под музыку).

В песне неразрывно связаны текст и мелодия. Песни сопровождали человека всю жизнь: малыша баюкали под колыбельную, затем забавляли песенками, под песни работали, с песнями женились, песнями оплакивали умерших. Считается, что песня как бы комментировала обряд, поэтому их так много в фольклоре любого народа, а у славян это самый распространённый фольклорный жанр.

Разновидности народных песен

Обрядовые		Необрядовые
календарно-обрядовые	семейно-обрядовые	
• веснянки, • троицкие, • колядки, • масленичные, • купальские, • жнивные, • святочные и т. д.	• венчальные, • свадебные и т. д.	• любовные, • трудовые, • лирические, • солдатские, • исторические и т. д.

Песни тесно связаны с реальностью, описывают её в образной форме.

Правообладатель Национальный институт образования

Распределитесь по дате рождения на группы, соответствующие временам года. Каждая группа составляет календарь обрядов «своей» поры года и вспоминает песни, которые сопровождают эти обряды. Представьте в классе проект «Песенные времена года».

Лирические народные песни

Лирическая песня — особая разновидность народных песен. В них изображается внутренний мир человека, его мысли и переживания, поэтому часто лирические песни имеют форму монолога (повествование в них ведётся от первого лица). Лирические народные песни мелодичны и напевны. Чаще всего в них передаётся грустное настроение, но иногда слышится, как подметил А. С. Пушкин, «то разгулье удалое, то сердечная тоска». Большинство лирических народных песен имеет несколько вариантов исполнения, которые незначительно различаются текстом, поэтому говорят о вариациях каждой песни.

Сформулируйте и запишите в тетради не менее трёх аргументов на один из вопросов: 1) Почему песня сопровождает человека в любых ситуациях? 2) Почему в песнях повествование ведётся от первого лица?

Русская народная лирическая песня

* * *

Ах, не одна-то ль, не одна во поле дороженька —
Одна пролегала;
Она ельничком, мелким березничком —
Она зарастала,

Правообладатель Национальный институт образования

Она частым ли, частым горьким осинничком
Её застилала…
Ах, что нельзя-то мне, нельзя мне к сударушке,
Нельзя в гости ехать;
Так поеду ли я к любимой сударушке
Да всё стороною.
Ах, ты прости-прощай, мил сердечный друг,
Прощай, будь здорова!
Коли лучше ты меня найдёшь, меня позабудешь,
Коли хуже ты меня найдёшь, меня вспомянешь!

1. Определите, какую смысловую нагрузку несёт в себе каждый образ песни.
2. Перепишите в тетрадь всю песню. Отметьте в каждой строке слова, на которые падает логическое ударение, расставьте паузы, определите темп чтения и настроение, которое вы хотите передать. Подготовьтесь к выразительному чтению песни.

3. Прочитайте отрывок из рассказа «Певцы» И. С. Тургенева, где описывается исполнение песни «Ах, не одна-то ль, не одна во поле дороженька...». Выделите слова и выражения, передающие интонации Якова Турка при исполнении песни. Слушая выразительное чтение песни одноклассниками, фиксируйте в тетради свои впечатления. Сравните свои ощущения и те, которые описал в рассказе И. С. Тургенев.

Художественные особенности лирических народных песен

Народные лирические песни очень разнообразны по содержанию, потому что в каждой передаётся особое чувство, состояние лирического героя.

Правообладатель Национальный институт образования

Особое звучание песне придаёт *народный стих*. В нём каждая строка имеет определённое количество ударных слогов, а число безударных между ними может быть любым. Это создаёт особый ритм лирических народных песен, приближает их к разговорной речи. В народном стихе, как правило, отсутствуют *рифма* и деление на *строфы*.

Плавность, мелодичность народной песни создаётся с помощью *повторов*: повторяются отдельные слова и даже целые строки. Этим замедляется общий темп, создаётся грустно-певучее настроение.

Некоторые исследователи считают, что народную лирическую песню нужно разгадывать, как ребус, потому что практически каждое слово в ней является ещё и *символом* — значение слова не является буквальным, как правило, через явления природы передаётся статус или эмоциональное состояние человека. Образ молодой девушки передаёт берёза или лебёдушка; замужней женщины — кукушка, горлица; юноши — орёл, сокол, дуб; состояние разлуки или тоски изображается через реку или дорогу. Именно поэтому за небольшими и немногословными народными песнями скрываются глубокий смысл и насыщенность чувствами и эмоциями.

В народных лирических песнях широко используются *эпитеты* (в том числе постоянные: красна девица, кудрявая берёза, высокий терем, добрый молодец, сердечный друг и др.), *метафоры* и *сравнения*. Многочисленные *слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами* (сударушка,

Правообладатель Национальный институт образования

дороженька, берёзонька и др.) придают особую задушевность, доверительность и мягкость лирическим песням.

Глубина чувства передаётся с помощью *параллелизма* — сопоставления состояния человека и природы (это образный параллелизм) или одинакового построения расположенных рядом строк-предложений (это синтаксический параллелизм). На параллелизме может строиться всё содержание песни (это композиционный параллелизм), как в песне «Ах, не одна-то, не одна во поле дороженька пролегала...».

Обращения придают лирическим песням особую искренность. Чаще всего в песнях обращаются к конкретным людям (матери, жене, другу) или природным явлениям (солнцу, реке, дереву и т. д.).

Исполнение народных лирических песен требует большого мастерства. В прошлом веке признанными мастерами считались великие оперные певцы: Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, И. С. Козловский, Б. Т. Штоколов, Ю. А. Гуляев, а также популярные исполнители народных песен: Л. А. Русланова, Л. Г. Зыкина, Ж. В. Бичевская и др. Им удавалось подчеркнуть все оттенки переживаний, искренность и непосредственность чувств, переданных в лирической песне.

1. Найдите в песне «Ах, не одна-то ль, не одна во поле дороженька...» средства художественной выразительности: эпитеты, метафоры, повторы, параллелизмы и символы. Определите роль слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Проанализируйте грамматическую сторону песни (разряд местоимений, наличие междометий и

Правообладатель Национальный институт образования

частиц) и лексическую окраску слов в ней. Докажите, что «Ах, не одна-то ль, не одна во поле дороженька…» относится к жанру лирических народных песен.

2. Найдите песню «Ах, не одна-то ль, не одна во поле дороженька…» в исполнении певца. Что можно сказать о её мелодии? Соответствует ли она словам песни, помогает ли лучше их понять и прочувствовать?

Лирические песни литературного происхождения

Песня всегда играла большую роль в жизни наших предков. Например, известно, что в начале первого тысячелетия нашей эры древнегреческие, древнеримские и арабские историки называли славян «песнелюбцами». В XVIII—XIX веках многие литературные произведения получили распространение в народе, нередко были изменены и стали народными песнями. Среди них стихотворения А. С. Пушкина («Узник», «Зимний вечер»), А. В. Кольцова («По-над Доном сад цветёт…»), И. И. Козлова («Вечерний звон»), Н. А. Некрасова («Что ты жадно глядишь на дорогу», «Ой, полным-полна коробушка...») и других русских поэтов. Так возникла *лирическая песня литературного происхождения*, или *литературная лирическая песня*. Её появление связано с ростом числа грамотных крестьян, увеличением городского населения, которое создавало свою культуру, а также творчеством ряда известных композиторов (А. А. Алябьев, А. Е. Варламов, М. И. Глинка, А. С. Даргомыжский, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков,

Правообладатель Национальный институт образования

П. И. Чайковский, С. В. Рахманинов и др.), которые вводили в свои музыкальные произведения фольклорные темы и мотивы.

1. Выберите одну из приведённых ниже лирических литературных песен и проанализируйте по плану: 1) От чьего лица ведётся повествование? 2) Какому событию посвящена песня? 3) Опишите героиню (героя), её (его) психологическое состояние. 4) К кому обращена песня? 5) Какие чувства, желания, мечты, тревоги героини (героя) раскрываются в песне? 6) Как построена песня? 7) Какие художественные приёмы используются в песне?
2. Как вы думаете, почему русские писатели часто включали в свои произведения тексты русских народных песен?

3. Проведите опрос среди взрослых (родственников, педагогов) «Какие народные песни Вы чаще всего исполняете сами / слышите в чужом исполнении?». Объедините полученные данные, составьте «хит-парад» лирических народных песен и представьте его в классе в виде диаграммы.

Алексей Фёдорович МЕРЗЛЯКОВ

Большую часть жизни А. Ф. Мерзляков, будучи профессором в Московском университете, преподавал русскую словесность, изучал теорию литературы, переводил. Многие песни написал совместно с композитором Д. Н. Кашиным. Песня «Среди долины ровныя…» — одна из самых известных, варианты которой записываются собирателями фольклора до сих пор.

Правообладатель Национальный институт образования

* * *

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте,
Цветёт, растёт высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжечка,
Как рекрут на часах!

Ни сосенки кудрявыя,
Ни ивки вкруг него;
Ни кустики зелёные
Не вьются вкруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота:
Кому их подарить?
Есть много славы, почестей:
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон да пара слов.

Одних я сам чуждаюся,
Другой бежит меня.
Все други, все приятели
До чёрного лишь дня!

Правообладатель Национальный институт образования

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдёт?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придёт.

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Возьмите же всё золото,
Все почести назад, —
Мне Родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

1. Пользуясь статьёй «Художественные особенности народных лирических песен», найдите в стихотворении А. Ф. Мерзлякова черты, делающие его похожим на народную песню.

2. Сравните картину И. И. Шишкина «Среди долины ровныя...» со стихотворением А. Ф. Мерзлякова. Что объединяет два произведения с одинаковым названием?

Антон Антонович ДЕЛЬВИГ

А. А. Дельвиг — один из лучших поэтов 1820-х годов; друг А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, В. К. Кюхельбекера. Многие его песни и романсы положены на музыку. Наиболее известная песня А. А. Дельвига — «Соловей» (авторское заглавие — «Русская песня», музыку к ней написал А. А. Алябьев).

Правообладатель Национальный институт образования

Впервые «Соловей» прозвучал в Москве в Большом театре 7 января 1827 года и с тех пор вошёл в репертуар самых выдающихся русских и зарубежных исполнителей.

СОЛОВЕЙ

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночку пропоёшь?
Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у младой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у младой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у младой
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,

Правообладатель Национальный институт образования

В зимню ночку на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

1. Найдите в литературоведческом словаре определение романса. Почему «Соловей» А. А. Дельвига — романс? Чем романс отличается от других лирических песен?

2. Прослушайте аудиозапись романса «Соловей». Определите, с какой целью в музыкальное произведение введен повтор «Соловей мой, соловей, / Голосистый соловей!», которого нет в авторском тексте.

Народные исторические песни

Историческая песня — эпическое или лироэпическое произведение, рассказывающее об исторических событиях или жизни исторических лиц.

Исторические песни рассматриваются фольклористами как продолжение былинного народного эпоса. *Былина* воспевает подвиги богатырей, в которых воплощены представления русского народа о силе, могуществе, готовности защитить Родину. Основные средства создания образов богатырей — гипербола и сравнение.

В исторических песнях упоминаются только важнейшие события и выдающиеся исторические деятели. Исторические песни, как и былины, объединяются в *циклы* — группы, посвящённые одному историческому деятелю. В XVI веке возникают циклы об Иване Грозном и о Ермаке, во второй полови-

Правообладатель Национальный институт образования

не XVII века — о Степане Разине, в конце XVIII века — о Емельяне Пугачёве. Исторические песни долгое время были для народа одним из главных источников знаний о своём прошлом.

Иногда в исторических песнях есть былинные эпитеты, гиперболы и сравнения. Главное отличие исторических песен от былин в том, что они меньше по объёму и достовернее передают исторические факты. На рубеже XVIII—XIX веков исторические песни утрачивают черты конкретных исторических событий (например, воспеваются подвиги Суворова в тех боях, где он не участвовал, и т. д.) и поэтому сближаются с былинами.

Исторические песни выражали народную оценку исторических событий и их участников. Во многих таких песнях основной стала тема социального протеста.

1. Сравните тематику и художественные особенности былин и исторических песен по следующим пунктам, заполнив таблицу «Былины и исторические песни»: время возникновения жанра, тема, герои, описываемые события, средства художественной выразительности.
2. Чем можно объяснить возникновение циклов исторических песен?
3. Сформулируйте в двух-трёх предложениях значение исторических песен.

4. Подготовьте сообщения-презентации о событиях и исторических лицах, о которых сложены исторические песни.

Степан Тимофеевич Разин, или Стенька Разин (1630—1671), — донской казак, предводитель крупнейшего восстания в истории

Правообладатель Национальный институт образования

допетровской России. Повстанцы захватили почти все крупные города на Волге, но не смогли завершить осаду Симбирска. Разин был ранен и бежал на Дон. В апреле 1671 года Разин был пленён и выдан правительству, казнён в Москве.

Степан Разин в народных исторических песнях уподоблен «удалому» молодцу, бежавшему от царя в дремучие леса, в его образе воплотились народные представления о мужской силе и красоте.

СОН СТЕПАНА РАЗИНА

Ой, то не вечер, да не вечер...
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось.
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось.
Мне во сне привиделось,
Будто конь мой вороной
Разыгрался, расплясался,
Ой, разрезвился подо мной.
Разыгрался, расплясался,
Ой, разрезвился подо мной.
А есаул догадлив был,
Он сумел сон мой разгадать:
«Ох, пропадёт, — он говорил, —
Твоя буйна голова!»
«Ох, пропадёт, — он говорил, —
Твоя буйна голова!»
Ай, налетели ветры злые
Да с восточной стороны.
Ой, да сорвали чёрну шапку
С моей буйной головы.

Правообладатель Национальный институт образования

Ой, да сорвали чёрну шапку
С моей буйной головы.
Ой, то не вечер, то не вечер…
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось.
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось.
Ох, да во сне привиделось…

1. Найдите в песне рефрен — так называются строки, повторяющиеся после каждого законченного фрагмента песни. Что изменится, если рефрен исключить из текста? Есть ли в песне другие повторы? Что они придают произведению?
2. Найдите все слова, передающие цвет. Какова цветовая гамма стихотворения? Как она соотносится с общим настроением песни?

3. Пользуясь текстами песен «Сон Степана Разина», «Клич Разина», «Схороните меня, братцы…», определите черты личности Степана Разина, которые помогли ему стать народным героем. По историческим источникам проверьте, насколько они были действительно свойственны Степану Разину.

Исторические песни литературного происхождения

Обращение поэтов к исторической песне было связано с победой в Отечественной войне 1812 года, движением декабристов, необходимостью отмены крепостного права и другими общественно-политическими причинами. Героями исторических песен русские поэты делают Ермака, Степана Разина,

Правообладатель Национальный институт образования

Емельяна Пугачёва. Писатели понимают, что в народных песнях выражена общая оценка события или исторического лица, поэтому вводят их в свои произведения, чтобы подчеркнуть единство с народом или несогласие с ним в отношении к предмету описания.

Кондратий Фёдорович РЫЛЕЕВ

К. Ф. Рылеев (1795—1826) — поэт, один из лидеров декабристского движения, друг А. С. Пушкина и А. Мицкевича, автор од, дум, стихотворений и поэм гражданско-патриотического и героико-исторического звучания. Сюжеты для своих произведений он часто выбирал из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Ермак (1532—1585) — казачий атаман, успешно воевавший с сибирским ханом Кучумом, в результате чего сибирские земли вошли в состав Русского государства. За это Иван Грозный лично пожаловал Ермаку две кольчуги, из-за которых, по всей вероятности, атаман погиб. Когда остатки армии Кучума напали на небольшой отряд Ермака, он попытался спастись вплавь, но утонул в Иртыше.

СМЕРТЬ ЕРМАКА

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали…

Правообладатель Национальный институт образования

Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите,— мнил герой,—
Друзья, под бурею ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны,—
Нам смерть не может быть страшна;
Своё мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.

Правообладатель Национальный институт образования

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых брегах,
Вздымалися седые волны
И рассыпались с рёвом в прах,
Бия о брег козачьи чёлны.
С вождём покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от брега чёлны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывёт... уж близко челнока —
Но сила року уступила,

Правообладатель Национальный институт образования

И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжёлый панцирь — дар царя
Стал гибели его виною.

Ревела буря… вдруг луной
Иртыш кипящий серебрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии ещё сверкали,
И гром вдали ещё гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

1. В чём проявляется одиночество Ермака? Почему именно одиноким создал поэт народного героя? Чем «Смерть Ермака» К. Ф. Рылеева перекликается с народными песнями о Ермаке?
2. По литературоведческому словарю установите, что такое дума. Обладает ли «Смерть Ермака» К. Ф. Рылеева чертами этого жанра?

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БАЛЛАДЫ

Литературные баллады «выросли» из народных, которые были очень похожи на исторические песни.

Баллада — лиро-эпическое произведение о необычном случае, связанном с историческим событием или преданием (обычно героического, легендарного или фантастического характера).

Правообладатель Национальный институт образования

Тематика баллад очень разнообразна: личная (несчастная любовь, защита чести и достоинства) и семейно-бытовая (взаимоотношения супругов, детей и их родителей), героическая (о реальных исторических событиях и лицах) и социальная (власть и подчинение ей). Герой баллады всегда стоит перед нравственным выбором: верность или измена, любовь или ненависть, честность или коварство. Как правило, сделав выбор в пользу истинных ценностей, герой погибает, но одерживает при этом моральную победу.

Баллада имеет динамичный сюжет. В ней можно чётко выделить экспозицию, завязку, развитие событий, кульминацию и развязку. Общее настроение произведения, как правило, мрачное, печальное, тревожное. Героями баллады могут быть и люди простого звания, и рыцари, и «добрые» разбойники. Часто они вступают в борьбу с фантастическими существами, поэтому мир баллады становится загадочным и таинственным, а местом действия может стать замок, лес, кладбище.

В русской литературе баллады писали Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов. Большую популярность в XIX веке имели баллады английского поэта Дж. Байрона, немецких — И. В. Гёте и Ф. Шиллера, польского — А. Мицкевича. В литературе XX века наиболее известны баллады А. А. Блока, Б. Л. Пастернака, в конце XX века — В. С. Высоцкого.

1. Назовите особенности баллады как жанра литературы. Объясните, почему балладу относят к лиро-эпическим произведениям. Как связаны лирическое и эпическое начала в балладе?

Правообладатель Национальный институт образования

2. Посмотрите фрагменты кинофильма «Стрелы Робин Гуда», где звучат баллады в исполнении В. С. Высоцкого (либо прослушайте аудиозаписи). Как музыкальные произведения дополняют картины, которые зритель видит на экране? Можно ли было использовать не баллады, а просто музыку? Что изменилось бы в восприятии фрагментов?

Василий Андреевич ЖУКОВСКИЙ

В. А. Жуковский, поэт и переводчик, был воспитателем будущего царя Александра II, дружил с А. С. Пушкиным, который назвал его «гением русского перевода». Жуковский около 25 лет занимался переводами. Его балладное наследие представлено 39 произведениями этого жанра. «Лесной царь» — это перевод одноимённой баллады немецкого поэта И. В. Гёте, сделанный Жуковским в 1818 году.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.
«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?»
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в тёмной короне, с густой бородой».
«О нет, то белеет туман над водой».
«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Весёлого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

Правообладатель Национальный институт образования

К. Г. Пешель. Лесной царь

«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит».
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы».
«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».
«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из тёмных ветвей».
«О нет, всё спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне».
«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжко дышать».
Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мёртвый младенец лежал.

Правообладатель Национальный институт образования

1. Определите элементы сюжета в балладе «Лесной царь». Укажите, как меняется настроение произведения в этих фрагментах.
2. Найдите фрагменты, по которым можно представить героев баллады: отца, сына и лесного царя. Символом чего выступает в балладе лесной царь?
3. Найдите подстрочный перевод (т. е. лексически точный, дословный перевод текста, в котором, как правило, не сохраняются поэтические особенности текста: стихотворный размер, ритм, рифма, элементы звукописи и т. п.) баллады «Лесной царь», сделанный М. И. Цветаевой (или выполните такой перевод самостоятельно), и сравните текст В. А. Жуковского с оригинальным произведением И. В. Гёте. В чём сходство и принципиальное различие перевода и оригинала? Сделайте вывод о влиянии переводчика на трактовку произведения.
4. Выполните задание «Тест В. А. Жуковский. Лесной царь».

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

М. Ю. Лермонтов перевёл балладу Ф. Шиллера «Перчатка» 15-летним юношей, в 1829 году. По сравнению с оригиналом лермонтовский перевод несколько короче и динамичнее в развитии сюжета.

ПЕРЧАТКА

(Из Шиллера)

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне;

Правообладатель Национальный институт образования

Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.
Вот царскому знаку внимают,
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжёлой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясёт жёлтой гривой
И, всех обозрев,
Ложится лев.
И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком
Взлетел опасный
И, встретясь со львом,
Завыл ужасно;
Он бьёт хвостом,
Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится:
И невольно ложится
Он рядом с ним.
Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.
И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытать я сердца люблю.

Правообладатель Национальный институт образования

Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»
И рыцарь с балкона в минуту бежит,
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.
И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад.
Отвсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд —
Недального счастья заклад —
С рукой девицы героя встречает.
Но досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!» —
И гордую тотчас покинул.

1. Определите, где и в какую эпоху происходит действие баллады «Перчатка». Что вы знаете о рыцарском кодексе чести, правах и обязанностях рыцаря? Какие из них затрагиваются в этой балладе?
2. Какие строки (фразы) являются ключевыми для понимания образов короля, дамы и рыцаря? Какой конфликт составляет основу баллады?
3. Почему у М. Ю. Лермонтова рыцарь и король остались безымянными, хотя Шиллер дал им имена: Делорж и Франциск?
4. Почему баллада названа «Перчатка»? Что символизирует перчатка (традиционно и в данной балладе)?

Правообладатель Национальный институт образования

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

Александр Сергеевич ПУШКИН

1799—1837

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте… В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер…

Н. В. Гоголь

НАШ ВЕЛИКИЙ СПУТНИК

У каждого из нас — свой Пушкин, остающийся одним для всех. Он входит в нашу жизнь в самом начале её и уже не покидает нас до конца.

Я узнал и полюбил Пушкина в том возрасте, когда гораздо слаще слушать чтение, чем читать самому.

Правообладатель Национальный институт образования

Со слуха я узнал его «Сказку о царе Салтане...», «Полтавский бой» из «Полтавы», «Сон Татьяны» из «Евгения Онегина», «Жениха». Но «Капитанская дочка» явилась для меня первой в жизни самостоятельно прочитанной книгой. Я помню формат книги, её запах, помню, как я был счастлив, что сам открыл эту неизвестную мне со слуха историю.

Я был захвачен ею и засиделся у окна избы дотемна, и когда дошёл до бурана в Оренбургской степи, то увидел, что за окном пошёл снег, и это стало неизгладимым до сих пор впечатлением как бы магической силы, изошедшей от пушкинской страницы. С того вечера я стал читателем книг, и мне бесконечно дорого, что этим я обязан Пушкину. А кто не обязан ему радостью приобщения на самой заре жизни к источнику, из которого потом пить всю жизнь!

А. Т. Твардовский. «Пушкин»

1. Что вам известно о жизни и личности А. С. Пушкина?
2. Вспомните, когда и как вы познакомились с произведениями Пушкина. Узнайте у своих друзей и близких, как произошло их «открытие» Пушкина, сравните их опыт со своим. Почему обычно произведения этого поэта оставляют глубокий след в душе читателя?

3. Какие произведения Пушкина вы читали? Что вам особенно понравилось или запомнилось? Составьте «рейтинг популярности» произведений Пушкина, используя данные интернет-запросов и социологических опросов (при их отсутствии проведите подобный опрос самостоятельно).

Правообладатель Национальный институт образования

К истории создания «Капитанской дочки»

«Капитанская дочка» — последнее прозаическое произведение Пушкина, опубликованное при жизни (декабрь 1836 года). Его сюжет основан на событиях русской истории, в которых поэт искал причины народных волнений 1830-х годов. В феврале 1833 года Пушкин, не закончив «Дубровского», принялся собирать материал о Пугачёве, чтобы написать о нём роман и рассказать попутно о дворянине Шванвиче, перешедшем на сторону восставшего народа. Но роман «не шёл»... Поэт обратился к документам архивов, воспоминаниям о пугачёвском восстании, сам посетил места, где 60 лет назад бушевало восстание (Поволжье, Оренбург, Уральск). Отложив на время роман о Пугачёве, писатель начал работу над историческим исследованием — и весной 1833 года появился черновой вариант «Истории Пугачёва». Пушкин пришёл к выводу, что, самозванец для дворян и правительства, Пугачёв был для народа законной властью. Когда 19 октября 1836 года Пушкин поставил точку в рукописи «Капитанской дочки», он уже не думал о крестьянском восстании под руководством дворянина. Шванвич был превращён в предателя Швабрина, а центральным персонажем сделался верный долгу и присяге и одновременно гуманный человек «жестокого века» Гринёв.

1. Определите и сформулируйте тему повести. Один из критиков XIX века писал: «“Капитанская дочка” есть рассказ о том, как Пётр Гринёв женился

Правообладатель Национальный институт образования

на дочери капитана Миронова». И. С. Тургенев считал, что главное в повести — изображение «бунта казака Пугачёва». Какое из приведённых высказываний вам кажется более правильным и почему? Обоснуйте своё мнение.

2. К какому жанру вы отнесли бы это произведение: исторической повести, мемуарам, семейным запискам? Найдите другие характеристики жанра «Капитанской дочки» и высказывания критиков на этот счёт. Почему так разнятся определения жанра этого произведения А. С. Пушкина?
3. Пушкин строит повесть как воспоминание, написанное Петром Гринёвым спустя много лет после описываемых событий, себе же отводит только роль «издателя». Почему автор именно так распределяет роли и поручает повествование Гринёву?
4. В повести выделяются две сюжетные линии: история любви Петра Гринёва и Маши Мироновой; крестьянское восстание под предводительством Пугачёва. Как эти линии сочетаются в композиции повести, представляющей единое художественное целое? Отметьте в каждой сюжетной линии её элементы: экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию, развязку.
5. Чтобы лучше ориентироваться в содержании повести, составьте её план, используя названия глав и эпиграфы к ним. Укажите также время и место действия.
6. Выпишите имена основных действующих лиц (главных и второстепенных). Какие из них являются вымышленными персонажами, а какие — историческими?

Правообладатель Национальный институт образования

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

(В сокращении)

Береги честь смолоду.

Пословица

Глава I

СЕРЖАНТ ГВАРДИИ

— Был бы гвардии[1] он завтра ж капитан.
— Того не надобно: пусть в армии послужит.
— Изрядно сказано! Пускай его потужит...
.....
Да кто его отец?

Княжнин[2]

Отец мой, Андрей Петрович Гринёв, в молодости своей служил при графе Минихе[3] и вышел в отставку премьер-майором[4] в 17** году. С тех пор жил он в своей симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сёстры умерли во младенчестве. Матушка была ещё мною брюхата[5], как уже

---

[1] *Гва́рдия* — специальные, отборные войска.

[2] *Княжни́н Я. Б.* (1742—1791) — русский писатель, драматург.

[3] *Ми́них Б. Х.* (1683—1767) — военачальник и политический деятель XVIII века.

[4] *Премье́р-майо́р* — старинный офицерский чин.

[5] *Брюха́тая* (устар.) — беременная.

Правообладатель Национальный институт образования

я был записан в Семёновский полк сержантом[1], по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Если б паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нонешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному[2] Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки[3]. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого[4] кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье[5] Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава богу, — ворчал он про себя, — кажется, дитя умыт, причёсан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусьё, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своём был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel[6], не очень понимая значение

---

[1] В XVIII веке дворянские дети с малых лет приписывались к какому-либо полку. Пока они росли, их повышали в чинах.

[2] *Стремя́нный* — слуга, ухаживавший за верховой лошадью своего господина.

[3] *Дя́дька* — слуга, приставленный к мальчику в дворянской семье.

[4] *Борза́я* — охотничья собака особой породы.

[5] *Мосье́* (в просторечии — *мусьё*, франц. *monsieur*) — господин.

[6] Чтобы стать учителем. Русское слово «учитель» дано во французском написании для придания ему комического оттенка.

Правообладатель Национальный институт образования

этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. <…> Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня *по-французски, по-немецки* и *всем наукам,* но он предпочёл наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора[1] я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю.

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мусьё, обольстившего их неопытность. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью[2]-француза. Доложили, что мусьё давал мне свой урок. Батюшка пошёл в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из неё змей и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошёл в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дёрнул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Бопре в смятении хотел было привстать и не мог: несчастный француз был

[1] *Ме́нтор* — наставник, воспитатель.
[2] *Кана́лья* — плут, мошенник.

Правообладатель Национальный институт образования

мёртво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал со двора, к неописанной радости Савельича. Тем и кончилось моё воспитание.

Я жил недорослем[1], гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменилась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь[2], ежегодно им получаемый. <...>

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

— Да вот пошёл семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Петруша родился в тот самый год, как окривела тётушка Настасья Герасимовна и когда ещё...

— Добро, — прервал батюшка, — пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни.

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слёзы потекли по её лицу.

Напротив того, трудно описать моё восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями

---

[1] *Не́доросль* — молодой дворянин, не достигший совершеннолетия и не поступивший ещё на государственную или военную службу. После появления комедии известного писателя XVIII века Д. И. Фонвизина «Недоросль» это слово стало нарицательным для обозначения лентяев и недоучек.

[2] *Придво́рный календа́рь* (годы издания 1735—1917), помимо календарных и других сведений содержал списки высших военных и гражданских чинов, роспись дворцовых приёмов и др.

Правообладатель Национальный институт образования

о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого.

Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезду моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

— Не забудь, Андрей Петрович, — сказала матушка, — поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями.

— Что за вздор! — отвечал батюшка нахмурясь. — К какой стати стану я писать к князю Б.?

— Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши.

— Ну, а там что?

— Да ведь начальник Петрушин — князь Б. Ведь Петруша записан в Семёновский полк.

— Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? Мотать[1] да повесничать[2]? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон[3]. Записан в гвардии! Где его пашпорт? Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в её шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащей рукою.

---

[1] *Мота́ть* — безрассудно тратить деньги на развлечения и удовольствия.

[2] *Пове́сничать* — бездельничать.

[3] *Шаматóн* (разг., устар.) — гуляка, шалопай, бездельник.

Правообладатель Национальный институт образования

Батюшка прочёл его со вниманием, положил перед собой на стол и начал своё письмо.

Любопытство меня мучило: куда же отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец он кончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подозвав меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством».

Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо весёлой петербургской жизни ожидала меня гарнизонная скука в стороне глухой и отдалённой. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжким несчастием. Но спорить было нечего! На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка[1]; уложили в неё чемодан, погребец[2] с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Пётр. Служи верно, кому присягнёшь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь — смолоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь моё здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху — лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами.

---

[1] *Киби́тка* — крытая повозка.

[2] *Погребе́ц* (устар.) — дорожный сундучок для посуды и съестных припасов.

Правообладатель Национальный институт образования

В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился в трактире. Савельич с утра отправился по лавкам. <...>

[В Симбирске в трактире Петруша Гринёв познакомился с офицером Зуриным, который предложил ему сначала выпить, а потом поиграть в бильярд. Гринёв проиграл Зурину сто рублей, и Зурин тут же потребовал свой выигрыш. Деньги были у Савельича, он не хотел их давать. Гринёв пригрозил Савельичу, что прогонит его. Старик деньги выдал, но был глубоко обижен.]

Глава II

ВОЖАТЫЙ

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашёл,
Что не добрый ли да меня конь завёз:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаться в душе, что поведение моё в симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Всё это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке[1], отворотясь от меня, и молчал, изредка только покрякивая. Я непременно хотел с ним помириться и не знал, с чего начать. Наконец я сказал ему:

[1] *Облучо́к* — сиденье для кучера в повозке.

Правообладатель Национальный институт образования

— Ну, ну, Савельич! Полно, помиримся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперёд вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся.

— Эх, батюшка Пётр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашёл к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только!.. Как покажусь я на глаза господам? Что скажут они, как узнают, что дитя пьёт и играет.

Чтобы утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя всё ещё изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! Легко ли дело!»

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересечённые холмами и оврагами. Всё покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или, точнее, по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал:

— Барин, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачем?

— Время ненадёжно: ветер слегка подымается; вишь, как он сметает порошу[1].

— Что ж за беда!

— А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

---

[1] *Поро́ша* — только что выпавший снег.

Правообладатель Национальный институт образования

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

— А вон — вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдалённый холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Я слыхал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно с мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силён; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции[1] и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но всё поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошёл мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось со снежным морем. Всё исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!»

Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вихрь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали.

— Что же ты не едешь? — спросил я ямщика с нетерпением.

— Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка, — невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом.

---

[1] *Ста́нция* — пункт остановки и смены лошадей на больших дорогах.

Правообладатель Национальный институт образования

Я стал было его бранить. Савельич за него заступился.

— И охота было не слушаться, — говорил он сердито, — воротился бы на постоялый двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу! — Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила[1] или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели… Вдруг увидел я что-то чёрное.

— Эй, ямщик! — закричал я. — Смотри: что там такое чернеется?

Ямщик стал всматриваться.

— А бог знает, барин, — сказал он, садясь на своё место, — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек.

Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас и стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поравнялись с человеком.

— Гей, добрый человек! — закричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорога?

— Дорога-то здесь; я стою на твёрдой полосе, — отвечал дорожный, — да что толку?

— Послушай, мужичок, — сказал я ему, — знаешь ли ты эту сторону? Возьмёшься ли ты довести меня до ночлега?

---

[1] *Жило́* (устар.) — жильё.

Правообладатель Национальный институт образования

— Сторона мне знакомая, — отвечал дорожный, — слава богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперёк. Да, вишь, какая погода: как раз собьёшься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдём дорогу по звёздам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уже решился, предав себя Божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава богу, жило недалеко: сворачивай вправо да поезжай».

— А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. — Ямщик казался мне прав.

«В самом деле, — сказал я, — почему думаешь ты, что жило недалече?» — «А потому, что ветер оттоле потянул, — отвечал дорожный, — и я слышу дымом пахнуло; знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил циновку[1], закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое <...> Мне казалось, буран ещё свирепствовал и мы ещё блуждали по снежной пустыне... Вдруг

[1] *Цино́вка* — здесь: занавеска из плетёной грубой ткани.

Правообладатель Национальный институт образования

увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтоб батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почёл бы его умышленным ослушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, — говорит она мне, — отец болен при смерти и желает с тобою проститься». Поражённый страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постели, матушка приподнимает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал: он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего, вижу в постели лежит мужик с чёрной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» — «Всё равно, Петруша, — отвечала мне матушка, — это твой посажёный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мёртвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под моё благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич держал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

— Куда приехали? — спросил я, протирая глаза.

Правообладатель Национальный институт образования

— На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран ещё продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою[1], и ввёл меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала её. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий[2] казак, казался мужик лет шестидесяти, ещё свежий и бодрый. Савельич внёс за мною погребец, потребовал огня, чтобы готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошёл хлопотать.

— Где же вожатый? — спросил я у Савельича.

«Здесь, ваше благородие», — отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полати и увидел чёрную бороду и два сверкающих глаза. «Что, брат, прозяб?» — «Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? Заложил вечор у целовальника[3]: мороз показался не велик». В эту минуту хозяин вошёл с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна. Он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В чёрной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и

---

[1] *Пола́* — нижняя часть раскрывающейся спереди одежды.

[2] *Яи́цкий* — живущий на реке Яик – устаревшее название реки Урал.

[3] *Целова́льник* (устар.) — продавец вина в питейных домах, кабаках.

Правообладатель Национальный институт образования

бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нём был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднёс ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питьё». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца[1] штоф[2] и стакан, подошёл к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, — сказал он, — опять ты в нашем краю! Отколе Бог принёс?» Вожатый мой мигнул значительно и ответил поговоркою: «В огороде летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте[3].

— Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! За ваше здоровье! — При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирённого после бунта 1772 года. Савельич слушал с

---

[1] *Ста́вец* (устар.) — невысокий шкаф для посуды.

[2] *Штоф* — старая русская мера водки, равная 1/10 ведра; а также бутылка водки такой меры.

[3] *Пого́ст* — кладбище.

Правообладатель Национальный институт образования

видом большого неудовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, *умёт*, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань[1]. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лёг на лавку. Савельич решился убраться на печь; хозяин лёг на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помочь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился.

— Полтину на водку! — сказал он, — за что это? За то, что ты же изволил подвезти его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придётся голодать.

Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно, однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня если

[1] *Прúстань* — здесь: пристанище, приют, убежище.

Правообладатель Национальный институт образования

не из беды, то, по крайней мере, из очень неприятного положения.

— Хорошо, — сказал я хладнокровно, — если не хочешь дать полтину, ты вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп.

— Помилуй, батюшка Пётр Андреич! — сказал Савельич. — Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьёт, собака, в первом кабаке.

— Это, старинушка, уж не твоя печаль, — сказал мой бродяга, — пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует[1] шубу со своего плеча: его на то барская воля, а твоё холопье дело не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойник! — отвечал ему Савельич сердитым голосом. — Ты видишь, что дитя ещё не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напялишь его на свои окаянные плечища.

— Прошу не умничать, — сказал я своему дядьке, — сейчас неси сюда тулуп.

— Господи владыко! — простонал мой Савельич. — Заячий тулуп почти новёшенький! И добро бы кому, а то пьянице оголелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле, тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня

[1] *Жа́ловать* (устар.) — награждать, дарить.

Правообладатель Национальный институт образования

до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». Он пошёл в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своём вожатом и о заячьем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину роста высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времён Анны Иоанновны[1], а в его речи сильно отзывался немецкий выговор[2]. Я подал ему письмо от батюшки. При имени его он взглянул на меня быстро. <...>

— Ну, батюшка, — сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт, — всё будет сделано: ты будешь офицером переведён в *** полк, и, чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в команде капитана Миронова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине. В Оренбурге делать тебе нечего; рассеяние[3] вредно молодому человеку. А сегодня милости просим отобедать у меня. <...>

На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

---

[1] *А́нна Иоа́нновна* (1693—1740) — русская царица.

[2] *Вы́говор* — здесь: характер произношения, акцент.

[3] *Рассе́яние* — здесь: развлечения, приятное времяпрепровождение.

Правообладатель Национальный институт образования

Глава III

КРЕПОСТЬ

Мы в фортеции[1] живём,
Хлеб едим и воду пьём;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня

Старинные люди, мой батюшка.

«Недоросль»

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река ещё не замёрзла, и её свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи. Я погрузился в размышления, большею частию печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. Между тем начало смеркаться. Мы ехали довольно скоро.

— Далече ли до крепости? — спросил я у своего ямщика.

— Недалече, — отвечал он. — Вон уж видна.

---

[1] *Форте́ция* (устар.) — крепость.

Правообладатель Национальный институт образования

Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы[1], башни и вал; но ничего не видел, кроме деревушки, окружённой бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирда сена, полузанесённые снегом; с другой — скривившаяся мельница, с лубочными[2] крыльями, лениво опущенными.

— Где же крепость? — спросил я с удивлением.

— Да вот она, — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в неё въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломою. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошёл в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид[3], сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зелёного мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войдите, батюшка, — отвечал инвалид, — наши дома». Я вошёл в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел диплом офицерский[4] за стеклом и в рамке... У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, кото-

---

[1] *Бастио́н* — один из видов крепостных укреплений.

[2] *Лубо́чный* — здесь: лубяной, сделанный из липового лубка, т. е. подкорья.

[3] *Инвали́д* — здесь (устар.): военнослужащий, состарившийся на службе.

[4] *Дипло́м офице́рский* — свидетельство о присвоении офицерского звания.

Правообладатель Национальный институт образования

рые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире. «Что вам угодно, батюшка?» — спросила она, продолжая своё занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мою речь. «Ивана Кузьмича дома нет, — сказала она, — он пошёл в гости к отцу Герасиму; да всё равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула девку и велела ей позвать урядника[1]. Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством. «Смею спросить, — сказал он, — вы в каком полку изволили служить?» Я удовлетворил его любопытству. «А смею спросить, — продолжал он, — зачем изволили вы перейти из гвардии в гарнизон?» Я отвечал, что такова воля начальства. «Чаятельно[2], за неприличные гвардии офицеру поступки», — продолжал неутомимый вопрошатель[3]. — «Полно врать[4] пустяки, — сказала ему капитанша, — ты видишь, молодой человек с дороги устал; ему не до тебя... (держи-ка руки прямее...). А ты, мой батюшка, — продолжала она, обращаясь ко мне, — не печалься, что тебя упекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится. Швабрин Алексей Иваныч вот уж пятый год как к

---

[1] *Уря́дник* — лицо младшего командного состава в казачьих войсках царской армии.

[2] *Ча́ятельно* (устар.) — вероятно, по-видимому.

[3] *Вопроша́тель* (устар.) — спрашивающий, задающий вопрос.

[4] *Врать* — здесь (устар.): болтать.

Правообладатель Национальный институт образования

нам переведён за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяли с собой шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иваныч и заколол поручика, да ещё при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет».

В эту минуту вошёл урядник, молодой и статный казак. «Максимыч! — сказала ему капитанша. — Отведи господину офицеру квартиру, да почище». — «Слушаю, Василиса Егоровна, — отвечал урядник. — Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?» — «Врёшь, Максимыч, — сказала капитанша, — у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. Отведи господина офицера... как ваше имя и отчество, мой батюшка?» — «Пётр Андреич». — «Отведи Петра Андреича к Семёну Кузову. Он, мошенник, лошадь свою пустил ко мне в огород. Ну что, Максимыч, всё ли благополучно?»

— Всё, слава богу, тихо, — отвечал казак, — только капрал[1] Прохоров подрался в бане с Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

— Иван Игнатьич! — сказала капитанша кривому старичку. — Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи. Ну, Максимыч, ступай себе с богом. Пётр Андреич, Максимыч отведёт вас на вашу квартиру.

Я откланялся. Урядник привёл меня в избу, стоявшую на высоком берегу реки, на самом краю крепости. Половина избы занята была семьёю Семёна Кузова, другую отвели мне. Она состояла из одной

[1] *Капра́л* — первый после рядового чин в армии XVIII века.

Правообладатель Национальный институт образования

горницы, довольно опрятной, разделённой надвое перегородкой. Савельич стал в ней распоряжаться; я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избушек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем. И вот в какой стороне осуждён я был проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошёл от окошка и лёг спать без ужина, несмотря на увещания Савельича, который повторял с сокрушением: «Господи владыко! Ничего кушать не изволит! Что скажет барыня, коли дитя занеможет?»

На другой день поутру я только что стал одеваться, как дверь отворилась и ко мне вошёл молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. «Извините меня, — сказал он мне по-французски, — что я без церемонии[1] прихожу с Вами познакомиться. Вчера узнал я о Вашем приезде; желание увидеть, наконец, человеческое лицо так овладело мною, что я не вытерпел. Вы это поймёте, когда проживёте здесь ещё несколько времени». Я догадался, что это был офицер, выписанный[2] из гвардии за поединок. Мы тотчас познакомились. Швабрин был очень неглуп. Разговор его был остёр и занимателен. Он с большой весёлостью описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смеялся от чистого сердца, как вошёл ко мне тот самый инвалид, который чинил мундир в

---

[1] *Церемо́ния* — стеснение в поступках, обращении.

[2] *Вы́писанный* — здесь: исключённый, вычеркнутый из списков.

Правообладатель Национальный институт образования

передней коменданта, и от имени Василисы Егоровны позвал меня к ним обедать. Швабрин вызвался идти со мною вместе.

Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фрунт[1]. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого роста, в колпаке и китайчатом[2] халате. Увидя нас, он к нам подошёл, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать. Мы остановились было смотреть на учение; но он просил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами.

— А здесь, — прибавил он, — нечего вам смотреть.

Василиса Егоровна приняла нас запросто и радушно и обошлась со мною, как бы век была знакома. Инвалид и Палашка накрывали стол. «Что это мой Иван Кузьмич сегодня так заучился! — сказала комендантша. — Палашка, позови барина обедать. Да где же Маша?» Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, со светло-русыми волосами, гладко зачёсанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на неё с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить. Между тем подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за ним Палашку. «Скажи барину: гости-де ждут, щи про-

---

[1] *Вы́строить во фрунт* — лицом к командиру.

[2] *Китáйчатый* — сделанный из китайки (плотной гладкой ткани).

Правообладатель Национальный институт образования

стынут; слава богу, ученье не уйдёт; успеет накричаться». Капитан вскоре явился, сопровождаемый кривым старичком. «Что это, мой батюшка? — сказала ему жена. — Кушанье давным-давно подано, а тебя не дозовёшься». — «А слышь ты, Василиса Егоровна, — отвечал Иван Кузьмич, — я был занят службой: солдатушек учил». — «И, полно! — возразила капитанша. — Только слава, что солдат учишь: ни им служба не даётся, ни ты в ней толку не ведаешь. Сидел бы дома да Богу молился, так было бы лучше. Дорогие гости, милости просим за стол».

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково их состояние? Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! — сказала она, — ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава богу, живём помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое? Частый гребень, да веник, да алтын[1] денег (прости бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдётся добрый человек; а то сиди себе в девках вековечной невестою». Я взглянул на Марью Ивановну: она вся покраснела, и даже слёзы капнули на её тарелку. Мне стало жаль её, и я спешил переменить разговор. «Я слышал, — сказал я довольно некстати, — что на вашу крепость собираются напасть башкирцы». — «От кого, батюшка, ты изволил это слышать?» — спросил Иван Кузьмич. «Мне так сказывали в Оренбурге», — отвечал я.

[1] *Алты́н* — старинная русская монета, равная трём копейкам.

Правообладатель Национальный институт образования

«Пустяки! — сказал комендант. — У нас давно ничего не слыхать. Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку[1], что лет на десять угомоню». — «И вам не страшно, — продолжал я, обращаясь к капитанше, — оставаться в крепости, подверженной таким опасностям?» — «Привычка, мой батюшка, — отвечала она. — Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи господи, как я боялась проклятых этих нехристей! Как завижу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу визг, веришь, отец мой, сердце так и замрёт! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыщут».

— Василиса Егоровна — прехрабрая дама, — заметил важно Швабрин. — Иван Кузьмич может это засвидетельствовать.

— Да, слышь ты, — сказал Иван Кузьмич, — баба-то не робкого десятка.

— А Марья Ивановна? — спросил я, — так же ли смела, как и вы?

— Смела ли Маша? — отвечала её мать. — Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья: так и затрепещется. А как тому два года Иван Кузьмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страху на тот свет не отправилась. С тех пор уже и не палим из проклятой пушки.

Мы встали из-за стола. Капитан с капитаншею отправились спать; а я пошёл к Швабрину, с которым и провёл целый вечер.

---

[1] *Остра́стка* — строгое предупреждение или наказание.

Правообладатель Национальный институт образования

Глава IV

ПОЕДИНОК

— Ин изволь и стань же в позитуру[1].
Посмотришь, проколю как я твою фигуру!

Княжнин

Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но и приятною. В доме коменданта был я принят как родной. Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузьмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечностью. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться[2]. Мы познакомились. Я в ней нашёл благоразумную и чувствительную девушку. Незаметным образом я привязался к доброму семейству, даже к Ивану Игнатьевичу, кривому гарнизонному поручику, о котором Швабрин выдумал, будто бы он был в непозволительной связи с Василисой Егоровной, что не имело и тени правдоподобия; но Швабрин о том не беспокоился.

Я был произведён в офицеры. Служба меня не отягощала. В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов. Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат; но

---

[1] *Позиту́ра* — поза, положение, принимаемое при дуэли на шпагах.

[2] *Дичи́ться* — стесняться, чуждаться людей.

Правообладатель Национальный институт образования

ещё не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая. <…> У Швабрина было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе. По утрам я читал, упражнялся в переводах, а иногда и в сочинении стихов. Обедал почти всегда у коменданта, где обыкновенно проводил остаток дня и куда вечером иногда являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной, первою вестовщицею[1] во всём околотке. С А. И. Швабриным, разумеется, виделся я каждый день; но час от часу беседа его становилась для меня менее приятною. Всегдашние шутки его насчёт семьи коменданта мне очень не нравились, особенно колкие замечания о Марье Ивановне. Другого общества в крепости не было; но я другого и не желал.

Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван внезапным междоусобием.

Я уже сказывал, что я занимался литературою. Опыты мои для тогдашнего времени были изрядны, а Александр Петрович Сумароков[2] несколько лет после, очень их похвалял. Однажды удалось мне написать песенку, которой был я доволен. Известно, что сочинители иногда, под видом требования советов, ищут благосклонного слушателя. Итак, переписав мою песенку, я понёс её к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведение стихотворца. После маленького предисло-

---

[1] *Вестовщи́ца* (устар.) — любительница рассказывать новости.

[2] *Сумаро́ков А. П.* (1717—1777) — русский поэт и драматург.

Правообладатель Национальный институт образования

вия вынул я из кармана свою тетрадку и прочёл ему следующие стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь[1] прекрасную забыть.
И ах, Машу избегая,
Мышлю[2] вольность получить!

Но глаза, что мя[3] пленили,
Всеминутно предо мной;
Они дух во мне смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнав мои напасти[4],
Сжалься, Маша, надо мной;
Зря[5] меня в сей лютой части[6]
И что я пленён тобой.

— Как ты это находишь? — спросил я Швабрина, ожидая похвалы, как дани, мне непременно следующей. Но, к великой моей досаде, Швабрин, обыкновенно снисходительный, решительно объявил, что песня моя нехороша.

— Почему так? — спросил я его, скрывая свою досаду.

— Потому, — отвечал он, — что такие стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковского[7], и очень напоминают мне его любовные куплетцы[8].

---

[1] *Тщусь* (устар.) — напрасно стараюсь.

[2] *Мы́шлю* — мыслю, думаю.

[3] *Мя* (устар.) — меня.

[4] *Напа́сти* (разг.) — беды, горе, страдания.

[5] *Зря* (устар.) — видя.

[6] *Часть* (устар.) — здесь: участь, судьба.

[7] *Тредьяко́вский В. К.* (1703—1769) — русский поэт, переводчик, теоретик литературы.

[8] *Купле́т* — строфа, часть песни.

Правообладатель Национальный институт образования

Тут он взял от меня тетрадку и начал немилосердно разбирать каждый стих и каждое слово, издеваясь надо мной самым колким образом. Я не вытерпел, вырвал из рук его мою тетрадку и сказал, что уж отроду не покажу ему своих сочинений. Швабрин посмеялся и над этой угрозою. «Посмотрим, — сказал он, — сдержишь ли ты своё слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузьмичу графинчик водки перед обедом. А кто эта Маша, перед которой изъясняешься в нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?»

— Не твоё дело, — отвечал я нахмурясь, — кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнения, ни твоих догадок.

— Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный любовник! — продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня. — Но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками.

— Что это, сударь, значит? Изволь объясниться.

— С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серёг.

Кровь моя закипела.

— А почему ты об ней такого мнения? — спросил я, с трудом удерживая своё негодование.

— А потому, — отвечал он с адской усмешкою, — что знаю по опыту её нрав и обычай.

— Ты лжёшь, мерзавец! — вскричал я в бешенстве. — Ты лжёшь самым бесстыдным образом.

Швабрин переменился в лице.

— Это тебе так не пройдёт, — сказал он, стиснув мне руку. — Вы мне дадите сатисфакцию[1].

---

[1] *Сатисфа́кция* — удовлетворение (здесь: вызов на дуэль).

Правообладатель Национальный институт образования

— Изволь; когда хочешь! — отвечал я, обрадовавшись. В эту минуту я готов был растерзать его.

[Гринёв пытается уговорить Ивана Игнатьича стать его секундантом, тот предлагает отказаться от дуэли, решить спор иначе.]

Вечер провёл я, по обыкновению своему, у коменданта. Я старался казаться весёлым и равнодушным, дабы не подать никакого подозрения и избегнуть докучных вопросов; но, признаюсь, я не имел того хладнокровия, которым хвалятся почти всегда те, которые находились в моём положении. В этот вечер я расположен был к нежности и к умилению. Марья Ивановна нравилась мне более обыкновенного. Мысль, что, может быть, вижу её в последний раз, придавала ей в моих глазах что-то трогательное. Швабрин явился тут же. Я отвёл его в сторону и уведомил его о своём разговоре с Иваном Игнатьичем. «Зачем нам секунданты, — сказал он мне сухо, — без них обойдёмся». Мы условились драться за скирдами, что находились подле крепости, и явиться туда на другой день в седьмом часу утра. Мы разговаривали, по-видимому, так дружелюбно, что Иван Игнатьич от радости проболтался. «Давно бы так, — сказал он мне с довольным видом, — худой мир лучше доброй ссоры, а и нечестен, так здоров».

— Что, что, Иван Игнатьич? — сказала комендантша, которая в углу гадала в карты, — я не вслушалась.

Иван Игнатьич, заметив во мне знаки неудовольствия... смутился и не знал, что отвечать. Швабрин подоспел к нему на помощь.

Правообладатель Национальный институт образования

— Иван Игнатьич, — сказал он, — одобряет нашу мировую.

— А с кем это, мой батюшка, ты ссорился?

— Мы было поспорили довольно крупно с Петром Андреичем.

— За что так?

— За сущую безделицу: за песенку, Василиса Егоровна.

— Нашли за что ссориться! За песенку!.. Да как же это случилось?

— Да вот как: Пётр Андреич сочинил недавно песню и сегодня запел её при мне, а я затянул мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять в полночь.

Вышла разладица. Пётр Андреич было и рассердился; но потом рассудил, что всяк волен петь, что кому угодно. Тем дело и кончилось.

Бесстыдство Швабрина чуть меня не взбесило; но никто, кроме меня, не понял грубых его обиняков[1]; по крайней мере, никто не обратил на них внимания. <...>

На другой день в назначенное время я стоял уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскоре и он явился. «Нас могут застать, — сказал он мне, — надобно поспешить». Мы сняли мундиры, остались в одних камзолах[2] и обнажили шпаги. В эту минуту из-за скирда вдруг появился Иван Игнатьич и человек пять инвалидов. Он потребовал

---

[1] *Обинякú* — намёки.

[2] *Камзóл* — короткая мужская одежда без рукавов, вроде жилета.

Правообладатель Национальный институт образования

нас к коменданту. Мы повиновались с досадою; солдаты нас окружили, и мы отправились в крепость вслед за Иваном Игнатьичем, который вёл нас в торжестве, шагая с удивительной важностию.

Мы вошли в комендантский дом. Иван Игнатьич отворил двери, провозгласив торжественно: «Привёл!» Нас встретила Василиса Егоровна. «Ах, мои батюшки! На что это похоже? Как? Что? В нашей крепости заводить смертоубийство! Иван Кузьмич, сейчас их под арест! Пётр Андреич! Алексей Иваныч! Подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги в чулан. Пётр Андреич! Этого я от тебя не ожидала. Как тебе не совестно? Добро Алексей Иваныч: он за душегубство и из гвардии выписан, он и в Господа Бога не верует; а ты-то что? Туда же лезешь?»

Иван Кузьмич вполне соглашался со своею супругою и приговаривал: «А слышь ты, Василиса Егоровна правду говорит. Поединки формально запрещены в воинском артикуле[1]». Между тем Палашка взяла у нас наши шпаги и отнесла в чулан. Я не мог не засмеяться. Швабрин сохранил свою важность. «При всём моём уважении к вам, — сказал он ей хладнокровно, — не могу не заметить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая нас вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузьмичу: это его дело». — «Ах, мой батюшка! — возразила комендантша. — Да разве муж и жена не един дух и едина плоть? Иван Кузьмич! Что ты зеваешь?

---

[1] *Во́инский арти́кул* — сборник законов о воинских обязанностях, преступлениях и наказаниях, действовавший в XVIII — начале XIX века.

Правообладатель Национальный институт образования

Сейчас рассади их по разным углам на хлеб да на воду, чтоб у них дурь-то прошла; да пусть отец Герасим наложит на них эпитимию[1], чтоб молили у Бога прощения да каялись перед людьми».

Иван Кузьмич не знал, на что решиться. Марья Ивановна была чрезвычайно бледна. Мало-помалу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила нас друг друга поцеловать. Палашка принесла нам наши шпаги. Мы вышли от коменданта, по-видимому, примирённые. Иван Игнатьич нас сопровождал. «Как вам не стыдно было, — сказал я ему сердито, — доносить на нас коменданту после того, как дали мне слово того не делать?» — «Как Бог свят, я Ивану Кузьмичу того не говорил, — отвечал он. — Василиса Егоровна выведала всё от меня. Она всем и распорядилась без ведома коменданта. Впрочем, слава богу, что всё так кончилось». С этим словом он повернул домой, а Швабрин и я остались наедине. «Наше дело этим кончиться не может», — сказал я ему. «Конечно, — отвечал Швабрин, — вы своею кровью будете отвечать мне за вашу дерзость; но за нами, вероятно, станут присматривать. Несколько дней нам должно будет притворяться. До свидания!» И мы расстались как ни в чём не бывало.

Возвратясь к коменданту, я по обыкновению своему подсел к Марье Ивановне. Ивана Кузьмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйством. Мы разговаривали вполголоса, Марья Ивановна с нежностию выговаривала мне за беспокойство, причинённое всем моею ссорою со Шваб-

[1] *Эпити́мия* — церковное наказание.

Правообладатель Национальный институт образования

риным. «Я так и обмерла, — сказала она, — когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю, верно б, они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнию, но и совестию, и благополучием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно, виноват Алексей Иваныч».

— А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

— Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Иваныча. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась. Это меня беспокоило бы страх.

— А как вы думаете, Марья Ивановна? Нравитесь ли вы ему или нет?

Марья Ивановна заикнулась и покраснела.

— Мне кажется, — сказала она, — я думаю, что нравлюсь.

— Почему же вам так кажется?

— Потому что он за меня сватался.

— Сватался! Он за вас сватался? Когда же?

— В прошлом году. Месяца два до вашего приезда.

— И вы не пошли?

— Как изволите видеть. Алексей Иваныч, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! Ни за какие благополучия!

Слова Марьи Ивановны открыли мне глаза и объяснили мне многое. Я понял упорное злоречие, которым Швабрин её преследовал. Вероятно,

Правообладатель Национальный институт образования

замечал он нашу взаимную склонность и старался отвлечь нас друг от друга. Слова, подавшие повод к нашей ссоре, показались мне ещё более гнусными, когда, вместо грубой и непристойной насмешки, увидел я в них обдуманную клевету. Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне ещё сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая.

Я дожидался недолго. На другой день, когда сидел я за элегией и грыз перо в ожидании рифмы, Швабрин постучался под моим окошком. Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел. «Зачем откладывать? — сказал мне Швабрин, — за нами не смотрят. Сойдём к реке. Там никто нам не помешает». Мы отправились молча. Спустясь по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и monsieur Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я своё имя, громко произнесённое. Я оглянулся и увидел Савельича, сбегающего ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже плеча; я упал и лишился чувств.

Правообладатель Национальный институт образования

Глава V

ЛЮБОВЬ

Ах ты, девка, девка красная!
Не ходи, девка, молода замуж;
Ты спроси, девка, отца, матери,
Отца, матери, роду-племени;
Накопи, девка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.

Песня народная

Буде[1] лучше меня найдёшь, позабудешь,
Если хуже меня найдёшь, воспомянешь.

То же

[В доме коменданта раненый Гринёв пять суток пролежал без сознания. За ним ухаживали Савельич и Маша.]

Проснувшись, подозвал я Савельича и вместо него увидел перед собою Марью Ивановну; ангельский голос её меня приветствовал. Не могу выразить сладостного чувства, овладевшего мною в эту минуту. Я схватил её руку и прильнул к ней, обливая слезами умиления. Маша не отрывала её… и вдруг её губки коснулись моей щеки, и я почувствовал их жаркий и свежий поцелуй. Огонь пробежал по мне. «Милая, добрая Марья Ивановна, — сказал я ей, — будь моею женою, согласись на моё счастие». Она опомнилась. «Ради бога, успокойтесь, — сказала она, отняв у меня свою руку. — Вы ещё в опасности: рана может открыться. Поберегите себя хоть для меня». С этим словом она ушла, оставя меня в упоении восторга. Счастие воскресило меня. Она будет моя! Она меня любит! Эта мысль наполняла всё моё существование.

---

[1] *Бу́де* (устар.) — если.

Правообладатель Национальный институт образования

С той поры мне час от часу становилось лучше. Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было, и, слава богу, не умничал. Молодость и природа ускорили моё выздоровление. Всё семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна от меня не отходила. Разумеется, при первом удобном случае я принялся за прерванное объяснение, и Марья Ивановна выслушала меня терпеливее. Она безо всякого жеманства[1] призналась мне в сердечной склонности и сказала, что её родители, конечно, рады будут её счастию. «Но подумай хорошенько, — прибавила она, — со стороны твоих родных не будет ли препятствия?»

Я задумался. В нежности матушкиной я не сомневался; но, зная нрав и образ мыслей отца, я чувствовал, что любовь моя не слишком его тронет и что он будет на неё смотреть, как на блажь молодого человека. Я чистосердечно признался в том Марье Ивановне и решился, однако, писать к батюшке как можно красноречивее, прося родительского благословения. Я показал письмо Марье Ивановне, которая нашла его столь убедительным и трогательным, что не сомневалась в успехе его и предалась чувствам нежного своего сердца со всею доверчивостию молодости и любви.

Со Швабриным я помирился в первые дни моего выздоровления. Иван Кузьмич, выговаривая мне за поединок, сказал мне: «Эх, Пётр Андреич! Надлежало бы мне посадить тебя под арест, да ты уж и без того наказан. А Алексей Иваныч у меня таки сидит в хлебном магазине под караулом, и шпага его под замком у Василисы Егоровны. Пускай он себе на-

[1] *Жема́нство* — слащавая изысканность, манерность в обращении.

Правообладатель Национальный институт образования

думается да раскается». Я слишком был счастлив, чтобы хранить в сердце чувство неприязненное. Я стал просить за Швабрина, и добрый комендант, с согласия своей супруги, решился его освободить. Швабрин пришёл ко мне; он изъявил глубокое сожаление о том, что случилось между нами; признался, что был кругом виноват, и просил меня забыть о прошедшем. Будучи от природы не злопамятен, я искренно простил ему и нашу ссору, и рану, мною от него полученную. В клевете его видел я досаду оскорблённого самолюбия и отвергнутой любви и великодушно извинял своего несчастного соперника.

Вскоре я выздоровел и мог перебраться на мою квартиру. С нетерпением ожидал я ответа на посланное письмо, не смея надеяться и стараясь заглушить печальные предчувствия. С Василисой Егоровной и с её мужем я ещё не объяснялся; но предложение моё не должно было их удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать от них своих чувств, и мы заранее были уже уверены в их согласии.

Наконец однажды утром Савельич вошёл ко мне, держа в руках письмо. Я схватил его с трепетом. <...> Содержание письма было следующее:

«Сын мой Пётр! Письмо твоё, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак с Марьей Ивановной, дочерью Мироновой, мы получили 15 сего месяца, и не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но ещё и собираюсь до тебя добраться да за проказы твои проучить тебя путём, как мальчишку, несмотря на твой офицерский чин: ибо ты доказал, что шпагу носить ещё не достоин, которая пожалована тебе на защиту Отечества,

Правообладатель Национальный институт образования

а не для дуэлей с такими же сорванцами, каков ты сам. Немедленно буду писать к Андрею Карловичу, прося его перевести тебя из Белогорской крепости куда-нибудь подальше, где бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнав о твоём поединке и о том, что ты ранен, с горести занемогла и теперь лежит. Что из тебя будет? Молю Бога, чтоб ты исправился, хоть и не смею надеяться на его великую милость.

Отец твой *А. Г.*»

Чтение сего письма возбудило во мне разные чувствования. Жестокие выражения, на которые батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым. Мысль о переведении моём из Белогорской крепости меня ужасала, но всего более огорчило меня известие о болезни матери. Я негодовал на Савельича, не сомневаясь, что поединок мой стал известен родителям через него. Шагая взад и вперёд по тесной моей комнате, я остановился перед ним и сказал, взглянув на него грозно: «Видно, тебе не довольно, что я, благодаря тебе, ранен и целый месяц был на краю гроба; ты и мать мою хочешь уморить». Савельич был поражён, как громом. «Помилуй, сударь, — сказал он, чуть не зарыдав, — что это изволишь говорить? Я причина, что ты был ранен! Бог видит, бежал я заслонить тебя своей грудью от шпаги Алексея Иваныча! Старость проклятая помешала. Да что ж я сделал матушке-то твоей?» — «Что ты сделал? — отвечал я. — Кто просил тебя писать на меня доносы? Разве ты приставлен ко мне в шпионы?» — «Я? Писал на тебя доносы? — отвечал Савельич со слезами. — Господи, царю небесный! Так изволь-ка прочитать, что пишет ко мне барин: увидишь, как я доносил

Правообладатель Национальный институт образования

на тебя». Тут он вынул из кармана письмо, и я прочёл следующее:

«Стыдно тебе, старый пёс, что ты, невзирая на мои строгие приказания, мне не донёс о сыне моём Петре Андреевиче и что посторонние принуждены уведомлять меня о его проказах. Так ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, старого пса, пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство[1] к молодому человеку. С получением сего приказываю тебе немедленно отписать ко мне, каково теперь его здоровье, о котором пишут мне, что поправилось; да в какое именно место он ранен и хорошо ли его залечили».

Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упрёком и подозрением. Я просил у него прощения… <…>

Но кто же брал на себя труд уведомить отца моего о моём поведении? Генерал? Но он, казалось, обо мне не слишком заботился; а Иван Кузьмич не почёл за нужное рапортовать о моём поединке. Я терялся в догадках. Подозрения мои остановились на Швабрине. Он один имел выгоду в доносе, коего следствием могло быть удаление моё из крепости и разрыв с комендантским семейством. Я пошёл объявить обо всём Марье Ивановне. Она встретила меня на крыльце. «Что это с вами сделалось? — сказала она, увидев меня. — Как вы бледны!» — «Всё кончено!» — отвечал я и отдал ей батюшкино письмо. Она побледнела в свою очередь. Прочитав, она возвратила мне письмо дрожащею рукою и сказала дрожащим голосом: «Видно, мне не судьба… Родные ваши не хотят меня в свою

[1] *Потво́рство* — поощрение, содействие в чём-либо предосудительном, непозволительном.

Правообладатель Национальный институт образования

семью. Буди во всём воля Господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно. Делать нечего, Пётр Андреич; будьте хоть вы счастливы...» — «Этому не бывать! — вскричал я, схватив её за руку. — Ты меня любишь; я готов на всё. Пойдём, кинемся в ноги к твоим родителям; они люди простые, не жестокосердые гордецы... Они нас благословят; мы обвенчаемся... а там, со временем, я уверен, мы умолим отца моего; матушка будет за нас; он меня простит...» — «Нет, Пётр Андреич, — отвечала Маша, — я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет тебе счастия. Покоримся воле Божией. Коли найдёшь себе суженую[1], коли полюбишь другую — бог с тобою, Пётр Андреич; а я за вас обоих...» Тут она заплакала и ушла от меня; я хотел было войти за нею в комнату, но чувствовал, что был не в состоянии владеть самим собою, и воротился домой.

Я сидел, погружённый в глубокую задумчивость, как вдруг Савельич прервал мои размышления.

— Вот, сударь, — сказал он, подавая мне исписанный лист бумаги, — посмотри, доносчик ли я на своего барина и стараюсь ли я помутить сына с отцом.

Я взял из рук его бумагу: это был ответ Савельича на полученное им письмо. Вот он от слова до слова:

«Государь Андрей Петрович, отец наш милостивый!

Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего, что-де стыдно мне не исполнять господских при-

[1] *Су́женая* — невеста.

Правообладатель Национальный институт образования

казаний, — а я не старый пёс, а верный ваш слуга, господских приказаний слушаюсь и усердно вам всегда служил и дожил до седых волос. Я ж про рану Петра Андреича ничего к вам не писал, чтоб не испужать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна, и так с испугу слегла, и за её здоровье Бога буду молить. А Пётр Андреич ранен был под правое плечо, в грудь, под самую косточку, в глубину на полтора вершка, и лежал он в доме коменданта, куда принесли мы его с берега, и лечил его здешний цирюльник Степан Парамонов; и теперь Пётр Андреич, слава богу, здоров, и про него, кроме хорошего, нечего и писать. Командиры, слышно, им довольны; а у Василисы Егоровны он как родной сын. А что с ним случилась такая оказия[1], то быль молодцу не укора: конь и о четырёх ногах да спотыкается. А изволите вы писать, что сошлёте меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За сим кланяюсь рабски.

Верный холоп ваш *Архип Савельев*».

Я не мог несколько раз не улыбнуться, читая грамоту[2] доброго старика. Отвечать батюшке я был не в состоянии; а чтоб успокоить матушку, письмо Савельича мне показалось достаточным.

С той поры положение моё переменилось. Марья Ивановна почти со мной не говорила и всячески старалась избегать меня. Дом коменданта стал для меня постыл. Мало-помалу приучился я сидеть один у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мне пеняла[3], но, видя моё упрямство, оставила меня в покое. С Иваном Кузьмичом виделся я только,

---

[1] *Ока́зия* — здесь: редкий, из ряда вон выходящий случай.

[2] *Гра́мота* — здесь: письмо.

[3] *Пеня́ть* — укорять, выговаривать кому-нибудь.

Правообладатель Национальный институт образования

когда того требовала служба. Со Швабриным встречался редко и неохотно, тем более, что замечал в нём скрытую к себе неприязнь, что и утверждало меня в моих подозрениях. Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума, или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение.

1. Что Пётр Гринёв рассказывает о своих родителях (см. также главу XIV), о своём образовании и воспитании в родительском доме? Какие черты, достойные уважения, можно отметить в характере его отца, в его взглядах на жизнь?
   - По каким эпизодам, поступкам молодого Гринёва (в родительском доме, в дороге, в Белогорской крепости) можно судить об основных чертах его характера, взглядах на жизнь? Следует ли Пётр Гринёв заповеди, полученной от отца? Как он понимает слово «честь»?
   - Как характеризуют Гринёва его отношения с Савельичем? Какое значение в формировании характера юноши имели общение с «добрым семейством» Мироновых, занятия литературой? Сопоставьте поведение Петра Гринёва и Алексея Швабрина. Охарактеризуйте их поступки.
   - Составьте план для характеристики Петра Гринёва.
2. Какой вы представляете Машу Миронову по первым главам? Что можете сказать о её воспитании, интересах, жизненных принципах, об отношении к людям?
3. Что в первых главах рассказано о Пугачёве? Почему в разговоре с хозяином постоялого двора он

Правообладатель Национальный институт образования

использует много пословиц? С какой целью в этой главе приводится «пророческий сон» Петра Гринёва (глава II)?

4. Прочитайте описание бурана в степи (глава II) и подумайте, как писателю удаётся передать ощущение грозной стихии. Определите роль глаголов и изобразительно-выразительных средств (сравнений, метафор) в описании бурана.

Глава VI

ПУГАЧЁВЩИНА

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем сказывати.

Песня

[В небольшом отступлении описывается Оренбургская губерния конца 1773 года, населённая полудикими народами, где крепости призваны были поддерживать порядок.]

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашёл я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкого урядника. В комнате не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал». Тут он надел очки и прочёл следующее:

«Господину коменданту Белогорской крепости капитану Миронову.

По секрету.

Правообладатель Национальный институт образования

Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник[1] Емельян Пугачёв, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвёл возмущение в яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради с получением сего имеете вы[2], господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно, и к совершенному уничтожению оного[3], если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению[4]».

— Принять надлежащие меры! — сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу. — Слышь ты, легко сказать. Злодей-то, видно, силён; а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха надежда, не в укор буди тебе сказано, Максимыч (урядник усмехнулся). Однако делать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота да выводите солдат. Ты, Максимыч, смотри крепко за своими казаками. Пушку осмотреть да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите всё это в тайне, чтоб в крепости никто не мог о том узнать преждевременно.

---

[1] *Раско́льник* — лицо, не признающее господствующей Православной церкви, хотя и не отвергающее религиозных взглядов (*раскол* — религиозное движение, возникшее в России в XVII веке и направленное против господствующей церкви).

[2] *Име́ете вы* — здесь: должны вы.

[3] *О́ный* (канц.) — вышеупомянутый.

[4] *Попече́ние* — здесь: забота, наблюдение.

Правообладатель Национальный институт образования

Раздав сии повеления, Иван Кузьмич нас распустил. Я вышел вместе со Швабриным, рассуждая о том, что мы слышали. «Как ты думаешь, чем это кончится?» — спросил я его. «Бог знает, — отвечал он, — посмотрим. Важного покамест ещё ничего не вижу. Если же...» Тут он задумался и в рассеянии стал насвистывать французскую арию.

Несмотря на все наши предосторожности, весть о появлении Пугачёва разнеслась по крепости. <...>

Вскоре все заговорили о Пугачёве. Толки были различны. Комендант послал урядника с поручением разведать хорошенько обо всём по соседним селениям и крепостям. Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи, вёрст за шестьдесят от крепости, видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идёт неведомая сила. Впрочем, не мог он сказать ничего положительного, потому что ехать далее побоялся.

В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение; во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата. Посланы были к ним лазутчики[1]. <...>

Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с возмутительными листами. <...>

Мы собрались опять. Иван Кузьмич в присутствии жены прочёл нам воззвание Пугачёва, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своём намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал не сопротивляться, угрожая казнию в противном случае.

---

[1] *Лазу́тчик* — разведчик.

Правообладатель Национальный институт образования

Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.

— Каков мошенник! — воскликнула комендантша. — Что смеет ещё нам предлагать! Выйти к нему навстречу и положить к ногам его знамёна! Ах он собачий сын! Да разве не знает он, что мы уже сорок лет в службе и всего, слава богу, насмотрелись? Неужто нашлись такие командиры, которые послушались разбойника?

— Кажется, не должно бы, — отвечал Иван Кузьмич. — А слышно, злодей завладел уж многими крепостями.

— Видно, он в самом деле силён, — заметил Швабрин.

— А вот сейчас узнаем настоящую его силу, — сказал комендант. — Василиса Егоровна, дай мне ключ от анбара. Иван Игнатьич, приведи-ка башкирца да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

— Постой, Иван Кузьмич, — сказала комендантша, вставая с места. Дай уведу Машу куда-нибудь из дому; а то услышит крик, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска[1]. Счастливо оставаться.

<...> В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки: ни судьи, ни подсудимые. Итак, приказание коменданта никого из нас не удивило и не встревожило. Иван Игнатьич отправился за башкирцем, который сидел в анбаре под ключом у комендантши, и через несколько минут невольника привели в переднюю. Комендант велел его к себе представить.

---

[1] *Ро́зыск* — дознание, следствие.

Правообладатель Национальный институт образования

Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого росту, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали ещё огнём. «Эхе! — сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году[1]. — Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?»

Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмыслия. «Что же ты молчишь? — продолжал Иван Кузьмич. — Али бельмес[2] по-русски не разумеешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослал в нашу крепость?»

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузьмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением и не отвечал ни слова.

— Якши[3], — сказал комендант, — ты у меня заговоришь. Ребята! Сымите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстрочите ему спину. Смотри ж, Юлай: хорошенько его!

Два инвалида стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный

---

[1] В 1740 году произошло восстание в Башкирии, жестоко подавленное. Многим участникам восстания в наказание обрезали носы и уши.

[2] *Бельме́с* — ничего (от татарск. *бильме́с* — не знает).

[3] *Якши́* (татарск.) — хорошо.

Правообладатель Национальный институт образования

детьми. Когда же один из инвалидов взял его руки и, положив их себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся, тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок. <...>

Все были поражены.

— Ну, — сказал комендант, — видно, нам от него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца в анбар. А мы, господа, кой о чём ещё потолкуем.

Мы стали рассуждать о нашем положении, как вдруг Василиса Егоровна вошла в комнату, задыхаясь и с видом чрезвычайно встревоженным.

— Что это с тобою сделалось? — спросил изумлённый комендант.

— Батюшки, беда! — отвечала Василиса Егоровна. — Нижнеозёрная взята сегодня утром. Работник отца Герасима сейчас оттуда воротился. Он видел, как её брали. Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди, злодеи будут сюда.

Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижнеозёрной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузьмича. Нижнеозёрная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти. С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачёва. Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло.

— Послушайте, Иван Кузьмич! — сказал я коменданту. — Долг наш — защищать крепость до последнего нашего издыхания; об этом и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности

Правообладатель Национальный институт образования

женщин. Отправьте их в Оренбург, если дорога ещё свободна, или в отдалённую, более надёжную крепость, куда злодеи не успели бы достигнуть.

Иван Кузьмич оборотился к жене и сказал ей:

— А слышь ты, матушка, и в самом деле, не отправить ли вас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?

— И, пустое! — сказала комендантша. — Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадёжна? Слава богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев, и киргизцев: авось и от Пугачёва отсидимся!

— Ну, матушка, — возразил Иван Кузьмич, — оставайся, пожалуй, коли ты на крепость нашу надеешься. Да с Машей-то что нам делать? Хорошо, коли отсидимся или дождёмся сикурса[1]; ну, а коли злодеи возьмут крепость?

— Ну, тогда... — тут Василиса Егоровна заикнулась и замолчала с видом чрезвычайного волнения.

— Нет, Василиса Егоровна, — продолжал комендант, замечая, что слова его подействовали, может быть, в первый раз в его жизни. — Маше здесь оставаться негоже. Отправим её в Оренбург к её крёстной матери: там и войска, и пушек довольно, и стена каменная. Да и тебе советовал бы с нею туда же отправиться; даром ты старуха, а посмотри, что с тобою будет, коли возьмут фортецию приступом.

— Добро, — сказала комендантша, — так и быть, отправим Машу. А меня и во сне не проси: не поеду. Нечего мне под старость лет расставаться с тобою да искать одинокой могилы на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать. <...>

---

[1] *Сику́рс* (воен., устар.) — помощь.

Правообладатель Национальный институт образования

Марья Ивановна явилась к ужину бледная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали из-за стола скорее обыкновенного; простясь со всем семейством, мы отправились по домам. Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовал, что застану Марью Ивановну одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу. «Прощайте, Пётр Андреич! — сказала она мне со слезами. — Меня посылают в Оренбург. Будьте живы и счастливы; может быть, Господь приведёт нас друг с другом увидеться; если же нет...» Тут она зарыдала. Я обнял её. «Прощай, ангел мой, — сказал я, — прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» Маша рыдала, прильнув к моей груди. Я с жаром её поцеловал и поспешно вышел из комнаты.

Глава VII

ПРИСТУП

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Ещё петельку шелковую.

Народная песня

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я намерен был отправиться на заре к крепостным воротам, от-

Правообладатель Национальный институт образования

куда Марья Ивановна должна была выехать, и там проститься с нею в последний раз. Я чувствовал в себе великую перемену: волнение души моей было мне гораздо менее тягостно, нежели то уныние, в котором ещё недавно был я погружён. С грустию разлуки сливались во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание опасностей, и чувства благородного честолюбия. Ночь прошла незаметно. Я хотел уже выйти из дому, как дверь моя отворилась и ко мне явился капрал с донесением, что наши казаки ночью выступили из крепости, взяв насильно с собою Юлая, и что около крепости разъезжают неведомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успеет выехать, ужаснула меня; я поспешно дал капралу несколько наставлений и тотчас бросился к коменданту.

Уж рассветало. Я летел по улице, как услышал, что зовут меня. Я остановился. «Куда вы? — сказал Иван Игнатьич, догоняя меня. — Иван Кузьмич на валу и послал меня за вами. Пугач пришёл». «Уехала ли Марья Ивановна?» — спросил я с сердечным трепетом. «Не успела, — отвечал Иван Игнатьич, — дорога в Оренбург отрезана, крепость окружена. Плохо, Пётр Андреич!»

Мы пошли на вал — возвышение, образованное природой и укреплённое частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружьё. Пушку туда перетащили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростию необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалося, казаки, но между ними находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысьим шапкам

Правообладатель Национальный институт образования

и по колчанам. Комендант обошёл своё войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди бравые и присяжные[1]!» Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас ускакали из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от неё. «Ну, что? — сказала комендантша. — Каково идёт баталья? Где же неприятель?» — «Неприятель недалече, — отвечал Иван Кузьмич. — Бог даст, всё будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» — «Нет, папенька, — отвечала Марья Ивановна, — дома одной страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомня, что накануне получил её из её рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце моё горело. Я воображал себя её рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин её доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооружённых копьями и сайдаками[2]. Между ними на белом коне ехал человек в красном кафтане, с

---

[1] *Прися́жные* — здесь: присягнувшие, принявшие присягу.

[2] *Сайда́к* — лук с колчаном и стрелами.

Правообладатель Национальный институт образования

обнажённой саблею в руке: это был сам Пугачёв. Он остановился; его окружили, и, как видно, по его повелению, четыре человека отделились и во весь опор подскакали под самую крепость. Мы в них узнали своих изменников. Один из них держал над шапкою лист бумаги; у другого на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам через частокол. Голова бедного калмыка упала к ногам коменданта. Изменники кричали: «Не стреляйте, выходите вон к государю. Государь здесь!»

«Вот я вас! — закричал Иван Кузьмич. — Ребята! Стреляй!» Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади; другие поскакали назад. Я взглянул на Марью Ивановну. Поражённая видом окровавленной головы Юлая, оглушённая залпом, она казалась без памяти. Комендант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака. Капрал вышел в поле и возвратился, ведя под уздцы лошадь убитого. Он вручил коменданту письмо. Иван Кузьмич прочёл его про себя и разорвал потом в клочки. Между тем мятежники, видимо, приготовлялись к действию. Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткнулись около нас в землю и в частокол. «Василиса Егоровна! — сказал комендант. — Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь: девка ни жива ни мертва».

Василиса Егоровна, присмиревшая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: «Иван Кузьмич, в животе и смерти[1] Бог волен: благослови Машу. Маша, подойди к отцу».

---

[1] *В животе́ и сме́рти* (устар.) — в жизни и смерти.

Правообладатель Национальный институт образования

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузьмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил её трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: он тебя не оставит. Коли найдётся добрый человек, дай бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же её поскорее». (Маша кинулась ему на шею и зарыдала.) «Поцелуемся ж и мы, — сказала, заплакав, комендантша. — Прощай, мой Иван Кузьмич. Отпусти мне[1], коли в чём я тебе досадила!» — «Прощай, прощай, матушка! — сказал комендант, обняв свою старуху. — Ну, довольно! Ступайте, ступайте же домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша с дочерью удалились. Я глядел вослед Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузьмич оборотился к нам, и всё внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, — сказал комендант, — будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечь хватила в самую средину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятились. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал. Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, — сказал комендант, — те-

[1] *Отпусти́ мне* (устар.) — прости меня.

Правообладатель Национальный институт образования

перь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята, вперёд, на вылазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузьмич. — Умирать так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошёл в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот ужо вам будет, государевым ослушникам!» Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же.

Пугачёв сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нём был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца с крестом в руках и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачёву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» — спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузьмича. Пугачёв грозно взглянул на старика и сказал ему:

Правообладатель Национальный институт образования

«Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твёрдым голосом: «Ты мне не государь, ты вор[1] и самозванец, слышь ты!» Пугачёв мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На её перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке верёвку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузьмича, вздёрнутого на воздух. Тогда привели к Пугачёву Ивана Игнатьича. «Присягай, — сказал ему Пугачёв, — государю Петру Фёдоровичу!» — «Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачёв махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачёва, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неописанному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошёл к Пугачёву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» — сказал Пугачёв, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», — повторяли мне губители, может быть, и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! Погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пу-

[1] *Вор* — здесь: разбойник, изменник.

Правообладатель Национальный институт образования

гачёва. «Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!» Пугачёв дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», — говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нём и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачёв протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочёл бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Пётр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрямься! Что тебе стоит? Плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачёв опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооружённый тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачёва, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Всё это продолжалось около трёх часов. Наконец Пугачёв встал с кресел и сошёл с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался

Правообладатель Национальный институт образования

женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрёпанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в её душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, бельё и всю рухлядь. «Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузьмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! — закричала она в исступлении. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузьмич, удалая солдатская головушка! Не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» — «Унять старую ведьму!» — сказал Пугачёв. Тут молодой казак ударил её саблей по голове, и она упала мёртвая на ступени крыльца. Пугачёв уехал; народ бросился за ним.

Глава VIII

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Незваный гость хуже татарина.

Пословица

[Гринёв бросился в дом коменданта, чтобы отыскать Машу. Палашка сказала, что её спрятали у попадьи, где пировал Пугачёв. Акулина Памфиловна выдала Машу за свою племянницу. Швабрин не раскрыл тайну девушки Пугачёву.]

Несколько успокоенный, я отправился к себе на квартиру. Проходя мимо площади, я увидел несколько башкирцев, которые теснились около виселицы и стаскивали сапоги с повешенных; с трудом удержал я порыв негодования, чувствуя

Правообладатель Национальный институт образования

бесполезность заступления. По крепости бегали разбойники, грабя офицерские дома. Везде раздавались крики пьянствующих мятежников. Я пришёл домой. Савельич встретил меня у порога.

— Слава богу! — вскричал он, увидя меня. — Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Пётр Андреич! Веришь ли? Всё у нас разграбили, мошенники: платье, бельё, вещи, посуду — ничего не оставили. Да что уж! Слава богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?

— Нет, не узнал: а кто ж он такой?

— Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новёшенький; а он, бестия, его так и распорол, напяливая на себя!

Я изумился. В самом деле, сходство Пугачёва с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачёв и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоялым дворам, осаждал крепости и потрясал государством!

— Не изволишь ли покушать? — спросил Савельич, неизменный в своих привычках. — Дома ничего нет, пойду пошарю да что-нибудь тебе изготовлю.

Оставшись один, я погрузился в размышления. Что мне было делать? Оставаться в крепости, подвластной злодею, или следовать за его шайкою было неприлично офицеру. Долг требовал, чтоб я явился туда, где служба моя могла ещё быть полезна Отечеству в настоящих, затруднительных обстоятельствах… Но любовь сильно советовала мне оставаться

Правообладатель Национальный институт образования

при Марье Ивановне и быть ей защитником и покровителем. Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах, но всё же не мог не трепетать, воображая опасность её положения.

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков, который прибежал с объявлением, что-де «великий государь требует тебя к себе». <...>

Начинало смеркаться, когда пришёл я к комендантскому дому. Виселица со своими жертвами страшно чернела. Тело бедной комендантши всё ещё валялось под крыльцом, у которого два казака стояли на карауле. Казак, приведший меня, отправился про меня доложить и, тотчас же воротившись, ввёл меня в ту комнату, где накануне так нежно прощался я с Марьей Ивановной.

Необыкновенная картина мне представилась. За столом, накрытым скатертью и уставленным штофами и стаканами, Пугачёв и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгорячённые вином, с красными рожами и блистающими глазами. Между ними не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранных изменников. «А, ваше благородие! — сказал Пугачёв, увидя меня. — Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснились. Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся.

С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачёв на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая чёрную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъявляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая

Правообладатель Национальный институт образования

его дядюшкою. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шёл об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспоривал Пугачёва.

И на сём-то странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню.

«Ну, братцы, — сказал Пугачёв, — затянем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! Начинай!» — Сосед мой затянул тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зелёная дубравушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати.
Что заутра мне, доброму молодцу, в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Ещё станет государь-царь меня спрашивать:
«Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Ещё много ли с тобой было товарищей?» —
«Я скажу тебе, надёжа православный царь,
Всю правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Ещё первый мой товарищ — тёмная ночь,
А второй мой товарищ — булатный нож,
А как третий-то товарищ — то мой добрый конь,
А четвёртый мой товарищ — то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калёны стрелы».
Что возговорит надёжа православный царь:
«Исполать[1] тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!

[1] *Исполáть* (устар.) — хвала, слава.

Правообладатель Национальный институт образования

Я за то тебя, детинушка, пожалую
Середи поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной».

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обречёнными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам, и без того выразительным, — всё потрясало меня каким-то пиитическим[1] ужасом.

Гости выпили ещё по стакану, встали из-за стола и простились с Пугачёвым. Я хотел за ними последовать, но Пугачёв сказал мне: «Сиди, я хочу с тобою переговорить». Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачёв смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной веселостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

— Что, ваше благородие? — сказал он мне. — Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебе верёвку на шею? Я чаю[2], небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если бы не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умёту, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною виноват, — продолжал он, — но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принуждён я был скрываться от своих недругов. То ли ещё

[1] *Пиити́ческий* (устар.) — поэтический.
[2] *Я ча́ю* — здесь: я думаю.

Правообладатель Национальный институт образования

увидишь! Так ли ещё тебя пожалую, когда получу своё государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

— Чему ты усмехаешься? — спросил он меня нахмурясь. — Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился: признать бродягу государём был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя погибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачёв мрачно ждал моего ответа. Наконец (и ещё ныне с самодовольствием поминаю эту минуту), чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачёву:

— Слушай, скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смышлёный; ты сам увидел бы, что я лукавствую.

— Кто же я таков, по твоему разумению?

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачёв взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Пётр Фёдорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев[1] не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто не поп — тот

---

[1] *Григо́рий Отре́пьев* — самозванец, под именем Димитрия, сына Ивана IV, захвативший в 1605 году русский престол.

Правообладатель Национальный институт образования

батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы, и в князья. Как ты думаешь?»

— Нет, — отвечал я с твёрдостию. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачёв задумался. «А коли отпущу, — сказал он, — так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

— Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — Бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачёва. «Так и быть, — сказал он, ударя меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрёма клонит».

Я оставил Пугачёва и вышел на улицу. Ночь была тихая и морозная. Месяц и звёзды ярко сияли, освещая площадь и виселицу. В крепости всё было спокойно и темно. Только в кабаке светился огонь и раздавались крики запоздалых гуляк. Я взглянул на дом священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, всё в нём было тихо.

Я пришёл к себе на квартиру и нашёл Савельича, горюющего по моём отсутствии. Весть о свободе моей обрадовала его несказанно. «Слава тебе, Владыко! — сказал он, перекрестившись. — Чем свет

Правообладатель Национальный институт образования

оставим крепость и пойдём куда глаза глядят. Я тебе кое-что заготовил; покушай-ка, батюшка, да и почивай себе до утра, как у Христа за пазушкой».

Я последовал его совету и, поужинав с большим аппетитом, заснул на голом полу, утомлённый душевно и физически.

Глава IX

РАЗЛУКА

Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.

Херасков[1]

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошёл на сборное место. Там строились уже толпы пугачёвские около виселицы, где всё ещё висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты под ружьём. Знамёна развевались. Несколько пушек, между коих узнал я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Все жители находились тут же, ожидая самозванца. У крыльца комендантского дома казак держал под уздцы прекрасную белую лошадь киргизской породы. Я искал глазами тело комендантши. Оно было отнесено немного в сторону и прикрыто рогожею. Наконец Пугачёв вышел из сеней. Народ снял шапки. Пугачёв остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросался их подбирать, и дело не обошлось без увечья. Пугачёва

[1] *Хера́сков М. М.* (1733—1807) — русский поэт и драматург.

Правообладатель Национальный институт образования

окружили главные из его сообщников. Между ними стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моём он мог прочесть презрение, и он отворотился с выражением искренней злобы и притворной насмешливости. Пугачёв, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе. «Слушай, — сказал он мне. — Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присоветуй им встретить меня с детскою любовию и послушанием; не то не избежать им лютой казни. Счастливый путь, ваше благородие!» Потом обратился он к народу и сказал, указывая на Швабрина: «Вот вам, детушки, новый командир. Слушайтесь его во всём, а он отвечает мне за вас и за крепость». С ужасом услышал я сии слова: Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачёв сошёл с крыльца. Ему подвели лошадь. Он проворно вскочил в седло, не дождавшись казаков, которые хотели было подсадить его.

В это время из толпы народа, вижу, выступил мой Савельич, подходит к Пугачёву и подаёт ему лист бумаги. Я не мог придумать, что из того выйдет. «Это что?» — спросил важно Пугачёв. «Прочитай, так изволишь увидеть», — отвечал Савельич. Пугачёв принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. «Что ты так мудрёно пишешь? — сказал он наконец. — Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь[1]?»

Молодой малый в капральском мундире проворно подбежал к Пугачёву. «Читай вслух», — сказал самозванец, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чём дядька мой вздумал

[1] *Óбер-секретáрь* — главный секретарь.

Правообладатель Национальный институт образования

писать Пугачёву. Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее:

«Два халата, миткалевый[1] и шёлковый полосатый, на шесть рублей».

— Это что значит? — сказал, нахмурясь, Пугачёв.

— Прикажи читать далее, — отвечал спокойно Савельич.

Обер-секретарь продолжал:

«Мундир из тонкого зелёного сукна, на семь рублей. Штаны белые суконные, на пять рублей.

Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами, на десять рублей.

Погребец с чайною посудою, на два рубля с полтиною...»

— Что за враньё? — прервал Пугачёв. — Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?

Савельич крякнул и стал объясняться. «Это, батюшка, изволишь видеть, реестр[2] барскому добру, раскраденному злодеями...»

— Какими злодеями? — спросил грозно Пугачёв.

— Виноват: обмолвился, — отвечал Савельич. — Злодеи не злодеи, а твои ребята таки пошарили да порастаскали. Не гневись: конь и о четырёх ногах да спотыкается. Прикажи уж дочитать.

— Дочитывай, — сказал Пугачёв.

Секретарь продолжал:

«Одеяло ситцевое, другое тафтяное[3], на хлопчатой бумаге, четыре рубля.

Шуба лисья, крытая алым ратином[4], 40 рублей.

---

[1] *Митка́ль* — дешёвая хлопчатобумажная ткань.

[2] *Рее́стр* — список, перечень.

[3] *Тафта́* — тонкая глянцевитая шёлковая ткань.

[4] *Ратин́* — шерстяная ткань для верхней одежды.

Правообладатель Национальный институт образования

Ещё заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей».

— Это что ещё! — вскричал Пугачёв, сверкнув огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бедного моего дядьку. Он хотел было пуститься опять в объяснения, но Пугачёв его прервал: «Как ты смел лезть ко мне с такими пустяками? — вскричал он, выхватя бумагу из рук секретаря и бросив её в лицо Савельичу. — Глупый старик! Их обобрали: экая беда! Да ты должен, старый хрыч, вечно Бога молить за меня да за моих ребят за то, что ты и с барином-то своим не висите здесь вместе с моими ослушниками... Заячий тулуп! Я те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю содрать на тулупы?»

— Как изволишь, — отвечал Савельич, — а я человек подневольный и за барское добро должен отвечать.

Пугачёв был, видно, в припадке великодушия. Он отворотился и отъехал, не сказав более ни слова. Швабрин и старшины последовали за ним. Шайка выступила из крепости в порядке. Народ пошёл провожать Пугачёва. Я остался на площади один с Савельичем. Дядька мой держал в руках свой реестр и рассматривал его с видом глубокого сожаления.

Видя моё доброе согласие с Пугачёвым, он думал употребить оное в пользу; но мудрое намерение ему не удалось. Я стал было его бранить за неуместное усердие и не мог удержаться от смеха.

— Смейся, сударь, — отвечал Савельич, — смейся; а как придётся нам сызнова заводиться всем хозяйством, так посмотрим, смешно ли будет.

Я спешил в дом священника увидеться с Марьей Ивановной. Попадья встретила меня с печальным

Правообладатель Национальный институт образования

известием. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала без памяти и в бреду. Попадья ввела меня в её комнату. Я тихо подошёл к её кровати. Перемена в её лице поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоял я перед нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утешали. Мрачные мысли волновали меня. Состояние бедной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобных мятежников, собственное моё бессилие устрашали меня. Швабрин, Швабрин пуще всего терзал моё воображение. Облечённый властию от самозванца, предводительствуя в крепости, где оставалась несчастная девушка — невинный предмет его ненависти, он мог решиться на всё. Что мне было делать? Как подать ей помощь? Как освободить из рук злодея? Оставалось одно средство: я решился тот же час отправиться в Оренбург, дабы торопить освобождение Белогорской крепости и по возможности тому содействовать. Я простился со священником и с Акулиной Памфиловной, с жаром поручая ей ту, которую почитал уже своею женою. Я взял руку бедной девушки и поцеловал её, орошая слезами. «Прощайте, — говорила мне попадья, провожая меня, — прощайте, Пётр Андреич. Авось увидимся в лучшее время. Не забывайте нас и пишите к нам почаще. Бедная Марья Ивановна, кроме вас, не имеет теперь ни утешения, ни покровителя».

Вышед на площадь, я остановился на минуту, взглянул на виселицу, поклонился ей, вышел из крепости и пошёл по Оренбургской дороге, сопровождаемый Савельичем, который от меня не отставал... Я шёл, занятый своими размышлениями, как вдруг услышал за собою конский топот. Оглянулся; вижу: из крепости скачет казак, держа башкирскую

Правообладатель Национальный институт образования

лошадь в поводья и делая издали мне знаки. Я остановился и вскоре узнал нашего урядника. Он, подскакав, слез со своей лошади и сказал, отдавая мне поводья другой:

— Ваше благородие! Отец наш вам жалует лошадь и шубу со своего плеча (к седлу привязан был овчинный тулуп). Да ещё, — прибавил, запинаясь, урядник, — жалует он вам… полтину денег… да я растерял её дорогою: простите великодушно.

Савельич посмотрел на него косо и проворчал:

— Растерял дорогою! А что же у тебя побрякивает за пазухой? Бессовестный!

— Что у меня за пазухой-то побрякивает? — возразил урядник, нимало не смутясь. — Бог с тобою, старинушка! Это бренчит уздечка, а не полтина.

— Добро, — сказал я, прерывая спор. — Благодари от меня того, кто тебя прислал; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратном пути и возьми себе на водку.

— Очень благодарен, ваше благородие, — отвечал он, поворачивая свою лошадь, — вечно за вас буду Бога молить.

При сих словах он поскакал назад, держась одной рукою за пазуху, и через минуту скрылся из виду.

Я надел тулуп и сел верхом, посадив за собою Савельича.

— Вот видишь ли, сударь, — сказал старик, — что я недаром подал мошеннику челобитье[1]: вору-то стало совестно, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты сам

---

[1] *Челоби́тье* (устар.) — прошение (от *бить челóм* — кланяться до земли).

Правообладатель Национальный институт образования

изволил пожаловать; да всё же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок.

Глава X

ОСАДА ГОРОДА

Заняв луга и горы,
С вершины, как орёл, бросал на град он взоры.
За станом[1] повелел соорудить раскат[2]
И, в нём перуны скрыв, в нощи[3] привесть под град.

Херасков

[Гринёв прибыл в Оренбург, доложил генералу о судьбе Белогорской крепости и её защитников. На военном совете было принято решение ожидать нападения Пугачёва под прикрытием городских стен и пушек. Генерал согласился с мнением большинства. Оренбург готовился к осаде.]

Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным запискам. Скажу вкратце, что сия осада по неосторожности местного начальства была гибельна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия. Легко можно себе вообразить, что жизнь в Оренбурге была самая несносная. Все с унынием ожидали решения своей участи; все охали от дороговизны, которая в самом деле была ужасна. Жители привыкли к ядрам, залетавшим на их дворы; даже приступы Пугачёва уже не привлекали общего любопытства. Я умирал со скуки. Время шло. Писем из Белогорской крепости я не получал. Все дороги были отрезаны. Разлука с Марьей

---

[1] *Стан* — лагерь.

[2] *Раска́т* — плоская насыпь для установки пушек.

[3] *В нощи́* (устар.) — ночью.

Правообладатель Национальный институт образования

Ивановной становилась мне нестерпима. Неизвестность о её судьбе меня мучила. Единственное развлечение моё состояло в наездничестве. По милости Пугачёва, я имел добрую лошадь, с которой делился скудной пищею и на которой ежедневно выезжал я за город перестреливаться с пугачёвскими наездниками. В этих перестрелках перевес был обыкновенно на стороне злодеев, сытых, пьяных и доброконных. Тощая городовая конница не могла их одолеть. Иногда выходила в поле и наша голодная пехота, но глубина снега мешала ей действовать удачно противу рассеянных наездников. Артиллерия тщетно гремела с высоты вала, а в поле вязла и не двигалась по причине изнурения лошадей. Таков был образ наших военных действий! И вот что оренбургские чиновники называли осторожностию и благоразумием!

Однажды, когда удалось нам как-то рассеять и прогнать довольно густую толпу, наехал я на казака, отставшего от своих товарищей; я готов был уже ударить его своею турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал: «Здравствуйте, Пётр Андреич! Как вас Бог милует?»

Я взглянул и узнал нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. «Здравствуй, Максимыч, — сказал я ему. — Давно ли из Белогорской?»

— Недавно, батюшка Пётр Андреич, только вчера воротился. У меня есть к вам письмецо.

— Где же оно? — вскричал я, весь так и вспыхнув.

— Со мною, — отвечал Максимыч, положив руку за пазуху. — Я обещался Палаше уж как-нибудь да вам доставить. — Тут он подал мне сложенную бумажку и тотчас ускакал. Я развернул её и с трепетом прочёл следующие строки:

Правообладатель Национальный институт образования

«Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам, зная, что вы всегда желали мне добра и что вы всякому человеку готовы помочь. Молю Бога, чтоб это письмо как-нибудь до вас дошло! Максимыч обещал вам его доставить. Палаша слышала также от Максимыча, что вас он часто издали видит на вылазках и что вы совсем себя не бережёте и не думаете о тех, которые за вас со слезами Бога молят. Я долго была больна; а когда выздоровела, Алексей Иванович, который командует у нас на месте покойного батюшки, принудил отца Герасима выдать меня ему, застращав Пугачёвым. Я живу в нашем доме под караулом. Алексей Иванович принуждает меня выйти за него замуж. Он говорит, что спас мне жизнь, потому что прикрыл обман Акулины Памфиловны, которая сказала злодеям, будто бы я её племянница. А мне легче было бы умереть, нежели сделаться женою такого человека, каков Алексей Иванович. Он обходится со мною очень жестоко и грозится, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезёт меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой. Я просила Алексея Ивановича дать мне подумать. Он согласился ждать ещё три дня; а коли через три дня за него не выду, так уж никакой пощады не будет. Батюшка Пётр Андреич! Вы один у меня покровитель, заступитесь за меня, бедную. Упросите генерала и всех командиров прислать к нам поскорее сикурсу да приезжайте сами, если можете. Остаюсь вам покорная бедная сирота

Марья Миронова».

Прочитав это письмо, я чуть с ума не сошёл. Я пустился в город, без милосердия пришпоривая

Правообладатель Национальный институт образования

бедного моего коня. Дорогою придумывал я и то, и другое для избавления бедной девушки и ничего не мог выдумать. Прискакав в город, я отправился прямо к генералу и опрометью к нему вбежал. Генерал ходил взад и вперёд по комнате, куря свою пенковую[1] трубку. Увидя меня, он остановился. Вероятно, вид мой поразил его; он заботливо осведомился о причине моего поспешного прихода.

— Ваше превосходительство, — сказал я ему, — прибегаю к вам, как к отцу родному; ради бога, не откажите мне в моей просьбе: дело идёт о счастии всей моей жизни.

— Что такое, батюшка? — спросил изумлённый старик. — Что я могу для тебя сделать? Говори.

— Ваше превосходительство, прикажите взять мне роту солдат и полсотни казаков и пустите меня очистить Белогорскую крепость.

Генерал глядел на меня пристально, полагая, вероятно, что я с ума сошёл (в чём почти не ошибался).

— Как это? Очистить Белогорскую крепость? — сказал он наконец.

— Ручаюсь вам за успех, — отвечал я с жаром. — Только отпустите меня.

— Нет, молодой человек, — сказал он, качая головою. — На таком великом расстоянии неприятелю легко будет отрезать вас от коммуникаций с главным стратегическим пунктом[2] и получить над вами совершенную победу. Пресечённая коммуникация...

---

[1] *Пе́нковый* — изготовленный из пенки (лёгкого огнестойкого материала).

[2] *Стратеги́ческий пункт* — место, район, имеющий важное военное значение.

Правообладатель Национальный институт образования

Я испугался, увидя его завлечённого в военные рассуждения, и спешил его прервать.

— Дочь капитана Миронова, — сказал я ему, — пишет ко мне письмо: она просит помощи; Швабрин принуждает её выйти за него замуж.

— Неужто? О, этот Швабрин превеликий Schelm[1], и если попадётся ко мне в руки, то я велю его судить в двадцать четыре часа, и мы расстреляем его на парапете[2] крепости. Но покамест надобно взять терпение...

— Взять терпение! — вскричал я вне себя. — А он между тем женится на Марье Ивановне!..

— О! — возразил генерал. — Это ещё не беда: лучше ей быть покамест женою Швабрина; он теперь может оказать ей протекцию[3], а когда его расстреляем, тогда, бог даст, сыщутся ей и женишки. Миленькие вдовушки в девках не сидят, то есть, хотел я сказать, что вдовушка скорее найдёт себе мужа, нежели девица.

— Скорее соглашусь умереть, — сказал я в бешенстве, — нежели уступить её Швабрину!

— Ба, ба, ба, ба! — сказал старик. — Теперь понимаю: ты, видно, в Марью Ивановну влюблён. О, дело другое! Бедный малый! Но всё же я никак не могу дать тебе роту солдат и полсотни казаков. Эта экспедиция была бы неблагоразумна; я не могу взять её на свою ответственность.

Я потупил голову; отчаяние мною овладело. Вдруг мысль мелькнула в голове моей: в чём оная состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты.

---

[1] *Ше́льма* (нем.) — мошенник.

[2] *Парапе́т* — здесь: вал, прикрытие от вражеских пуль и ядер.

[3] *Проте́кция* — покровительство, поддержка.

Правообладатель Национальный институт образования

Глава XI

МЯТЕЖНАЯ СЛОБОДА

В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
«Зачем пожаловать изволил в мой вертеп[1]?» —
спросил он ласково.

А. П. Сумароков[2]

[Гринёв вернулся на квартиру и объявил Савельичу, что уезжает спасать Машу. Он дарит своему дядьке половину всех имевшихся денег, но Савельич не соглашается отпустить Петра одного.]

Через полчаса я сел на своего доброго коня, а Савельич — на тощую и хромую клячу, которую даром отдал ему один из городских жителей, не имея более средств кормить её. Мы приехали к городским воротам; караульные нас пропустили; мы выехали из Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шёл мимо Бердской слободы, пристанища пугачёвского. <...> Нас окликали. Не зная пароля, я хотел молча проехать мимо их; но они меня тотчас окружили, и один из них схватил лошадь мою за узду. Я выхватил саблю и ударил мужика по голове: шапка спасла его, однако он зашатался и выпустил из рук узду. Прочие смутились и отбежали; я воспользовался этой минутой, пришпорил лошадь и поскакал.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня от всякой опасности, как вдруг, оглянувшись, увидел я, что Савельича со мною не было. Бедный старик на своей хромой лошади не мог ускакать от разбойников. Что было делать? Подождав его не-

---

[1] *Вертéп* (старослав.) — пещера.

[2] Этот эпиграф сочинён А. С. Пушкиным и приписан А. П. Сумарокову.

Правообладатель Национальный институт образования

сколько минут и удостоверясь в том, что он задержан, я поворотил лошадь и отправился его выручать.

Подъезжая к оврагу, услышал я издали шум, крики и голос моего Савельича. Я поехал скорее и вскоре очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня несколько минут тому назад. Савельич находился между ними. Они стащили старика с его клячи и готовились вязать. Прибытие моё их обрадовало. Они с криком бросились на меня и мигом стащили с лошади. Один из них, по-видимому, главный, объявил нам, что он сейчас поведёт нас к государю. «А наш батюшка, — прибавил он, — волен приказать: сейчас ли вас повесить али дождаться свету Божия». Я не противился; Савельич последовал моему примеру, и караульные повели нас с торжеством. <...>

Я вошёл в избу, или во дворец, как называли её мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на верёвочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток[1], уставленный горшками, — всё было как в обыкновенной избе. Пугачёв сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия[2]. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачёв узнал меня с первого взгляду. Поддельная важность его вдруг исчезла. «А, ваше благородие! — сказал он мне с живостию. — Как

---

[1] *Шесто́к* — площадка в передней части русской печи.

[2] *Подобостра́стие* — покорность, льстивость.

Правообладатель Национальный институт образования

поживаешь? Зачем тебя бог принёс?» Я отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили. «А по какому делу?» — спросил он меня. Я не знал, что отвечать. Пугачёв, полагая, что я не хочу объясняться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выйти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них, — сказал мне Пугачёв,— от них я ничего не таю». Я взглянул наискось на наперсников[1] самозванца. Один из них, тщедушный и сгорбленный старичок с седою бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой чрез плечо[2] по серому армяку. Но ввек не забуду его товарища. Он был высокого росту, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому, широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах. Первый (как узнал я после) был беглый капрал Белобородов; второй — Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей[3]), ссыльный преступник, три раза бежавший из сибирских рудников. Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшие, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало моё воображение. Но Пугачёв привёл меня в себя своим вопросом: «Говори, по какому же делу выехал ты из Оренбурга?»

---

[1] *Напе́рсник* (устар.) — человек, пользующийся особым доверием.

[2] Голубую ленту через плечо носили награждённые высшим орденом — Андрея Первозванного.

[3] *Белоборо́дов* и *Хлопу́ша* — видные участники Пугачёвского восстания (исторические лица).

Правообладатель Национальный институт образования

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение, вторично приведшее меня к Пугачёву, подавало мне случай привести в действие моё намерение. Я решился им воспользоваться и, не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачёва:

— Я ехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают.

Глаза у Пугачёва засверкали. «Кто из моих людей смеет обижать сироту? — закричал он. — Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдёт. Говори: кто виноватый?»

— Швабрин виноватый, — отвечал я. — Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел, больную, у попадьи, и насильно хочет на ней жениться.

— Я проучу Швабрина, — сказал грозно Пугачёв. — Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу.

— Прикажи слово молвить, — сказал Хлопуша хриплым голосом. — Ты поторопился назначить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору.

— Нечего их ни жалеть, ни жаловать! — сказал старичок в голубой ленте. — Швабрина сказнить не беда; а не худо и господина офицера допросить порядком: за чем изволил пожаловать. Если он тебя государём не признаёт, так нечего у тебя и управы искать; а коли признаёт, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами[1]? Не прикажешь ли свести его в приказную[2] да запалить

---

[1] *Супоста́т* (устар.) — враг.

[2] *Прика́зная (приказна́я изба́)* — помещение, где допрашивали арестованных.

Правообладатель Национальный институт образования

там огоньку: мне сдаётся, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров.

Логика старого злодея показалась мне довольно убедительной. Мороз пробежал по всему моему телу при мысли, в чьих руках я находился. Пугачёв заметил моё смущение. «Ась, ваше благородие? — сказал он мне, подмигивая. — Фельдмаршал мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?»

Насмешка Пугачёва возвратила мне бодрость. Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною, как ему будет угодно.

— Добро, — сказал Пугачёв. — Теперь скажи, в каком состоянии ваш город.

— Слава богу, — отвечал я, — всё благополучно.

— Благополучно? — повторил Пугачёв. — А народ мрёт с голоду!

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что всё это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов.

— Ты видишь, — подхватил старичок, — что он тебя в глаза обманывает. Все беглецы согласно показывают, что в Оренбурге голод и мор[1], что там едят мертвечину, и то за честь; а его милость уверяет, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же виселице повесь и этого молодца, чтоб никому не было завидно.

Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачёва. К счастию, Хлопуша стал противоречить своему товарищу.

— Полно, Наумыч, — сказал он ему. — Тебе бы всё душить да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чём душа держится. Сам в могилу

[1] *Мор* — повальная смерть, эпидемия.

Правообладатель Национальный институт образования

смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести? <...>

— Господа енералы! — провозгласил важно Пугачёв. — Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладиной: беда, если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, помиритесь.

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова и мрачно смотрели друг на друга. Я увидел необходимость переменить разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным образом, и, обратясь к Пугачёву, сказал ему с весёлым видом: «Ах! Я было и забыл благодарить тебя за лошадь и за тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замёрз бы на дороге».

Уловка моя удалась. Пугачёв развеселился. «Долг платежом красен, — сказал он, мигая и прищуриваясь. — Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба[1] ли сердцу молодецкому? А?»

— Она невеста моя, — отвечал я Пугачёву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину.

— Твоя невеста! — закричал Пугачёв. — Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем! — Потом, обращаясь к Белобородову: — Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да поужинаем; утро вечера мудренее. Завтра посмотрим, что с ним сделаем. <...>

Поутру пришли меня звать от имени Пугачёва. Я пошёл к нему. У ворот его стояла кибитка, запряжённая тройкою татарских лошадей. Народ толпился на улице.

---

[1] *Зазно́ба* (народн.) — любимая, возлюбленная.

Правообладатель Национальный институт образования

В сенях встретил я Пугачёва: он был одет по-дорожному, в шубе и в киргизской шапке. Вчерашние собеседники окружали его, приняв на себя вид подобострастия, который сильно противоречил всему, чему я был свидетелем накануне. Пугачёв весело со мною поздоровался и велел мне садиться с ним в кибитку.

Мы уселись. «В Белогорскую крепость!» — сказал Пугачёв широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою. Сердце моё сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела…

«Стой! Стой!» — раздался голос, слишком мне знакомый, — и я увидел Савельича, бежавшего нам навстречу. Пугачёв велел остановиться. «Батюшка Пётр Андреич! — кричал дядька. — Не покинь меня на старости лет посреди этих мошен…» — «А, старый хрыч! — сказал ему Пугачёв. — Опять Бог дал свидеться. Ну, садись на облучок».

— Спасибо, государь, спасибо, отец родной! — говорил Савельич, усаживаясь. — Дай Бог тебе сто лет здравствовать за то, что меня, старика, призрел[1] и успокоил. Век за тебя буду Бога молить, а о заячьем тулупе и упоминать уж не стану.

Этот заячий тулуп мог наконец не на шутку рассердить Пугачёва. К счастию, самозванец или не расслыхал, или пренебрёг неуместным намёком. Лошади поскакали; народ на улице останавливался и кланялся в пояс. Пугачёв кивал головою на обе стороны. Через минуту мы выехали из слободы[2] и помчались по гладкой дороге.

---

[1] *Призре́ть* (устар. *при́зрить*) — позаботиться, взять под свою опеку.

[2] *Слобода́* (устар.) — торговый или ремесленный посёлок.

Правообладатель Национальный институт образования

Легко можно себе представить, что чувствовал я в эту минуту. Через несколько часов должен я был увидеться с той, которую почитал уже для меня потерянною. Я воображал себе минуту нашего соединения... Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспоминал об опрометчивой жестокости, о кровожадных привычках того, кто вызывался быть избавителем моей любезной! Пугачёв не знал, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабрин мог открыть ему всё; Пугачёв мог проведать истину и другим образом... Тогда что станется с Марьей Ивановной? Холод пробегал по моему телу, и волоса становились дыбом... Вдруг Пугачёв прервал мои размышления, обратясь ко мне с вопросом:

— О чём, ваше благородие, изволил задуматься?

— Как не задуматься? — отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера ещё дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастие всей моей жизни зависит от тебя.

— Что ж? — спросил Пугачёв. — Страшно тебе?

Я отвечал, что, быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты прав, ей-богу прав! — сказал самозванец. — Ты видел, что мои ребята смотрели на тебя косо; а старик и сегодня настаивал на том, что ты шпион и что надобно тебя пытать и повесить; но я не согласился, — прибавил он, понизив голос, чтоб Савельич и татарин не могли его услышать, — помня твой стакан вина и заячий тулуп. Ты видишь, что я не такой ещё кровопийца, как говорит обо мне ваша братья.

Правообладатель Национальный институт образования

Я вспомнил взятие Белогорской крепости, но не почёл нужным его оспоривать и не отвечал ни слова.

— Что говорят обо мне в Оренбурге? — спросил Пугачёв, помолчав немного.

— Да, говорят, что с тобою сладить трудновато; нечего сказать: дал ты себя знать.

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбие. «Да! — сказал он с весёлым видом. — Я воюю хоть куда. Знают ли у вас в Оренбурге о сражении под Юзеевой? Сорок енералов убито, четыре армии взято в полон. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?»

Хвастливость разбойника показалась мне забавна.

— Сам как ты думаешь? — сказал я ему. — Управился ли бы ты с Фридериком[1]?

— С Фёдором Фёдоровичем? А как же нет? С вашими енералами ведь я же управляюсь; а они его бивали. Доселе оружие моё было счастливо. Дай срок, то ли ещё будет, как пойду на Москву.

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса:

— Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою.

— То-то! — сказал я Пугачёву. — Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?

Пугачёв горько усмехнулся. «Нет, — отвечал он, — поздно мне каяться. Для меня не будет поми-

---

[1] *Фридери́к* — Фридрих II (1712—1786), прусский король, армия которого в середине XVIII века была разгромлена русскими войсками.

Правообладатель Национальный институт образования

лования. Буду продолжать, как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою».

— А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

— Слушай, — сказал Пугачёв с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орёл спрашивал у ворона: «Скажи, ворон-птица, отчего живёшь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-всё только тридцать три года?» — «Оттого, батюшка, — отвечал ему ворон, — что ты пьёшь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной». Орёл подумал: «Давай попробуем и мы питаться тем же». Хорошо. Полетели орёл да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: «Нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!» Какова калмыцкая сказка?

— Затейлива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем — значит, по мне, клевать мертвечину.

Пугачёв посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погрузясь каждый в свои размышления. Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремля, качался на облучке. Кибитка летела по гладкому зимнему пути... Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней — и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость.

Правообладатель Национальный институт образования

Глава XII

СИРОТА

Как у нашей у яблоньки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то её некому,
Благословить-то её некому.

Свадебная песня

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачёва и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачёву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъявляя свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился, но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» — Я отворотился от него и ничего не отвечал.

Сердце моё заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел ещё диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия[1] прошедшему времени. Пугачёв сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузьмич, усыплённый ворчанием своей супруги. Швабрин сам поднёс ему водки. Пугачёв выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Попотчуй и его благородие». Швабрин подошёл ко мне со своим подносом; но я вторично от него отворотился. Он казался сам не свой. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачёв был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверчивостию. Пугачёв осведомился о состоянии

[1] *Эпита́фия* — надгробная, намогильная надпись.

Правообладатель Национальный институт образования

крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном и вдруг спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне её».

Швабрин побледнел как мёртвый. «Государь, — сказал он дрожащим голосом...— Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит».

«Веди ж меня к ней», — сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повёл Пугачёва в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал.

Швабрин остановился на лестнице. «Государь! — сказал он. — Вы властны требовать от меня, что вам угодно, но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей».

Я затрепетал. «Так ты женат!» — сказал я Швабрину, готовяся его растерзать.

— Тише! — прервал меня Пугачёв. — Это моё дело. А ты, — продолжал он, обращаясь к Швабрину, — не умничай и не ломайся: жена ли она тебе или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною.

У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: «Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке и третий день как бредит без умолку».

— Отворяй! — сказал Пугачёв.

Швабрин стал искать у себя в карманах и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачёв толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянул и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье, сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрёпанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню.

Правообладатель Национальный институт образования

Пугачёв посмотрел на Швабрина и сказал с горькой усмешкою: «Хорош у тебя лазарет!» Потом, подошед к Марье Ивановне: «Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает. В чём ты перед ним провинилась?»

— Мой муж! — повторила она. — Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решилась умереть и умру, если меня не избавят.

Пугачёв взглянул грозно на Швабрина: «И ты смел меня обманывать! — сказал он ему. — Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?»

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачёв смягчился. «Милую тебя на сей раз, — сказал он Швабрину, — но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта». Потом обратился он к Марье Ивановне и сказал ей ласково: «Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь».

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца её родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней; но в эту минуту очень смело в комнату втёрлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачёв вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

— Что, ваше благородие? — сказал, смеясь, Пугачёв. — Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посажёным отцом, Швабрин — дружкою[1], закутим, запьём — и ворота запрём!

---

[1] *Дру́жка* — распорядитель на свадьбе.

Правообладатель Национальный институт образования

Чего я опасался, то и случилось. Швабрин, услыша предложение Пугачёва, вышел из себя. «Государь! — закричал он в исступлении. — Я виноват, я вам солгал; но и Гринёв вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнён при взятии здешней крепости».

Пугачёв устремил на меня огненные свои глаза. «Это что ещё?» — спросил он меня с недоумением.

— Швабрин сказал тебе правду, — отвечал я с твёрдостию.

— Ты мне этого не сказал, — заметил Пугачёв, у коего лицо омрачилось.

— Сам ты рассуди, — отвечал я ему, — можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы её загрызли. Ничто её бы не спасло!

— И то правда, — сказал, смеясь, Пугачёв. — Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их.

— Слушай, — продолжал я, видя его доброе расположение. — Как тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу… Но Бог видит, что жизнию моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши, как начал: отпусти меня с бедною сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души…

Казалось, суровая душа Пугачёва была тронута. «Ин быть по-твоему! — сказал он. — Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези её куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!»

Правообладатель Национальный институт образования

Тут он оборотился к Швабрину и велел ему выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остолбенелый. Пугачёв отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовлений к отъезду.

Я побежал в светлицу. Двери были заперты. Я постучался. «Кто там?» — спросила Палаша. Я назвался. Милый голосок Марьи Ивановны раздался из-за дверей. «Погодите, Пётр Андреич. Я переодеваюсь. Ступайте к Акулине Памфиловне; я сейчас туда же буду». Я повиновался и пошёл в дом отца Герасима. И он, и попадья выбежали ко мне навстречу. Савельич их уже предупредил. «Здравствуйте, Пётр Андреич, — говорила попадья. — Привёл Бог опять увидеться. Как поживаете? А мы-то про вас каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпелась без вас, моя голубушка!» <...>

В самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла с улыбкою на бледном лице. Она оставила своё крестьянское платье и одета была по-прежнему, просто и мило.

Я схватил её руку и долго не мог вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали от полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что нам было не до них, и оставили нас. Мы остались одни. Всё было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мне всё, что с нею ни случилось с самого взятия крепости; описала мне весь ужас её положения, все испытания, которым подвергал её гнусный Швабрин. Мы вспомнили и прежнее счастливое время. Оба мы плакали... Наконец я стал объяснять ей мои предположения. Оставаться ей в крепости, подвластной Пугачёву

Правообладатель Национальный институт образования

и управляемой Швабриным, было невозможно. Нельзя было думать и об Оренбурге, претерпевающем все бедствия осады. У ней не было на свете ни одного родного человека. Я предложил ей ехать в деревню к моим родителям. Она сначала колебалась: известное ей неблагорасположение отца моего её пугало. Я её успокоил. Я знал, что отец почтёт за счастие и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество. «Милая Марья Ивановна! — сказал я наконец. — Я почитаю тебя своею женою. Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно, ничто на свете не может нас разлучить». Марья Ивановна выслушала меня просто, без притворной застенчивости, без затейливых отговорок. Она чувствовала, что судьба её соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женою, как с согласия моих родителей. Я ей и не противоречил. Мы поцеловались горячо, искренне — и таким образом всё было между нами решено.

Через час урядник принёс мне пропуск, подписанный каракульками Пугачёва, и позвал меня к нему от его имени. Я нашёл его готового пуститься в дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока ещё было время. Швабрин и народ, толпящийся около нас, помешали мне высказать всё, чем исполнено было моё сердце.

Мы расстались дружески. <...> Повозка была подана. Отец Герасим и жена его вышли на крыльцо. Мы сели в кибитку втроём: Марья Ивановна с

Правообладатель Национальный институт образования

Палашей и я. Савельич забрался на облучок. «Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! Прощайте, Пётр Андреич, сокол наш ясный! — говорила добрая попадья. — Счастливый путь, и дай Бог вам обоим счастья!» Мы поехали. У окошка комендантского дома я увидел стоящего Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотел торжествовать над уничтоженным врагом и обратил глаза в другую сторону. Наконец мы выехали из крепостных ворот и навек оставили Белогорскую крепость.

1. В критической литературе о «Капитанской дочке» высказаны следующие мнения: 1) «С первых шагов своей сознательной жизни Гринёв предстаёт перед нами почти сложившимся человеком»; 2) «Гринёв взрослеет под влиянием чрезвычайных исторических событий». С каким из этих мнений вы согласны? Докажите, что именно оно верно.
2. Перечитайте эпизоды встреч главного героя с Пугачёвым (главы II, VII, VIII, XI, XII). Изменяется ли в каждом эпизоде отношение Гринёва к Пугачёву? Как Гринёв оценивает происходящие события и как себя ведёт? Остался ли он верен завету отца — «Береги честь смолоду»? Какие поступки Гринёва доказывают, что для него понятия чести, достоинства не сводятся только к верности воинской присяге?

3. Выпишите 2—3 описания внешности Пугачёва (главы II, VII, VIII, XI) и сравните их со свидетельствами его современников (эти материалы найдите самостоятельно).
4. Охарактеризуйте Пугачёва по следующему плану: 1) описание внешности; 2) особенности речи; 3) его поступки, поведение в разных ситуациях; 4) его отношение к людям (своим сподвижникам, Гринёву, Маше и др.); 5) отношение к нему его товарищей, простого народа, представителей враждебного лагеря, Гринёва; 6) ваше отношение к Пугачёву.

Правообладатель Национальный институт образования

5. Гринёв оказывается участником или свидетелем событий в обоих враждующих лагерях и поэтому невольно сравнивает людей, их поступки. Перечитайте и сравните следующие эпизоды:

Военный совет в Оренбурге (глава X)	Военный совет пугачёвцев (глава VIII)
Допрос изувеченного башкирца (глава VI)	Расправа над защитниками Белогорской крепости (глава VII)
Отношение генерала к просьбе Гринёва о спасении Маши (глава X)	Отношение Пугачёва к просьбе о спасении Маши (глава XII)

К каким выводам приводят эти сопоставления? Над чем предлагает задуматься автор?

Глава XIII

АРЕСТ

Не гневайтесь, сударь: по долгу моему
Я должен сей же час отправить вас в тюрьму.
— Извольте, я готов; но я в такой надежде,
Что дело объяснить дозволите мне прежде.

Княжнин

[По дороге из Белогорской крепости Гринёв и Марья Ивановна были задержаны отрядом Зурина, который предложил Гринёву остаться у него в отряде. Гринёв согласился. Марья Ивановна с Савельичем отправились к родителям Гринёва.]

Вскоре князь Голицын, под крепостию Татищевой, разбил Пугачёва, рассеял его толпы, освободил Оренбург и, казалось, нанёс бунту последний и решительный удар. Зурин был в то время отряжён противу шайки мятежных башкирцев, которые рассеялись прежде, нежели мы их увидали.

Правообладатель Национальный институт образования

Весна осадила нас в татарской деревушке. Речки разлились, и дороги стали непроходимыми. Мы утешались в нашем бездействии мыслию о скором прекращении скучной и мелочной войны с разбойниками и дикарями.

Но Пугачёв не был пойман. Он явился на сибирских заводах, собрал там новые шайки и опять начал злодействовать. Слух о его успехах снова распространился. Мы узнали о разорении сибирских крепостей. Вскоре весть о взятии Казани и о походе самозванца на Москву встревожила начальников войск, беспечно дремавших в надежде на бессилие презренного бунтовщика. Зурин получил повеление переправиться через Волгу.

Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности. Мы проходили через селения, разорённые бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что успели они спасти. Правление было повсюду прекращено; помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно… Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

Пугачёв бежал, преследуемый Иваном Ивановичем Михельсоном[1]. Вскоре узнали мы о совершенном его разбитии. Наконец Зурин получил известие о поимке самозванца, а вместе с тем и повеление остановиться. Война была кончена. Наконец мне можно было ехать к моим родителям! Мысль их обнять, увидеть Марью Ивановну, от которой не

[1] *Михельсо́н И. И.* (1740—1807) — один из усмирителей Пугачёвского восстания.

Правообладатель Национальный институт образования

имел я никакого известия, одушевляла меня восторгом. <...>

Зурин дал мне отпуск. Через несколько дней должен я был опять очутиться посреди моего семейства, увидеть опять мою Марью Ивановну... Вдруг неожиданная гроза меня поразила.

В день, назначенный для выезда, в самую ту минуту, когда готовился я пуститься в дорогу, Зурин вошёл ко мне в избу, держа в руках бумагу, с видом чрезвычайно озабоченным. Что-то кольнуло меня в сердце. Я испугался, сам не зная чего. Он выслал моего денщика[1] и объявил, что имеет до меня дело. «Что такое?» — спросил я с беспокойством. — «Маленькая неприятность, — отвечал он, подавая мне бумагу. — Прочитай, что сейчас я получил». Я стал её читать: это был секретный приказ ко всем отдельным начальникам арестовать меня, где бы ни попался, и немедленно отправить под караулом в Казань, в Следственную комиссию, учреждённую по делу Пугачёва.

Бумага чуть не выпала из моих рук. «Делать нечего! — сказал Зурин. — Долг мой повиноваться приказу. Вероятно, слух о твоих дружеских путешествиях с Пугачёвым как-нибудь да дошёл до правительства. Надеюсь, что дело не будет иметь никаких последствий и что ты оправдаешься перед комиссией. Не унывай и отправляйся». Совесть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкого свидания, может быть, на несколько ещё месяцев, устрашала меня. Тележка была готова. Зурин дружески со мной простился. Меня посадили в тележку. Со мной сели два гусара с саблями наголо, и я поехал по большой дороге.

---

[1] *Денщи́к* — солдат, состоящий при офицере, для личных услуг.

Правообладатель Национальный институт образования

Глава XIV

СУД

Мирская молва —
Морская волна.

Пословица

Я был уверен, что виною всему было самовольное моё отсутствие из Оренбурга. Я легко мог оправдаться: наездничество не только никогда не было запрещено, но ещё всеми силами было ободряемо. Я мог быть обвинён в излишней запальчивости, а не в ослушании. Но приятельские сношения мои с Пугачёвым могли быть доказаны множеством свидетелей и должны были казаться по крайней мере весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлял я о допросах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы и решился перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надёжным.

Я приехал в Казань, опустошённую и погорелую. По улицам наместо домов лежали груды углей и торчали закоптелые стены без крыш и окон. Таков был след, оставленный Пугачёвым! Меня привезли в крепость, уцелевшую посреди сгоревшего города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузнеца. Надели мне на ноги цепи и заковали наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и тёмной конурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решёткою.

Таковое начало не предвещало мне ничего доброго. Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, излиянной из

Правообладатель Национальный институт образования

чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет.

На другой день тюремный сторож меня разбудил с объявлением, что меня требуют в комиссию. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом, остановились в передней и впустили одного во внутренние комнаты.

Я вошёл в залу, довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагой, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моём имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринёва. И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!» Я спокойно отвечал, что, каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему не понравилась. «Ты, брат, востёр, — сказал он мне нахмурясь, — но видали мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошёл я в службу к Пугачёву и по каким поручениям был я им употреблён?

Я отвечал с негодованием, что я как офицер и дворянин ни в какую службу к Пугачёву вступать и никаких поручений от него принять не мог.

— Каким же образом, — возразил мой допросчик, — дворянин и офицер один пощажён самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и

Правообладатель Национальный институт образования

дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чём она основана, если не на измене или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?

Я был глубоко оскорблён словами гвардейского офицера и с жаром начал своё оправдание. Я рассказал, как началось моё знакомство с Пугачёвым в степи, во время бурана; как при взятии Белогорской крепости он меня узнал и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посовестился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я противу злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать моё усердие во время бедственной оренбургской осады.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух:

«На запрос вашего превосходительства касательно прапорщика Гринёва, якобы замешанного в нынешнем смятении и вошедшего в сношения со злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: оный прапорщик Гринёв находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился и с той поры уже в команду мою не являлся. А слышно от перебежчиков, что он был у Пугачёва в слободе и с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на службе; что касается до его поведения, то я могу...» Тут он прервал своё чтение и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправдание?»

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же ис-

Правообладатель Национальный институт образования

кренне, как и всё прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если я назову её, то комиссия потребует её к ответу; и мысль впутать её между гнусными изветами[1] злодеев и её самую привести на очную с ними ставку — эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть *вчерашнего злодея*. Я с живостью обратился к дверям, ожидая появления моего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, двери отворились и вошёл — Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно чёрные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я отряжён был от Пугачёва в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всём, что делалось в городе; что, наконец, явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презрением; оттого ли, что в сердце

[1] Здесь: клевета, обман.

Правообладатель Национальный институт образования

его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, — как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился ещё более в моём намерении, и когда судьи спросили, чем могу опровергнуть показания Швабрина, я ответил, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чём остаётся мне уведомить читателя; но я так часто слыхал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать Божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренне привязались, потому что нельзя было её узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустой блажью; а матушка только того и желала, чтоб её Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моём аресте поразил всё моё семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моём с Пугачёвым, что оно не только не беспокоило их, но ещё заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола

Правообладатель Национальный институт образования

и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачёва и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностию и осторожностию.

Прошло несколько недель... Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б**. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного приступа он объявил ему, что подозрения насчёт участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастию, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдалённый край Сибири на вечное поселение.

Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. <...>

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевёртывая листы Придворного календаря; но мысли его были далеко, и чтение не производило над ним обыкновенного своего действия. Он насвистывал старинный марш. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слёзы изредка капали на её работу. Вдруг Марья Ивановна, тут же сидевшая за работой, объявила, что необходимость её заставляет ехать в Петербург и что она просит дать ей способ отправиться. Матушка очень огорчилась. «Зачем тебе в Петербург? — сказала она. — Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты нас покинуть?» Марья

Правообладатель Национальный институт образования

Ивановна отвечала, что вся будущая судьба её зависит от этого путешествия, что она едет искать покровительства и помощи у сильных людей, как дочь человека, пострадавшего за свою верность.

Отец мой потупил голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступление сына, было ему тягостно и казалось колким упрёком. «Поезжай, матушка! — сказал он ей со вздохом. — Мы твоему счастию помехи сделать не хотим. Дай Бог тебе в женихи доброго человека, не ошельмованного изменника». Он встал и вышел из комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наедине с матушкою, отчасти объяснила ей свои предположения. Матушка со слезами обняла её и молила Бога о благополучном конце замышленного дела. Марью Ивановну снарядили, и через несколько дней она отправилась в дорогу с верной Палашей и с верным Савельичем, который, насильственно разлучённый со мною, утешался по крайней мере мыслию, что служит наречённой моей невесте.

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию и, узнав, что Двор находился в то время в Царском Селе, решилась тут остановиться. <...>

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева[1]. Вдруг белая собачка английской породы

[1] *Румя́нцев П. А.* (1725—1796) — командующий русскими войсками в войне с Турцией.

Правообладатель Национальный институт образования

залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на неё смотрела; а Марья Ивановна, со своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть её с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей, казалось, лет сорок. Лицо её, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и лёгкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчание.

— Вы, верно, не здешние? — сказала она.

— Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

— Вы приехали с вашими родными?

— Никак нет-с. Я приехала одна.

— Одна! Но вы ещё так молоды.

— У меня нет ни отца, ни матери.

— Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?

— Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

— Вы сирота: вероятно, жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова.

— Капитана Миронова! Того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?

— Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, — сказала она голосом ещё более ласковым, —

Правообладатель Национальный институт образования

если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чём состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно её благодарила. Всё в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала её незнакомой своей покровительнице, которая стала читать про себя.

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг её лицо переменилось — и Марья Ивановна, следившая глазами за всеми её движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

— Вы просите за Гринёва? — сказала дама с холодным видом. — Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй.

— Ах, неправда! — воскликнула Марья Ивановна.

— Как неправда! — возразила дама, вся вспыхнув.

— Неправда, ей-богу, неправда! Я знаю всё, я всё вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. — Тут она с жаром рассказала всё, что уже известно моему читателю.

Дама выслушала её со вниманием. «Где вы остановились? — спросила она потом; и услыша, что у Анны Власьевны, промолвила с улыбкой: — А! Знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо».

Правообладатель Национальный институт образования

С этим словом она встала и вышла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила её за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по её словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар и за чашкою чая только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца и камер-лакей вошёл с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову. <...>

Марья Ивановна предчувствовала решение нашей судьбы; сердце её сильно билось и замирало. Через несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед ней отворились настежь. Она прошла длинный ряд пустых великолепных комнат; камер-лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к запертым дверям, он объявил, что сейчас о ней доложит, и оставил её одну.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так устрашала её, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную[1] государыни.

Императрица сидела за своим туалетом[2]. Несколько придворных окружали её и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала её и сказала с улыбкой: «Я рада, что могла

---

[1] *Убо́рная* — здесь: комната, где одеваются и приводят себя в порядок (от слова *убра́ться* — украситься, нарядиться).

[2] Здесь: столик с зеркалом.

Правообладатель Национальный институт образования

сдержать вам своё слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свёкру[1]».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла её и поцеловала. Государыня разговорилась с нею. «Знаю, что вы не богаты, — сказала она, — но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние».

Обласкав бедную сироту, государыня её отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете.

Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая её возвращения, осыпала её вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна её беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринёва. Из семейственных преданий известно, что он был освобождён от заключения в конце 1774 года, по именному повелению[2], что он присутствовал при казни Пугачёва, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мёртвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Пётр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. В тридцати верстах от ***

---

[1] *Свёкор* — отец мужа.

[2] *Именно́е повеле́ние* — приказ царя или царицы.

Правообладатель Национальный институт образования

находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринёва доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать её особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

19 октября 1836 *Издатель*

1. Сравните Гринёва и Швабрина по плану: происхождение; занятия и интересы; отношение к службе, воинскому долгу; отношение к Пугачёву; отношение к Маше Мироновой; личные качества. Кому их них симпатизирует автор и кого осуждает, за что?
2. Какой изображена Маша Миронова в последних главах? Какие стороны её характера проявились в последних сценах наиболее ярко? Подготовьте рассказ от лица Маши Мироновой о её поездке в Петербург и встрече с Екатериной II.
3. Какой изображена Екатерина II в повести? Проявила ли она милосердие к Гринёву и Маше Мироновой? Каково, по-вашему, отношение Пушкина к императрице, а также к представителям царской власти на местах (оренбургскому генералу, военным чиновникам)?
4. В каких произведениях Пушкин обращается к теме крестьянских волнений? Чем отличается изображение бунта крестьян в повести «Дубровский» от описания Пугачёвского восстания в «Капитанской дочке»? В чём трагизм последнего?

Правообладатель Национальный институт образования

5. На чём основана взаимная симпатия Гринёва и Пугачёва? Какое значение имеет упоминание в послесловии о присутствии Гринёва при казни Пугачёва?
6. Историк С. М. Броневский, современник Пушкина, писал: «Емелька Пугачёв бесспорно принадлежал к редким явлениям, к извергам, вне законов природы рождённым; ибо в естестве его не было и малейшей искры добра, того благого начала, той духовной чести, которые разумное творение от бессмысленного животного отличают».
Поэт XX века М. И. Цветаева утверждала: «Пушкинский Пугачёв... есть собирательный разбойник, людоед, чумак[1], бес, “добрый молодец”, серый волк всех сказок... и снов, но разбойник, людоед, серый волк — кого-то полюбивший, всех загубивший, одного — полюбивший...»
Сам Пушкин, посылая Денису Давыдову, герою войны 1812 года, свою «Историю Пугачёва», сделал такое посвящение:

Вот мой Пугач — при первом взгляде
Он виден: плут, казак прямой.
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

Как же автор относится к Пугачёву? А что думаете о нём вы?
7. В день окончания работы над повестью Пушкин в письме к другу П. Я. Чаадаеву писал: «Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству —

[1] *Чума́к* — здесь: грубый человек.

Правообладатель Национальный институт образования

поистине могут привести в отчаяние». Почему слово «честь» неоднократно появляется в тексте повести и даже вынесено в эпиграф к ней? Относится ли этот эпиграф только к Петру Гринёву или и к другим героям повести? Своё мнение обоснуйте.

8. Как вы думаете, почему повесть о судьбе молодого офицера Гринёва и других людей, участвовавших в грозных событиях Пугачёвского восстания, названа писателем «Капитанская дочка»? Помогает ли заглавие повести лучше понять замысел автора? Какова основная мысль (идея) повести?

9. Рассмотрите иллюстрации Д. А. Шмаринова, В. В. Маторина, С. В. Герасимова, П. П. Соколова к «Капитанской дочке». Какую сцену изобразил каждый художник? Перескажите её. Помогают ли иллюстрации лучше понять прочитанное? С помощью каких деталей художники передают своё отношение к изображаемому?

Историческая правда и художественный вымысел

В «Капитанской дочке» представлена широкая и правдивая картина жизни русского общества XVIII века, воссозданы подлинные исторические события (осада Оренбурга, казнь Пугачёва), действуют исторические лица (Пугачёв, Хлопуша, Белобородов, Екатерина II). Но Пушкин стремился не просто дать читателям знания об исторических фактах, а вызвать сопереживание. Для этого в художественное произведение на историческую тему вводятся вымышленные события и лица: Гринёв, Мироновы, Швабрин, Савельич и другие — те «простые люди», которые волею судьбы вовлечены в грозные события

крестьянской войны. Это позволяет читателям увидеть историю как бы «изнутри». При этом фантазия художника не искажает исторической правды, а следует за ней. Писатель старается найти для своих героев поступки, образ мыслей, язык, характерные для людей той эпохи, — создаёт *художественный образ* с помощью вымысла.

Художественный вымысел — способность писателя представить, вообразить то, что могло бы быть в действительности.

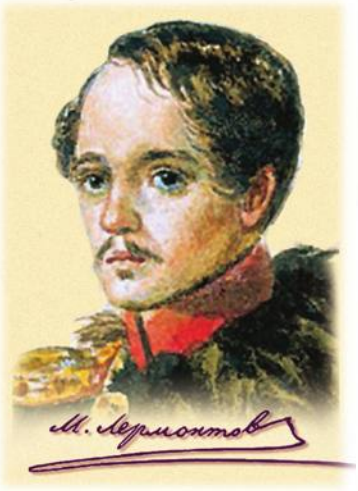
Благодаря вымыслу автор может создать такой художественный мир произведения, в котором ощущается атмосфера исторического прошлого и подлинной жизни. Но при этом писатель оставляет в нём «кусочек себя». И поэтому в созданной с помощью вымысла художественной картине, в художественном образе всегда присутствует автор, его точка зрения.

1. Известный историк В. О. Ключевский отмечал, что в «“Капитанской дочке” больше истории, нежели в “Истории Пугачёвского бунта”, которая кажется длинным объяснительным примечанием к роману». Что создаёт исторический колорит в повести?

2. Распределите главы повести между одноклассниками, чтобы создать «Словарь эпохи Пугачёвского бунта». Для этого отберите предметы быта, понятия, особенности государственного устройства и т. п., которые упоминаются в тексте и, по-вашему, являются важными для характеристики XVIII века, и напишите для них словарные статьи.

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

1814—1841



Люблю Отчизну я...

М. Ю. Лермонтов

ОБРАЗ ЛЕРМОНТОВА

...Историю протекших веков и всё лучшее, накопленное русской и европейской культурой, Лермонтов усваивал начиная с первого дня пребывания в пансионе при Московском университете, а затем в годы студенчества.

Он владеет французским, немецким, английским, читает по-латыни, впоследствии, на Кавказе, примется изучать «татарский», т. е. азербайджанский, язык, в Грузии будет записывать слова грузинские и одной из своих поэм даст грузинское название — «Мцыри». Он помнит тысячи строк из произведений поэтов великих и малых, иностранных и русских, но из обширного круга его чтения нужно выделить двух авторов: Байрона и — особенно — Пушкина. Ещё ребёнком Лермонтов постигал законы поэзии, переписывая в свой альбом их стихи. Перед Пушкиным он благоговел всю жизнь.

Он был одарён удивительной музыкальностью: играл на скрипке, на фортепиано, пел, сочинял

музыку на собственные стихи... Не много было в мире поэтов, умевших передавать тончайшие душевные состояния, пластические образы и живой разговор посредством стиха и прозаической фразы, звучание которых составляет неизъяснимую прелесть, заключённую в музыкальности каждого слова и в самой поэтической интонации. Не много рождалось поэтов, которые бы так «слышали» мир и видели его так — динамично, объёмно, красочно. В этом Лермонтову-поэту помогал его глаз художника.

При всём том он умел одухотворять, оживлять природу: утёс, тучи, дубовый листок, пальма, сосна, волны наделены у него человеческими страстями — им ведомы радости встреч, горечь разлук, и свобода, и одиночество, и глубокая неутолимая грусть.

Чувство одиночества <...> было для него неизбежным и сообщало его поэзии характер трагический. Состоянию общественной жизни отвечала его собственная трагическая судьба: ранняя гибель матери, жизнь вдали от отца, которого ему запрещено было видеть, политические преследования и жизнь изгнанника в последние годы. И при всём том он не стал мрачным отрицателем жизни. Он любил её страстно, вдохновлённый мыслью о родине, мечтой о свободе, стремлением к действию, подвигу.

И всё, что им создано за тринадцать лет творчества, — это подвиг во имя свободы и родины.

И через всю жизнь проносим мы в душе образ этого человека — грустного, строгого, нежного, властного, скромного, смелого, благородного... Поэта гениального и так рано погибшего. Бессмертного и навсегда молодого.

И. Л. Андроников. «Образ Лермонтова»

1. Что нового о личности поэта вы узнали из статьи И. Л. Андроникова?

2. Найдите высказывания о М. Ю. Лермонтове и его творчестве. Определите, какие грани таланта и черты личности поэта вызывали восхищение у известных людей — деятелей прошлого и наших современников. Изменилась ли оценка творчества М. Ю. Лермонтова?

МЦЫРИ[1]

(В сокращении)

Вкушая, вкусих мало мёда и се аз умираю[2].

1-я книга Царств

1

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц[3] благовонный дым,

---

[1] *Мцы́ри* — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде послушника. *(Примечание автора.)* *Послу́шник* — человек, живущий в монастыре и готовящийся принять монашество.

[2] Слова из Библии. Смысл эпиграфа: не много радостей пришлось испытать герою, и вот он должен умереть.

[3] *Кади́льница* — сосуд для благовонных курений во время службы.

Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков[1] за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертию забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой и о том,
Как, удручён своим венцом,
Такой-то царь в такой-то год,
Вручал России свой народ.

———————

Опишите место действия поэмы (глава 1).

И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаясь врагов,
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал.
Ребёнка пленного он вёз.
Тот занемог, не перенёс
Трудов далёкого пути;
Он был, казалось, лет шести,
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нём мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он

———————

[1] *И́нок* — монах.

Томился — даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасён.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещён святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет[1].
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Тёмный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нём
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель[2] принесли.
Он страшно бледен был и худ,
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.

Расскажите о жизни Мцыри (глава 2).

---

[1] *Изре́чь мона́шеский обе́т* — стать монахом, принять монашество.

[2] *Оби́тель* — монастырь.

О. Л. Пастернак. Чернец и монах

Он на допрос не отвечал,
И с каждым днём приметно вял;
И близок стал его конец.
Тогда пришёл к нему чернец[1]
С увещеваньем и мольбой;
И гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришёл, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь.
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать,
А душу можно ль рассказать?

Что можно узнать из первых слов исповеди о самом Мцыри?

[1] *Черне́ц* — монах.

Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской,
Её пред небом и землёй
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4

Старик! Я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов: «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имён.
Напрасно: звук их был рождён
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,

Что больше всего повлияло на формирование характера Мцыри?

А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слёз,
В душе я клятву произнёс:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! Теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

Что и почему стало «пламенной страстью» короткой жизни Мцыри?

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине,
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билося живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл; ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.

Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил — я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежею толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды тёмных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал,
Мне было свыше то дано!
Простёрты в воздухе давно
Объятья каменные их
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтиться никогда.
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курилися, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залётных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой незыблемый Кавказ;

Что и почему сразу поразило Мцыри на воле?

И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней.

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножон
Кинжалов длинных… и как сон
Всё это смутной чередой
Вдруг пробегало предо мной.
А мой отец! Он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый, непреклонный взор,
И молодых моих сестёр…
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей…
В ущелье там бежал поток.
Он шумен был, но неглубок;

Какие воспоминания о родине приходят к Мцыри (глава 7)?

К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождём
Волны касалися крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир ещё пышней.

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трёх блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.

Д. Ф. Константинов. Мцыри в грозу

Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре[1],
Вы ниц[2] лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад.
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил…
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

Какие чувства и почему испытывает Мцыри в грозу?

9

Бежал я долго — где, куда?
Не знаю! Ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал, и наконец, устав,
Прилёг между высоких трав;
Прислушался: погони нет.

---

[1] *Алта́рь* — главная часть церкви, отделённая иконостасом (стеной с иконами) от общего помещения.

[2] *Ниц* — ничком.

Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж тёмным небом и землёй,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далёких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуёй блестя,
Змея скользила меж камней,
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз, и прятался, как змей.

Что открывают в характере Мцыри сравнения (глава 9)?

10

Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудою камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню,
Я поднял голову мою…

Я осмотрелся; не таю,
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

Случайно ли то, что Мцыри оказался на краю обрыва?

11

Кругом меня цвёл божий сад.
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слёз,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серёг подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал,
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли.
И все природы голоса
Сливались тут. Не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы, им уж нет следа,
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полёт
Прилежный взор следить бы мог,
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нём глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

Опишите мир, увиденный Мцыри (главы 10—11).

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда[1]
Дымилась, прах[2] вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг голос — лёгкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал.

---

[1] *Бразда́ (устар.)* — то же, что и борозда.
[2] *Прах* — здесь: пыль.

И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имён
Произносить был приучён.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух её поёт.

Какие чувства испытывает Мцыри, встретив девушку?

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры[1]
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь её, и зной
Дышал от уст её и щёк.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь

[1] *Чадра́* — лёгкая ткань, которой женщины-мусульманки укрывают голову, лицо и фигуру.

И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь её полей!
Недалеко в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли[1] дружною четой:
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь…
И затворилася опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль,
И если б мог — мне было б жаль!
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

Почему Мцыри не пошёл за девушкой в саклю?

Трудами ночи изнурён
Я лёг в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне…
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объятья жадные раскрыв.

---

[1] *Са́кля* — жилище кавказских горцев.

Мир тёмен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной,
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонёк
То трепетал, то снова гас...
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —
Пройти в родимую страну —
Имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог;
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой,
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

Как изменилась природа ночью? Опишите её от лица Мцыри.

15

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом.
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом чёрных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста.
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева,
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал,
И в исступлении рыдал,

И грыз сырую грудь земли,
И слёзы, слёзы потекли
В неё горючею росой…
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал… Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык!

Почему Мцыри плачет, но не хочет помощи от людей?

16

Ты помнишь, в детские года
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь тёмный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры… и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лёг,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, и на нём
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы — сердце вдруг

И. М. Тоидзе. Бой с барсом

Почему бой с барсом — самый важный эпизод в побеге Мцыри?

Зажглося жаждою борьбы
И крови… да, рука судьбы
Меня вела иным путём…
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как стон,
Раздался вдруг… и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилёг,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертию грозил…
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.

Надёжный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассёк...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

Как проявляет себя Мцыри в бою? Что даёт ему силы?

Ко мне он кинулся на грудь,
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Моё оружье... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом — и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг.
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рождён
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;

Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

Почему бой с барсом вызывает у Мцыри ощущение счастья?

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Ещё они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит,
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И вновь, собрав остаток сил,
Побрёл я в глубине лесной…
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал…
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край казался мне знаком.
И страшно было мне — понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей,
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,

И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав,
Блаженство вольности познав,
Унесть в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор,
И вашей жалости позор!..
Ещё в сомненье погружён,
Я думал — это страшный сон,
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине...
И тут всё ясно стало мне.
О! Я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про лёгких бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слёз, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

Мог ли Мцыри выжить в том мире, куда так стремился?

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдёт прямой и краткий путь...

Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила — таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесён
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия…
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч её обжёг
В тюрьме воспитанный цветок…

Как Мцыри объясняет своё поражение?

22

И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу;
Иссохший лист её венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнём
Сама земля дышала мне.
Сверкая, быстро в вышине
Кружились искры — с белых скал
Струился пар. Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжёлым сном.
Хотя бы крикнул коростель,

Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет!.. Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая жёлтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Бразда рассыпчатый песок,
Скользила бережно — потом,
Играя, нежася на нём,
Тройным свивалася кольцом;
То будто вдруг обожжена
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

Как и почему меняется природа утром третьего дня?

23

И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Всё закружилось с быстротой!
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.

<...>

24

Так я найден и поднят был…
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил, верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп, холодный и немой,
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовёт меж стен глухих
Вниманье скорбное ничьё
На имя тёмное моё.

Раскаивается ли Мцыри в побеге? Побеждён ли он духовно?

25

Прощай, отец… Дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне…
Знай, этот пламень с юных дней
Таясь, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожёг свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Даёт страданье и покой…
Но что мне в том? Пускай в раю,
В святом, заоблачном краю,
Мой дух найдёт себе приют…
Увы! — за несколько минут
Между крутых и тёмных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял…

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,

Ты перенесть меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста…
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлёт,
Пришлёт с прохладным ветерком…
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отёр внимательной рукой
С лица кончины хладный пот,
И что вполголоса поёт
Он мне про милую страну…
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

1839

Как вы понимаете последнюю волю героя?

1. Пересмотрите текст поэмы и определите особенности её композиции. Почему обо всей жизни мальчика-горца рассказано в одной второй главе, а о трёх днях — более чем в двадцати последующих? Почему повествование в них ведётся от имени самого героя?

2. Мцыри называет свой рассказ монаху исповедью. Установите значение слова «исповедь» и опреде-

лите, в каком значении употреблено это слово в произведении.

3. В поэме звучит страстный, взволнованный монолог юноши. Но не кажется ли вам, что герой ведёт с монахом спор? О чём он? В чём разница их понимания смысла жизни и счастья?
4. Перечитайте слова юноши о монастыре и родине. Как эти контрастные образы (монастыря и родины) помогают понять цель побега героя (главы 3, 8), его характер?
5. Что значит для Мцыри жить? Почему он три дня своих скитаний на воле, полных тревог и опасностей, называет блаженными и ценит дороже всей своей жизни?

6. Рассмотрите иллюстрации разных художников к поэме: И. М. Тоидзе, Ф. Д. Константинова, Л. О. Пастернака, И. С. Глазунова. Какие из них вам больше понравились и почему?

Поэма как жанр. Романтический герой

«Мцыри» М. Ю. Лермонтова является поэмой. Сначала все поэмы были эпическими, как «Илиада» и «Одиссея» Гомера. Современные литературоведы выделяют несколько разновидностей этого жанра: лирические, лиро-эпические, сатирические и другие поэмы.

Поэма — лиро-эпический жанр, обычно крупное стихотворное произведение, состоящее из нескольких частей, в котором объединяются сюжетность и лирическое начало.

«Мцыри» рассказывает о необыкновенной судьбе юноши-горца, рвущегося из монастыря на родину *(тема поэмы)*. Но, повествуя о мечтах и поступках Мцыри, поэт раскрывает своё отношение к изображаемому, передаёт своё восхищение деятельной натурой героя, его душевным миром, т. е. утверждает свой жизненный идеал *(идея произведения)*. Воплощению своего замысла поэт подчиняет всё: композицию, средства языковой выразительности, ритм и рифму, художественные образы. Через мысли, поступки главного героя Лермонтов заставляет задуматься о смысле существования, правах личности, о том, какой должна быть человеческая жизнь.

Мцыри — не обычный литературный персонаж, а «исключительная» личность — «огненная душа», «исполинская натура» (В. Г. Белинский), действующая не в привычных жизненных ситуациях, а в «исключительных обстоятельствах», т. е. *романтический герой*, характерный для романтических произведений.

Романтические произведения (они появились в начале XIX века) отличают особый интерес к личности, вера в человека и его возможности. Для поэтов-романтиков был характерен глубокий интерес к фольклору и истории своей страны.

«Художник-романтик не ставит перед собой задачи точно воспроизвести реальную действительность. Для него важнее высказать своё отношение к ней, более того, создать свой, вымышленный образ мира, часто по принципу контраста с окружающей жизнью, чтобы через этот вымысел, через контраст донести до читателя и свой идеал, и своё неприятие отрицаемого им мира…

Литература романтизма создала своего героя, чаще всего выражающего авторское отношение к действительности. Это человек с особенно сильными чувствами, с неповторимо острой реакцией на мир…

Герой этот одинок, и тема одиночества присутствует в произведениях разных жанров, особенно часто в лирике… Это *исключительные характеры* в *исключительных обстоятельствах…*» (В. Г. Белинский).

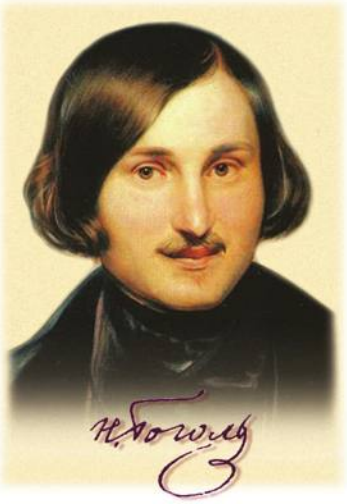
Великими национальными поэтами-романтиками стали: Дж. Байрон — в Англии, Г. Гейне — в Германии, А. Мицкевич — в Польше. В России романтические произведения создавали В. А. Жуковский и поэты-декабристы, молодой Пушкин и Лермонтов; на рубеже XIX—XX веков Максим Горький вновь обратился к романтическим средствам художественного изображения.

1. На основании статьи учебного пособия дайте определения понятиям: романтизм, романтический герой. Сформулируйте кратко отличительные черты романтизма.
2. Какие черты романтического героя воплощены в образе Мцыри?

3. Романтизм нашёл проявление не только в литературе, но и в музыке. Яркими представителями романтического течения были композиторы Ф. Шопен, Р. Шуман, Ф. Шуберт. Послушайте некоторые из их произведений. Какие чувства вы испытываете? Какие образы возникают в вашем воображении?

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

1809—1852



Театр — великая школа, глубоко его назначение: он целой толпе, целой тысяче народа за одним разом читает живой полезный урок.

Н. В. Гоголь

ГОГОЛЬ И ТЕАТР

Когда юный Гоголь впервые приехал в Петербург, он уже был страстным любителем театра. Его театральные интересы зародились ещё в детские и отроческие годы в родной Васильевке, а затем окрепли в Нежинской гимназии высших наук. Гоголя-гимназиста можно было видеть в школьных спектаклях.

Неудача, постигшая Гоголя при попытке поступить актёром на петербургскую сцену, безусловно, огорчила молодого человека, но не охладила его любви к театру.

Высокие требования предъявлял Гоголь к репертуару петербургских театров. «И что же даётся на наших театрах? — спрашивал он в “Петербургских записках 1836 года” и отвечал: — Какие-нибудь мелодрамы и водевили...»

Гоголь с горечью отмечал: «Из театра мы сделали игрушку, вроде тех побрякушек, которыми заманивают детей, позабывши, что это такая кафедра, с которой читается разом целой толпе живой урок».

И он призывал к созданию русской драматургии, отражающей русскую действительность.

М. И. Гиллельсон, В. А. Мануйлов, А. Н. Степанов. «Гоголь в Петербурге»

В «Авторской исповеди» Н. В. Гоголь вспоминал о замысле комедии «Ревизор»: «...Ни я сам, ни сотоварищи мои не думали, что мне придётся быть писателем комическим и сатирическим, хотя на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками. Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьёзно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение: “Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто грех!” — и в заключение всего отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет “Мёртвых душ”. (Мысль “Ревизора” принадлежит также ему.)

...В “Ревизоре” я решился собрать в одну кучу всё дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем. Но это, как известно, произвело потрясающее действие. Сквозь смех, который никогда ещё во мне не появлялся в такой силе, читатель услышал грусть...»

Первое представление «Ревизора» в Петербурге, в Александринском театре, состоялось 19 апреля 1836 года.

1. Когда у Гоголя сформировалась любовь к театру? Почему он не стал актёром?
2. Как появилась идея написать комедию «Ревизор»? Как автор объясняет, почему он выбрал жанр комедии для своей пьесы?

КОМЕДИЯ КАК ДРАМАТИЧЕСКИЙ ЖАНР

Драматические произведения (от греч. *drama* — действие) изображают события, жизнь людей, их переживания; предназначены для постановки на сцене и поэтому написаны в форме разговора действующих лиц.

Если в лирике чувства и мысли автора выражены непосредственно, в эпическом произведении писатель повествует о жизни героев, то в драме автор скрыт за персонажами. Он не может рассказать от своего лица биографию героев, описать, как они выглядят, раскрыть внутренние причины их поступков в своём повествовании. Лишь перед началом произведения писатель *(драматург)* называет действующих лиц, иногда кратко характеризуя их, а также сообщает, где и когда происходит действие, какая обстановка должна быть на сцене. В самом же тексте пьесы встречаются только краткие замечания автора *(ремарки)* о том, кто появляется на сцене, как говорит, что делает при этом и т. п.

Характеры людей в пьесе раскрываются в их действиях, поступках и в их высказываниях. Язык драматического произведения является средством *речевой характеристики*. По высказываниям героев

(диалогам и *монологам)* можно сделать вывод об их характерах. Слова одного из персонажей, участвующих в диалоге, называются *репликой*. Иногда в пьесе встречаются реплики «в сторону» — персонаж адресует своё мнение не партнёру по сцене, а зрителю, как бы «думает вслух».

Сюжет драматического произведения, в отличие от эпического, более напряжён: ведь спектакль не может длиться долго, поэтому действие его довольно сжато.

В основе сюжета драматического произведения лежит какой-то *конфликт*, который раскрывается не сразу. Как и в эпическом произведении, в пьесе есть вступительная часть сюжета — *экспозиция*, изображающая обстановку, состояние персонажей до начала действия; *завязка* — событие, в котором обнаруживается конфликт, начинается действие; после завязки действие идёт более энергично *(развитие действия)*; тот момент, где конфликт достигает особенной остроты, называется *кульминацией*, а исход конфликта — *развязкой*.

Пьесы делятся на *акты* (действия), а внутри них — на *явления* (сцены).

Драматические произведения в зависимости от характера конфликта бывают разных жанров: трагедия, драма (в узком смысле), комедия.

Комедия — драматическое произведение, в котором высмеиваются отрицательные черты человека или общественные пороки.

1. Какие драматические произведения вы читали? Чем отличается пьеса от спектакля? Какие спектакли вы смотрели в театрах?

2. Читая пьесу «Ревизор», подумайте, почему её относят к жанру комедии. Кого и что высмеивает автор? Какой, по-вашему, смех у Гоголя — добродушный или злой?

РЕВИЗОР

Комедия в пяти действиях

(В сокращении)

На зеркало неча пенять,
коли рожа крива.

Народная пословица

Действующие лица

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий[1].
Анна Андреевна, жена его.
Марья Антоновна, дочь его.
Лука Лукич Хлопов, смотритель[2] училищ.
Жена его.
Аммос Фёдорович Ляпкин-Тяпкин, судья.
Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений[3].
Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер[4].
Пётр Иванович Бобчинский } городские
Пётр Иванович Добчинский } помещики.

---

[1] *Городни́чий* — начальник уездного города (должность, существовавшая до середины XIX века).

[2] *Смотри́тель* — должностное лицо, которому поручался надзор за каким-нибудь учреждением.

[3] *Богоугодные заведе́ния* — больницы, приюты, дома для престарелых (создавались частными лицами, чтобы «угодить Богу»). *Попечи́тель* — должностное лицо, руководившее сетью учреждений какого-нибудь ведомства на местах.

[4] *Почтме́йстер* — начальник почтовой конторы.

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.
Осип, слуга его.
Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.
Фёдор Андреевич Люлюков, Иван Лазаревич Растаковский, Степан Иванович Коробкин — отставные чиновники, почтенные лица в городе
Степан Ильич Уховертов, частный пристав[1].
Свистунов, Пуговицын, Держиморда — полицейские.
Абдулин, купец.
Февронья Петровна Пошлёпкина, слесарша.
Жена унтер-офицера.
Мишка, слуга городничего.
Слуга трактирный.
Гости и гостьи, купцы, мещане, просители.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме городничего.

Явление I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных[2].

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Фёдорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

---

[1] *Ча́стный при́став* — начальник полицейского участка в городе.

[2] *Кварта́льный* (устар.) — в царской России: низшая полицейская должность.

Г о р о д н и ч и й. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И ещё с секретным предписаньем.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Вот те на!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Вот не было заботы, так подай!

Л у к а Л у к и ч. Господи боже! Ещё и с секретным предписаньем!

Г о р о д н и ч и й. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: чёрные, неестественной величины! Пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель *(бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами)*... и уведомить тебя». А! Вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписаньем осмотреть всю губернию и особенно наш уезд *(значительно поднимает палец вверх)*. Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывёт в руки...» *(остановясь)*, ну, здесь свои...«то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живёт где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кирилловна приехала к нам со своим мужем, Иван Кириллович очень потолстел и всё играет на скрыпке...» — и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Л у к а Л у к и ч. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Г о р о д н и ч и й. Зачем! Так уж, видно, судьба! *(Вздохнув.)* До сих пор, благодарение Богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, министерия[1]-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Г о р о д н и ч и й. Эк куда хватили! Ещё и умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром, что далеко, а оно себе мотает на ус.

Г о р о д н и ч и й. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предуведомил[2]. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряжения сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы всё было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

---

[1] *Министе́рия* — здесь: правительство.

[2] *Предуве́домить* — предупредить.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Ну, это ещё ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Г о р о д н и ч и й. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по-латыни или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь, когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдёшь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. О! Насчёт врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре[1], тем лучше; лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрёт, он и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издаёт звук, отчасти похожий на букву *и* и несколько на *е*.

Г о р о д н и ч и й. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Фёдорович, обратить внимание на присутственные места[2]. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусёнками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводиться всякому похвально, и почему ж сторожу и не завесть его? Только, знаете,

---

[1] *Нату́ра* — здесь: природа.

[2] *Прису́тственное ме́сто* — казённое учреждение; здесь: уездный суд.

в таком месте неприлично… Я и прежде хотел вам это заметить, но всё как-то позабывал.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. А я вот их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать. <…>

Г о р о д н и ч и й. Да я так только заметил вам. Насчёт же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить. Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и волтерианцы[1] напрасно против этого говорят.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам — рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Г о р о д н и ч и й. Ну, щенками или чем другим — всё взятки.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль…

Г о р о д н и ч и й. Ну а что из того, что вы берёте взятки борзыми щенками? Зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я, по крайней мере, в вере твёрд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы… О, я знаю вас: вы если начнёте говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

---

[1] *Волтериа́нцы* (правильно: *вольтерианцы*) — последователи великого французского писателя и философа Вольтера. Невежды и реакционеры вольтерианцами называли всех свободомыслящих людей, критически относившихся к церкви и властям.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Да ведь сам собою дошёл, собственным умом.

Г о р о д н и ч и й. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчёт учителей. Они люди, конечно, учёные и воспитывались в разных коллегиях[1], но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с учёным званием. Один из них, например вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак *(делает гримасу)*, и потом начнёт рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно ещё ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить, но вы посудите сами, если он сделает это посетителю — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счёт. Из этого чёрт знает что может произойти.

Л у к а Л у к и ч. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот ещё на днях, когда зашёл было в класс наш предводитель[2], он скроил такую рожу, какой я никогда ещё не видывал. Он-то её сделал от доброго сердца, а мне

---

[1] *Колле́гия* — здесь: высшее учебное заведение.

[2] *Предводи́тель* — здесь: *предводи́тель дворя́нства* — выборный представитель дворян, занимавшийся их сословными делами.

выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Г о р о д н и ч и й. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он учёная голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — ещё ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и, что силы есть, хвать стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский — герой, но зачем же стулья ломать? От этого убыток казне. <...>

Л у к а Л у к и ч. Не приведи бог служить по учёной части, всего боишься. Всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Г о р о д н и ч и й. Это бы ещё ничего. Инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпкин». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

Явление II

Т е ж е и п о ч т м е й с т е р.

П о ч т м е й с т е р. Объясните, господа, какой чиновник едет?

Г о р о д н и ч и й. А вы разве не слышали?

П о ч т м е й с т е р. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе. <...>

Г о р о д н и ч и й. Ну что же, как вы, Иван Кузьмич?

П о ч т м е й с т е р. Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Г о р о д н и ч и й. Да что я? Страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство[1] меня смущает. Говорят, что я им солоно пришёлся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. Я даже думаю *(берёт его под руку и отводит в сторону),* я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же, в самом деле, к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нём какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

П о ч т м е й с т е р. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение: иное письмо с наслажденьем прочтёшь: так описываются разные пассажи[2]... а назидательность[3] какая... Лучше, чем в «Московских ведомостях»!

Г о р о д н и ч и й. Ну что ж, скажите: ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

---

[1] *Граждáнство* (устар.) — население.

[2] *Пассáж* — случай, происшествие.

[3] *Назидáтельность* — поучительность.

П о ч т м е й с т е р. Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем. Есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом… очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течёт, говорит, в эмпиреях[1]: барышень много, музыка играет, штандарт[2] скачет…» С большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Г о р о д н и ч и й. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадётся жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте. <…>

Явление III

Т е ж е, Д о б ч и н с к и й и Б о б ч и н с к и й, оба входят запыхавшись.

Б о б ч и н с к и й. Чрезвычайное происшествие!

Д о б ч и н с к и й. Неожиданное известие!

В с е. Что? Что такое?

Д о б ч и н с к и й. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу…

Б о б ч и н с к и й *(перебивая)*. Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу…

Д о б ч и н с к и й *(перебивая)*. Э, позвольте же, Пётр Иванович, я расскажу.

---

[1] *В эмпире́ях* — в блаженстве (*эмпирей* в древнегреческой мифологии — самая высокая часть неба, местопребывание богов).

[2] *Штанда́рт* (устар.) — военное знамя. Здесь имеется в виду штандарт-юнкер (унтер-офицер из дворян), носивший знамя.

Б о б ч и н с к и й. Э, нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

Д о б ч и н с к и й. А вы собьётесь и не припомните всего.

Б о б ч и н с к и й. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Пётр Иванович не мешал.

Г о р о д н и ч и й. Да говорите, ради бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Пётр Иванович, вот вам стул!

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что, что такое?

Б о б ч и н с к и й. Позвольте, позвольте: я всё по порядку. Как только имел я удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с, — так я тогда же забежал... уж, пожалуйста, не перебивайте, Пётр Иванович! Я уж всё, всё, всё знаю-с. Так я, вот изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашёл вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Д о б ч и н с к и й *(перебивая)*. Возле будки, где продаются пироги.

Б о б ч и н с к и й. Возле будки, где продаются пироги. Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: «Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?» А Пётр Иванович уже услыхали об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю,

за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву…

Д о б ч и н с к и й *(перебивая)*. За бочонком для французской водки.

Б о б ч и н с к и й *(отводя его руки)*. За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву… Уж вы, Пётр Иванович… энтого… не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Пётр Иванович говорит: «Зайдём, говорит, в трактир. В желудке-то у меня… с утра я ничего не ел, так желудочное трясение…» — да-с, в желудке-то у Петра Ивановича… «А в трактир, говорит, привезли теперь свежей сёмги, так мы закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек…

Д о б ч и н с к и й *(перебивая)*. Недурной наружности, в партикулярном[1] платье…

Б о б ч и н с к и й. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит этак по комнате, и в лице этакое рассуждение… физиономия… поступки, и здесь *(вертит рукою около лба)* много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Пётр-то Иванович уж мигнули пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа; у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Пётр Иванович и спроси его потихоньку: «Кто, говорит, этот молодой человек?» — А Влас и отвечает на это: «Это», — говорит… Э, не перебивайте, Пётр Иванович, пожалуйста, не перебивайте. Вы не расскажете, ей-

[1] *Партикуля́рный* — штатский, невоенный.

богу, не расскажете! Вы пришепётываете: у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом... «Это, говорит, молодой человек, чиновник, — да-с, — едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует[1]: другую уж неделю живёт, из трактира не едет, забирает всё на счёт и ни копейки не хочет платить». Как сказал он мне это, а меня тут вот свыше и вразумило. «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...

Д о б ч и н с к и й. Нет, Пётр Иванович, это я сказал: «Э!»

Б о б ч и н с к и й. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э! — сказали мы с Петром Ивановичем. — А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?» Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник.

Г о р о д н и ч и й. Кто, какой чиновник?

Б о б ч и н с к и й. Чиновник-та, о котором изволили получить нотицию[2], — ревизор.

Г о р о д н и ч и й *(в страхе)*. Что вы, господь с вами! Это не он.

Д о б ч и н с к и й. Он! И денег не платит, и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная[3] прописана в Саратов.

Б о б ч и н с к и й. Он, он, ей-богу, он... Такой наблюдательный: всё обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели сёмгу, — больше потому,

---

[1] *Аттестýет* — здесь: обнаруживает свой характер, ведёт себя.

[2] *Нотúция* — письменное извещение.

[3] *Подорóжная* — документ о маршруте и праве пассажира пользоваться определённым количеством почтовых лошадей.

что Пётр Иванович насчёт своего желудка… да, так он и в тарелки к нам заглянул. Меня так и проняло страхом.

Г о р о д н и ч и й. Господи, помилуй нас, грешных! Где же он там живёт?

Д о б ч и н с к и й. В пятом номере, под лестницей.

Б о б ч и н с к и й. В том самом номере, где прошлого года подрались проезжие офицеры.

Г о р о д н и ч и й. И давно он здесь?

Д о б ч и н с к и й. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина[1].

Г о р о д н и ч и й. Две недели! *(В сторону.)* Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена[2]! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! Поношенье! *(Хватается за голову.)*

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Что ж, Антон Антонович? — ехать парадом в гостиницу.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Нет, нет! Вперёд пустить голову[3], духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона[4]»…

Г о р о д н и ч и й. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, ещё даже и спасибо получал; авось Бог вынесет и

---

[1] *Васи́лий Египтя́нин* — имя выдуманного Гоголем «святого». Праздники святых приходились на определённые дни года.

[2] Телесные наказания жён унтер-офицеров были запрещены.

[3] *Голова́ — городской голова* — выборное лицо, глава городского самоуправления.

[4] *Иоа́нн Масо́н* — английский религиозный писатель.

теперь. *(Обращаясь к Бобчинскому.)* Вы говорите, он молодой человек?

Б о б ч и н с к и й. Молодой, лет двадцати трёх или четырёх с небольшим.

Г о р о д н и ч и й. Тем лучше: молодого скорее пронюхаешь. Беда, если старый чёрт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно, для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Свистунов!

С в и с т у н о в. Что угодно?

Г о р о д н и ч и й. Ступай сейчас за частным приставом; или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда. <...>

Квартальный бежит впопыхах.

[Явление IV опущено.]

Явление V

Т е ж е и ч а с т н ы й п р и с т а в.

<...>

Г о р о д н и ч и й. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Ч а с т н ы й п р и с т а в. Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими[1] подчищать тротуар.

Г о р о д н и ч и й. А Держиморда где?

---

[1] *Деся́тский* — служитель при полиции; выбирался из городских жителей (от каждых десяти домов).

Ч а с т н ы й п р и с т а в. Держиморда поехал на пожарной трубе[1]. <...>

Г о р о д н и ч и й. Послушайте ж, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную веху, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельность градоправителя. Ах, боже мой! Я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город: только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — чёрт их знает откудова и нанесут всякой дряни! *(Вздыхает.)* Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу[2]: довольны ли? — чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие»; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, ох! Грешен, во многом грешен. *(Берёт вместо шляпы футляр.)* Дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой ещё никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О боже мой, боже мой! Едем, Пётр Иванович! *(Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.)*

Ч а с т н ы й п р и с т а в. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Г о р о д н и ч и й *(бросает её)*. Коробка так коробка. Чёрт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на

---

[1] *Пожа́рная труба́* — пожарная машина, главную часть которой составляла «заливная» труба, т. е. насос.

[2] *Слу́жба* — здесь: солдаты и низшие полицейские чины.

которую назад тому пять лет была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами: и правому, и виноватому. Едем, едем, Пётр Иванович! *(Уходит и возвращается.)* Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниза[1] наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Все уходят.

[Явление VI опущено.]

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щётка и прочее.

Явление I

О с и п лежит на барской постели.

Чёрт побери, есть так хочется, и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошёл, как уже из Питера! Профинтил[2] дорогою денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы и очень бы стало на прогоны[3]:

---

[1] *Гарни́за* — гарнизонные солдаты.

[2] *Профинти́ть* (разг.) — растратить зря.

[3] *Прого́ны* — плата за проезд на почтовых лошадях.

нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! *(Дразнит его.)* «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка[1] простой! С проезжающими знакомится, а потом в картишки — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмёшь себе бабу, да и лежи весь век на полатях, да ешь пироги. Ну, кто ж спорит: конечно, если пойдёт на правду, так житьё в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная[2]: кеятры[3], собаки тебе танцуют, и всё, что хочешь. Разговаривают все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдёшь на Щукин[4] — купцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер[5] расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони всё видишь. Старуха-офицерша забредёт; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! *(Усмехается и трясёт головою.)* Галантерейное[6],

---

[1] *Елистра́тишка* — искажённое *регистратор*. Имеется в виду коллежский регистратор — низший гражданский чин в царской России (XIV класса).

[2] *Полити́чный* (простореч.) — вежливый, обходительный.

[3] *Кея́тр* — искажённое *теа́тр*.

[4] *Щу́кин* — здесь: Щукин двор — один из рынков в Петербурге XIX века.

[5] *Кавале́р* — здесь: бывалый солдат.

[6] *Галантере́йный* (разг.) — галантный, любезный, вежливый.

чёрт возьми, обхождение! Невежливого слова никогда не услышишь; всякой тебе говорит «вы». Наскучило идти — берёшь извозчика и сидишь себе, как барин; а не хочешь заплатить ему, — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнёшь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А всё он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлёт денежки; чем бы их попридержать — и куды!.. пошёл кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеятр билет, а там через неделю, глядь — и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз всё до последней рубашки спустит, так что на нём всего останется сертучишка да шинелишка... Ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое[1]! Рублёв полтораста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего — нипочём идут. А отчего? Оттого, что делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идёт гулять по прешпекту[2], в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почёсывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну а коли не заплатим? *(Со вздохом.)* Ах, боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится; верно, это он идёт. *(Поспешно схватывается с постели.)*

---

[1] *А́глицкий* — искажённое *английский*.

[2] *Прешпе́кт* — большая широкая улица в городе, проспект.

Явление II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это. *(Отдаёт фуражку и тросточку.)* А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врёшь, валялся; видишь, вся склочена!

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков *(ходит по комнате)*. Посмотри там в картузе[1] — табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку? Вы четвёртого дня последнее выкурили.

Хлестаков *(ходит и разнообразно сжимает свои губы; наконец говорит громким и решительным голосом)*. Послушай... Эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков *(громким, но не столь решительным голосом)*. Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков *(голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе)*. Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак!

Осип. Да так; всё равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

---

[1] *Карту́з* — здесь: бумажный мешок для табака.

Х л е с т а к о в. Как он смеет не дать? Вот ещё вздор!

О с и п. «Ещё, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не плотит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой — плут. Мы-де, говорит, этаких шерамыжников[1] и подлецов видали».

Х л е с т а к о в. А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне всё это.

О с и п. Говорит: «Этак всякий приедет, обживётся, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобою, чтоб на съезжую[2] да в тюрьму».

Х л е с т а к о в. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

О с и п. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Х л е с т а к о в. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

О с и п. Да, право, сударь...

Х л е с т а к о в. Ну, ступай, чёрт с тобой! Позови хозяина.

О с и п уходит.

Явление III

Х л е с т а к о в один.

Ужасно как хочется есть! Так немножко прошёлся, думал, не пройдёт ли аппетит, — нет, чёрт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня: штосы удивительно,

---

[1] *Шерамы́жник* (правильно: *шаромы́жник*) — человек, живущий за чужой счёт.

[2] *Съе́зжая* — помещение при полиции для арестованных.

бестия, срезывает[1]. Всего каких-нибудь четверть часа посидел — и всё обобрал. А при всём том страх хотелось бы с ним ещё раз сразиться. Случай только не привёл. Какой скверный городишко! В овощенных лавках[2] ничего не дают в долг. Это уж просто подло. *(Насвистывает сначала из «Роберта»[3], потом «Не шей ты мне, матушка», а наконец ни сё ни то.)* Никто не хочет идти.

Явление IV

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.

С л у г а. Хозяин приказал спросить, что вам угодно?

Х л е с т а к о в. Здравствуй, братец! Ну что ты, здоров?

С л у г а. Слава Богу.

Х л е с т а к о в. Ну что, как у вас в гостинице? Хорошо ли всё идёт?

С л у г а. Да, слава Богу, всё хорошо.

Х л е с т а к о в. Много проезжающих?

С л у г а. Да, достаточно.

Х л е с т а к о в. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, — видишь, мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

С л у г а. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

---

[1] *Што́сы сре́зывать* — выигрывать в карты (*штос* — азартная карточная игра).

[2] *Овоще́нная ла́вка* — мелочная лавка.

[3] *«Ро́берт-Дья́вол»* — название оперы французского композитора Дж. Мейербера (1831 год).

Х л е с т а к о в. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? Ведь мне нужно есть. Этак могу я совсем отощать. Мне очень есть хочется, я не шутя это говорю.

С л у г а. Так-с. Он говорил: «Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее». Таков уж ответ его был.

Х л е с т а к о в. Да ты урезонь, уговори его.

С л у г а. Да что ж ему такое говорить?

Х л е с т а к о в. Ты растолкуй ему серьёзно, что мне нужно есть. Деньги само собою... Он думает, что, как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

С л у г а. Пожалуй, я скажу.

Явление V

Х л е с т а к о в один.

Это скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как ещё никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме. Жаль, что Иохим[1] не дал напрокат кареты, а хорошо бы, чёрт побери, приехать домой в карете, подкатить этаким чёртом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади одеть в ливрею[2]. Как бы, я воображаю, все переполошились: «Кто такой, что такое?»

---

[1] *Ио́хим* (правильно: *Ио́ахим*) — известный в Петербурге каретный мастер и домовладелец.

[2] *Ливре́я* — форменная парадная одежда для лакеев, швейцаров и кучеров.

А лакей входит *(вытягиваясь и представляя лакея)*: «Иван Александрович Хлестаков, из Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи[1], и не знают, что такое значит «прикажете принять». К ним если приедет какой-нибудь гусь-помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдёшь: «Сударыня, как я...» *(Потирает руки и подшаркивает ножкой.)* Тьфу! *(плюёт)* даже тошнит, так есть хочется.

[Явления VI—VII опущены.]

Явление VIII

Хлестаков, Городничий и Добчинский.

Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий *(немного оправившись и протянув руки по швам)*. Желаю здравствовать!

Хлестаков *(кланяется)*. Моё почтение...

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего...

Городничий. Обязанность моя как градоначальника здешнего города — заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков *(сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко)*. Да что ж делать?.. Я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

---

[1] *Пентю́х* (простореч.) — неуклюжий, грубоватый человек.

Он больше виноват: говядину мне подаёт такую твёрдую, как бревно; а суп — он чёрт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морит голодом по целым дням... Чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Г о р о д н и ч и й *(робея)*. Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берёт такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Х л е с т а к о в. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть — в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?.. Да вот я... Я служу в Петербурге. *(Бодрится.)* Я, я, я...

Г о р о д н и ч и й *(в сторону)*. О, господи ты боже, какой сердитый! Всё узнал, всё рассказали проклятые купцы!

Х л е с т а к о в *(храбрясь)*. Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду. Я прямо к министру! *(Стучит кулаками по столу.)* Что вы? Что вы?

Г о р о д н и ч и й *(вытянувшись и дрожа всем телом)*. Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... Не сделайте несчастным человеком.

Х л е с т а к о в. Нет, я не хочу! Вот ещё! Мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Б о б ч и н с к и й выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Г о р о д н и ч и й *(дрожа)*. По неопытности, ей-богу, по неопытности. Недостаточность состояния… Сами извольте посудить. Казённого жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу, клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Х л е с т а к о в. Да что? Мне нет никакого дела до них. *(В размышлении.)* Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове… Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко… Вот ещё! Смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Г о р о д н и ч и й *(в сторону)*. О, тонкая штука! Эк куда метнул! Какого туману напустил! Разбери, кто хочет! Не знаешь, с какой стороны и приняться. Ну да уж попробовать, не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. *(Вслух.)* Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чём другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Х л е с т а к о в. Дайте, дайте мне взаймы! Я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Г о р о д н и ч и й *(поднося бумажки)*. Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Х л е с т а к о в *(принимая деньги)*. Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни…

У меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Г о р о д н и ч и й *(в сторону)*. Ну, слава богу! Деньги взял. Дело, кажется, пойдёт теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста ввернул.

Х л е с т а к о в. Эй, Осип!

О с и п входит.

Позови сюда трактирного слугу! *(К городничему и Добчинскому.)* А что ж вы стоите? Сделайте милость, садитесь. *(Добчинскому.)* Садитесь, прошу покорнейше.

Г о р о д н и ч и й. Ничего, мы и так постоим.

Х л е с т а к о в. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... *(Добчинскому.)* Садитесь!

Городничий и Добчинский садятся.

Б о б ч и н с к и й выглядывает в дверь и прислушивается.

Г о р о д н и ч и й *(в сторону)*. Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы[1]: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. *(Вслух.)* Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, ещё по христианскому человеколюбию хочу, чтоб

[1] *Туру́сы* — выдумка, враньё.

всякому смертному оказывался хороший приём, — и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Х л е с т а к о в. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Г о р о д н и ч и й *(в сторону)*. Да, рассказывай! Не знал, чем заплатить! *(Вслух.)* Осмелюсь ли спросить: куда и в какие места ехать изволите?

Х л е с т а к о в. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Г о р о д н и ч и й *(в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение)*. В Саратовскую губернию! А? И не покраснеет! О, да с ним нужно ухо востро! *(Вслух.)* Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчёт задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлеченье для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Х л е с т а к о в. Нет, батюшка меня требует; рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал, да сейчас тебе Владимира в петлицу[1] и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Г о р о д н и ч и й *(в сторону)*. Прошу посмотреть, какие пули отливает! И старика-отца приплёл! *(Вслух.)* И на долгое время изволите ехать?

Х л е с т а к о в. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь

[1] *Влади́мир в петли́це* — орден Владимира четвёртой степени, который носили на груди.

с мужиками? Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Г о р о д н и ч и й *(в сторону)*. Славно завязал узелок! Врёт, врёт — и нигде не оборвётся. А ведь какой невзрачный, низенький, кажется, ногтем бы придавил его. Ну да постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! *(Вслух.)* Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для Отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно ещё когда будет. *(Оки-дывает глазами комнату.)* Кажется, эта комната несколько сыра?

Х л е с т а к о в. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки, кусают.

Г о р о д н и ч и й. Скажите! Такой просвещённый гость и терпит — от кого же? — от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Х л е с т а к о в. Да, совсем темно, хозяин завёл обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придёт фантазия сочинить что-нибудь, — не могу: темно, темно.

Г о р о д н и ч и й. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я недостоин.

Х л е с т а к о в. А что?

Г о р о д н и ч и й. Нет, нет! Недостоин, недостоин!

Х л е с т а к о в. Да что ж такое?

Г о р о д н и ч и й. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь. Ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием, мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уж такой нрав: гостеприимство с самого детства; особливо если гость — просвещённый человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести. Нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже — я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уваженье, уваженье и преданность.

[Явления IX—X опущены.]

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната первого действия.

[Явления I—IV опущены.]

Явление V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу. Городничий указывает квартальным на полу бумажку — они бегут и снимают её, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим всё в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше

заботятся о своей, то есть, пользе. А здесь, можно сказать, нет другого помышления[1], кроме того, чтобы благочинием[2] и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живёшь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович *(подбегая)*. Лабардан-с[3].

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? В больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? Там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше, а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство — может быть, вам покажется даже невероятным, — все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком. <...>

Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

---

[1] *Помышле́ние* — мнение, замысел.

[2] *Благочи́ние* — здесь: соблюдение приличий, порядка.

[3] *Лабарда́н* — свежепросоленная треска.

Г о р о д н и ч и й *(в сторону)*. Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! *(Вслух.)* Боже сохрани! Здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно, и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападает, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними! Как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Л у к а Л у к и ч *(в сторону)*. А у меня, подлец, выпонтировал[1] вчера сто рублей.

Г о р о д н и ч и й. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Х л е с т а к о в. Ну нет, вы напрасно, однако же... Всё зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь[2] тогда, как нужно гнуть от трёх углов[3]... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

Явление VI

Т е ж е, А н н а А н д р е е в н а и М а р ь я А н т о н о в н а.

Г о р о д н и ч и й. Осмелюсь представить семейство моё: жена и дочь.

---

[1] *Вы́понтировать* — выиграть в карточной игре.

[2] *Забастова́ть* — здесь: перестать увеличивать ставку в игре в «банк» (карточная игра).

[3] *Гнуть от трёх углов* — втрое увеличивать ставку в карточной игре.

Х л е с т а к о в *(раскланиваясь)*. Как я счастлив, сударыня, что имею в своём роде удовольствие вас видеть.

А н н а А н д р е е в н а. Нам ещё более приятно видеть такую особу.

Х л е с т а к о в *(рисуясь)*. Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне ещё приятнее.

А н н а А н д р е е в н а. Как можно-с! Вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Х л е с т а к о в. Возле вас стоять уже есть счастие; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

А н н а А н д р е е в н а. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счёт… Я думаю, вам после столицы вояжировка[1] показалась очень неприятною.

Х л е с т а к о в. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, comprenez vous[2], в свете и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества… Если б, признаюсь, не такой случай, который меня… *(посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней)* так вознаградил за всё…

А н н а А н д р е е в н а. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Х л е с т а к о в. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

А н н а А н д р е е в н а. Как можно-с! Вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Х л е с т а к о в. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

А н н а А н д р е е в н а. Я живу в деревне…

---

[1] *Вояжиро́вка* — путешествие.

[2] Понимаете ли (франц.).

Х л е с т а к о в. Да, деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! Что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент[1], с тем только, чтобы сказать: «Это вот так, это вот так!» А там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только — тр, тр... пошёл писать. Хотели было даже меня коллежским асессором[2] сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит ещё на лестнице за мною со щёткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». *(Городничему.)* Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Вместе
Г о р о д н и ч и й. Чин такой, что ещё можно постоять.
А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Мы постоим.
Л у к а Л у к и ч. Не извольте беспокоиться!
Х л е с т а к о в. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Я не люблю церемоний. Напротив, я даже стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идёт!» А один раз меня приняли даже за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьём. После уж офицер, который мне

---

[1] *Департа́мент* — отдел министерства.

[2] *Колле́жский асе́ссор* — гражданский чин VIII класса (всех было 14).

очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

А н н а А н д р е е в н а. Скажите как!

Х л е с т а к о в. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики[1]... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то всё...» Большой оригинал.

А н н а А н д р е е в н а. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Х л е с т а к о в. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений. «Женитьба Фигаро»[2], «Роберт-Дьявол», «Норма»[3]. Уж и названий даже не помню. И всё случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, всё написал, всех изумил. У меня лёгкость необыкновенная в мыслях. Всё это, что было под именем барона Брамбеуса[4], «Фрегат Надежды»[5] и «Московский телеграф»[6]... всё это я написал.

---

[1] *Водеви́ль* — небольшая комическая пьеса с пением куплетов.

[2] *«Жени́тьба Фигаро́»* — комедия французского драматурга П. Бомарше.

[3] *«Но́рма»* — опера итальянского композитора В. Беллини.

[4] *Баро́н Брамбе́ус* — псевдоним русского журналиста О. И. Сенковского.

[5] *«Фрега́т “Наде́жда”»* — повесть Марлинского (А. А. Бестужева).

[6] *«Моско́вский телегра́ф»* — журнал, издававшийся в 1825—1834 годах.

А н н а А н д р е е в н а. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Х л е с т а к о в. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин[1] даёт за это сорок тысяч.

А н н а А н д р е е в н а. Так, верно, и «Юрий Милославский»[2] — ваше сочинение?

Х л е с т а к о в. Да, это моё сочинение.

А н н а А н д р е е в н а. Я сейчас догадалась.

М а р ь я А н т о н о в н а. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

А н н а А н д р е е в н а. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Х л е с т а к о в. Ах да, это правда: это точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

А н н а А н д р е е в н а. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Х л е с т а к о в. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. *(Обращаясь ко всем.)* Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

А н н а А н д р е е в н а. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы!

Х л е с т а к о в. Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа, откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у

---

[1] *А. Ф. Смирди́н* — известный петербургский книгопродавец и издатель.

[2] *«Юрий Милосла́вский»* — роман М. Н. Загоскина.

нас и вист[1] свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвёртый этаж, скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...» Что ж я вру — я и позабыл, что живу в бельэтаже[2]. У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я ещё не проснулся: графы и князья толкутся и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Городничий и прочие с робостью встают со своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «Ваше превосходительство»[3]. Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал — куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь — просто чёрт возьми! После, видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... Можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? Я спрашиваю? «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате, хотел отказаться, но думаю: дойдёт до государя, ну да и послужной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю

---

[1] *Вист* — карточная игра между четырьмя партнёрами.

[2] *Бельэта́ж* — средний и лучший ярус в доме, в театре (этаж).

[3] *Ва́ше превосходи́тельство* — обращение в царской России к высшим чинам.

должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни! Уж у меня ухо востро! Уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент — просто землетрясение, всё дрожит и трясётся, как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха, Хлестаков горячится сильнее.

О! Я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам Государственный совет[1] боится. Да что в самом деле? Я такой! Я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам». Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлёпается на пол, но с почтеньем поддерживается чиновниками.)*

Городничий *(подходя и трясясь всем телом, силится выговорить)*. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(быстрым отрывистым голосом)*. Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(таким же голосом)*. Не разберу ничего, всё вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. Вот и комната, и всё, что нужно.

Хлестаков. Вздор — отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... Я доволен, я доволен. *(С декламацией.)* Лабардан! Лабардан! *(Входит в боковую комнату, за ним — городничий.)*

[Явление VII опущено.]

---

[1] *Госуда́рственный сове́т* — высший законосовещательный орган в России XIX века.

Явление VIII

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ах, какой приятный!

Марья Антоновна. Ах, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! Сейчас можно увидеть столичную штучку. Приёмы и всё это такое… Ах, как хорошо! Я страх люблю таких молодых людей! Я просто без памяти. Я, однако ж, ему очень понравилась: я заметила — всё на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маменька, он на меня глядел!

Анна Андреевна. Пожалуйста, со своим вздором подальше! Это здесь вовсе неуместно. <…>

Явление IX

Те же и городничий.

Городничий *(входит на цыпочках)*. Чш… ш…

Анна Андреевна. Что?

Городничий. И не рад, что напоил. Ну что, если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? *(Задумывается.)* Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек всё несёт наружу: что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного. Да ведь, не прилгнувши, не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит… Так вот, право, чем больше думаешь… Чёрт его знает, не знаешь, что и делается в голове; просто как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

А н н а А н д р е е в н а. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видела в нём образованного, светского, высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Г о р о д н и ч и й. Ну уж вы — женщины! Всё кончено, одного этого слова достаточно! Вам всё — финтифлюшки! Вдруг брякнут ни из того, ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

А н н а А н д р е е в н а. Об этом я уж советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое... *(Посматривает на дочь.)*

Г о р о д н и ч и й *(один)*. Ну уж с вами говорить!.. Эка, в самом деле, оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. *(Отворяет дверь и говорит в дверь.)* Мишка! Позови квартальных Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. *(После небольшого молчания.)* Чудно всё завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенький, тоненький — как его узнаешь, кто он! Ещё военный всё-таки кажет из себя, а как наденет фрачишку — ну точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давеча в трактире, заламливал такие аллегории и екивоки, что, кажись, век бы не добился толку. А вот наконец и подался. Да ещё и наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой.

[Явления X—XI опущены.]

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Та же комната в доме городничего.

[Явление I опущено.]

Явление II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин? Даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что ещё можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится такая жизнь.

Явление III

Хлестаков и Аммос Фёдорович.

Аммос Фёдорович *(входя и останавливаясь, про себя)*. Боже, Боже! Вынеси благополучно; так вот коленки и ломает. *(Вслух, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.)* Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский асессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Фёдорович. С восемьсот шестнадцатого был избран на трёхлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Х л е с т а к о в. А выгодно, однако же, быть судьёю?

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. За три трёхлетия представлен к Владимиру четвёртой степени с одобрения со стороны начальства. *(В сторону.)* А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Х л е с т а к о в. А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени[1] уже не так.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч *(высовывая понемногу вперёд сжатый кулак. В сторону)*. Господи боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Х л е с т а к о в. Что это у вас в руке?

А м м о с Ф ё д о р о в и ч *(потерявшись и роняя на пол ассигнации)*. Ничего-с.

Х л е с т а к о в. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч *(дрожа всем телом)*. Никак нет-с. *(В сторону.)* О боже! Вот уж я и под судом! И тележку подвезли схватить меня!

Х л е с т а к о в *(подымая)*. Да, это деньги.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч *(в сторону)*. Ну, всё кончено — пропал! Пропал!

Х л е с т а к о в. Знаете ли что? Дайте их мне взаймы.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч *(поспешно)*. Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. *(В сторону.)* Ну, смелее, смелее! Вывози, пресвятая матерь!

Х л е с т а к о в. Я, знаете, в дороге издержался: то да сё... Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

---

[1] *Анна третьей сте́пени* — низшая степень ордена святой Анны. Орден Владимира четвёртой степени был значительно выше ордена Анны третьей степени.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Помилуйте! Как можно! И без того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... Постараюсь заслужить... *(Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.)* Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Х л е с т а к о в. Какого приказанья?

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Х л е с т а к о в. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нём надобности.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч *(раскланиваясь и уходя, в сторону)*. Ну, город наш!

Х л е с т а к о в *(по уходе его)*. Судья — хороший человек!

Явление IV

Х л е с т а к о в и п о ч т м е й с т е р, входит вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

П о ч т м е й с т е р. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник Шпекин.

Х л е с т а к о в. А, милости просим! Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Ведь вы здесь всегда живёте?

П о ч т м е й с т е р. Так точно-с.

Х л е с т а к о в. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно — ну что ж! Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

П о ч т м е й с т е р. Совершенная правда.

Х л е с т а к о в. Ведь это только в столице бонтон[1] и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

П о ч т м е й с т е р. Так точно-с. *(В сторону.)* А он, однако ж, ничуть не горд: обо всём расспрашивает.

Х л е с т а к о в. А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо?

П о ч т м е й с т е р. Так точно-с.

Х л е с т а к о в. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно, не правда ли?

П о ч т м е й с т е р. Совершенно справедливо.

Х л е с т а к о в. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. *(Глядя в глаза ему, говорит про себя.)* А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы! *(Вслух.)* Какой странный со мной случай: в дороге совершенно издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

П о ч т м е й с т е р. Почему же? Почту за величайшее счастие. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Х л е с т а к о в. Очень благодарен. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

П о ч т м е й с т е р. Так точно-с. *(Встаёт, вытягивается и придерживает шпагу.)* Не смею долее беспокоить своим присутствием… Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Х л е с т а к о в. Нет, ничего.

П о ч т м е й с т е р раскланивается и уходит.

---

[1] *Хороший тон* (от франц. *bonton*).

(Раскуривая сигарку.) Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек; по крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей.

Явление V

[К Хлестакову приходит смотритель училищ, титулярный советник[1] Лука Лукич Хлопов, которого почти выталкивают из дверей. Он не сумел поддержать разговор, одолжил Хлестакову 300 рублей и с надеждой, что в училище не заглянут, ушел.]

Явление VI

Хлестаков и Артемий Филиппович, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! Помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу Отечеству.

Хлестаков. Я — признаюсь, это моя слабость — люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. *(Помолчав.)* Могу сказать, что не жалею ничего

[1] *Титуля́рный сове́тник* — гражданский чин IX класса.

и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе со своим стулом и говорит вполголоса.)* Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются… Извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, если признаться перед вами, — конечно, для пользы Отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, — поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть; и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж, и сидит у жены его, я присягнуть готов… и нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского; но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста! А я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища. Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность: он хуже, чем якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я всё это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное… Как ваша фамилия? Я всё позабываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да! Земляника. И что же, скажите, пожалуйста, есть у вас детки?

Артемий Филиппович. Как же-с! Пятеро; двое уже взрослых.

Х л е с т а к о в. Скажите, взрослых! А как они... Как они того?..

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. То есть, не изволите ли вы спрашивать, как их зовут? <...> Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Х л е с т а к о в. Это хорошо.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать времени, определённого на священные обязанности... *(Раскланивается, с тем чтобы уйти.)*

Х л е с т а к о в *(провожая)*. Нет, ничего. Это всё смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время... Я это очень люблю. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.)* Эй вы! Как вас! Я всё позабываю, как ваше имя и отчество.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Артемий Филиппович.

Х л е с т а к о в. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег взаймы рублей четыреста?

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Есть.

Х л е с т а к о в. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

Явление VII

Х л е с т а к о в, Б о б ч и н с к и й и Д о б ч и н с к и й.

Б о б ч и н с к и й. Имею честь представиться: житель здешнего города, Пётр Иванов сын Бобчинский.

Д о б ч и н с к и й. Помещик Пётр Иванов сын Добчинский.

Х л е с т а к о в. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали? Что, как ваш нос?

Б о б ч и н с к и й. Слава богу! Не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Х л е с т а к о в. Хорошо, что присох. Я рад... *(Вдруг и отрывисто.)* Денег нет у вас?

Б о б ч и н с к и й. Денег? Как денег?

Х л е с т а к о в. Взаймы рублей тысячу.

Б о б ч и н с к и й. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Пётр Иванович?

Д о б ч и н с к и й. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения[1].

Х л е с т а к о в. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Б о б ч и н с к и й *(шаря в карманах)*. У вас, Пётр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Д о б ч и н с к и й *(смотря в бумажник)*. Двадцать пять рублей всего.

Б о б ч и н с к и й. Да вы поищите-ка получше, Пётр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха[2], так в прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Д о б ч и н с к и й. Нет, право, и в прорехе нет.

Х л е с т а к о в. Ну всё равно... Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей... это всё равно. *(Принимает деньги.)*

Д о б ч и н с к и й. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Х л е с т а к о в. А что это?

---

[1] *Прика́з обще́ственного призре́ния* — учреждение, ведавшее больницами, приютами, а также производившее некоторые денежные операции.

[2] *Проре́ха* — дыра на одежде.

Д о б ч и н с к и й. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рождён мною ещё до брака...

Х л е с т а к о в. Да?

Д о б ч и н с к и й. То есть, оно так только говорится, а рождён мною так совершенно, как бы и в браке, и всё это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтобы он теперь уже был совсем, то есть, законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Х л е с т а к о в. Хорошо, пусть называется! Это можно.

Д о б ч и н с к и й. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчёт способностей. Мальчишка-то этакой... большие надежды подаёт: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадёт ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки[1] так искусно, как фокусник-с. Вот и Пётр Иванович знает.

Б о б ч и н с к и й. Да, большие способности имеет.

Х л е с т а к о в. Хорошо, хорошо: я об этом постараюсь, я буду говорить... Я надеюсь... всё это будет сделано, да, да... *(Обращаясь к Бобчинскому.)* Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Б о б ч и н с к и й. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Х л е с т а к о в. А что, о чём?

Б о б ч и н с к и й. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, или превосходительство, живёт в таком-то городе Пётр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живёт Пётр Иванович Бобчинский.

---

[1] *Дро́жечки* — от *дро́жки* — лёгкий открытый экипаж.

Х л е с т а к о в. Очень хорошо.

Б о б ч и н с к и й. Да если этак и государю придётся, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живёт Пётр Иванович Бобчинский.

Х л е с т а к о в. Очень хорошо.

Д о б ч и н с к и й. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Б о б ч и н с к и й. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Х л е с т а к о в. Ничего, ничего! Мне очень приятно. *(Выпроваживает их.)*

Явление VIII

Х л е с т а к о в один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачьё! Напишу-ка я обо всём в Петербург к Тряпичкину: он пописывает статейки, пусть-ка он их общёлкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

О с и п выглянул из дверей, произнёсши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадёт на зубок, — берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста. Это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот, какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот!.. Ого! За тысячу перевалило... Ну-ка, теперь, капитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь. Посмотрим, кто кого!

Явление IX

Х л е с т а к о в и О с и п с чернилами и бумагою.

Х л е с т а к о в. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? *(Начинает писать.)*

О с и п. Да, слава богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Х л е с т а к о в. А что?

О с и п. Уезжайте отсюда! Ей-богу, уже пора.

Х л е с т а к о в *(пишет)*. Вот вздор! Зачем?

О с и п. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька — ну и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! Не ровен час: какой-нибудь другой наедет... Ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные — так бы закатили!..

Х л е с т а к о в *(пишет)*. Нет, мне ещё хочется пожить здесь. Пусть завтра.

О с и п. Да что завтра! Ей-богу, поедем, Иван Александрович! Оно хоть и большая честь вам, да всё, знаете, лучше уехать скорее: ведь вас, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будет гневаться, что так замешкались. Так бы, право, закатили славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Х л е с т а к о в *(пишет)*. Ну хорошо. Отнеси только наперёд это письмо; пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтобы лошади хорошие были! Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря[1], катили и песни бы пели!.. *(Продолжает писать.)* Воображаю, Тряпичкин умрёт со смеху... <...>

В это время слышен голос Держиморды: «Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено пускать».

---

[1] *Фельдъе́герь* — правительственный или военный курьер.

(Даёт Осипу письмо.) На, отнеси.

Голоса купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Пошёл, пошёл! Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Хлестаков. Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

Осип *(глядя в окно)*. Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами: верно, вас хотят видеть.

Хлестаков *(подходя к окну)*. А что вы, любезные?

Голоса купцов. К твоей милости прибегаем. Прикажите, государь, просьбу принять.

Хлестаков. Впустите их, впустите! Пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут.

Осип уходит.

(Принимает из окна просьбы, развёртывает одну из них и читает.) «Его высокоблагородному светлости господину финансову от купца Абдулина...» Чёрт знает что: и чина такого нет!

Явление X

Хлестаков и купцы с кузовом[1] вина и сахарными головами.

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьём вашей милости.

Хлестаков. А что вам угодно?

---

[1] *Ку́зов* — короб из лыка или бересты. Здесь имеется в виду, что в него вставлялась бутыль.

К у п ц ы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну.

Х л е с т а к о в. От кого?

О д и н и з к у п ц о в. Да всё от городничего здешнего. Такого городничего никогда ещё, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: «Ах ты, татарин!» Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего этого мало — ей-ей! Придёт в лавку и, что ни попадёт, всё берёт. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мне». Ну и несёшь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Х л е с т а к о в. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

К у п ц ы. Ей-богу! Такого никто не запомнит городничего. Так всё и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берёт: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец[1] не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона[2], и уж, кажись, всего нанесёшь, ни в чём не нуждается. Нет, ему ещё подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? И на Онуфрия несёшь.

---

[1] *Сиде́лец* (устар.) — приказчик в магазине, лавке.

[2] У православных и католиков: личный праздник когонибудь в день, в который церковь отмечает память одноимённого святого (имя городничего — Антон Антонович).

Х л е с т а к о в. Да это просто разбойник!

К у п ц ы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведёт к тебе в дом целый полк на постой. А если что, велит запереть двери. «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селёдки!»

Х л е с т а к о в. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

К у п ц ы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его — всё будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью: кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Х л е с т а к о в. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот если бы вы, например, предложили мне взаймы рублей триста — ну тогда совсем другое дело: взаймы я могу взять.

К у п ц ы. Изволь, отец наш! *(Вынимают деньги.)* Да что триста! Уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Х л е с т а к о в. Извольте: взаймы — я ни слова, я возьму.

К у п ц ы *(подносят ему на серебряном подносе деньги)*. Уж, пожалуйста, и подносик вместе возьмите.

Х л е с т а к о в. Ну и подносик можно.

К у п ц ы *(кланяясь)*. Так уж возьмите одним разом и сахарцу.

Х л е с т а к о в. О нет, я взяток никаких...

О с и п. Ваше высокоблагородие! Зачем вы не берёте? Возьмите! В дороге всё пригодится. Давай сюды головы и кулёк! Подавай всё! Всё пойдёт впрок. Что там? Верёвочка? Давай и верёвочку — и

верёвочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

К у п ц ы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство. Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Х л е с т а к о в. Непременно, непременно! Я постараюсь.

К у п ц ы уходят.

Слышен голос женщины: «Нет, ты не смеешь не допустить меня!
Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!»

Кто там? *(Подходит к окну.)* А, что ты, матушка?

Г о л о с а д в у х ж е н щ и н. Милости твоей, отец, прошу! Повели, государь, выслушать!

Х л е с т а к о в *(в окно)*. Пропустить её.

Явление XI

[К Хлестакову приходят слесарша Февронья Петровна Пошлёпкина и унтер-офицерша Иванова, которые жалуются на городничего: по его приказу отправлен в солдаты муж слесарши, а унтер-офицершу высекли розгами.]

Х л е с т а к о в. Да кто там ещё! *(Подходит к окну.)* Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! *(Отходя.)* Надоели, чёрт возьми! Не впускай, Осип!

О с и п *(кричит в окно)*. Пошли, пошли! Не время, завтра приходите! <...>

[Явления XII—XIV опущены.]

[Хлестаков объясняется в любви сначала Марье Антоновне, затем Анне Андреевне. Дочь застаёт Хлестакова на коленях перед матерью в момент объяснения, тот выкручивается — просит руки Марьи Антоновны.]

Явление XV

Т е ж е и г о р о д н и ч и й впопыхах.

Г о р о д н и ч и й. Ваше превосходительство! Не погубите! Не погубите!

Х л е с т а к о в. Что с вами?

Г о р о д н и ч и й. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я её высек; она врёт, ей-богу, врёт. Она сама себя высекла.

Х л е с т а к о в. Провались унтер-офицерша — мне не до неё.

Г о р о д н и ч и й. Не верьте, не верьте! Это такие лгуны... им вот эдакой ребёнок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчёт мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

А н н а А н д р е е в н а. Знаешь ли ты, какой чести удостаивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Г о р о д н и ч и й. Куда! Куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство: она немного с придурью, такова же была и мать её.

Х л е с т а к о в. Да, я точно прошу руки. Я влюблён.

Г о р о д н и ч и й. Не могу верить, ваше превосходительство!

А н н а А н д р е е в н а. Да когда говорят тебе?

Х л е с т а к о в. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Г о р о д н и ч и й. Не смею верить, недостоин такой чести.

Х л е с т а к о в. Да. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я чёрт знает что готов...

Г о р о д н и ч и й. Не могу верить: изволите шутить, ваше превосходительство!

А н н а А н д р е е в н а. Ах, какой чурбан, в самом деле! Ну, когда тебе толкуют.

Г о р о д н и ч и й. Не могу верить!

Х л е с т а к о в. Отдайте, отдайте! Я отчаянный человек, я решусь на всё: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Г о р о д н и ч и й. Ах, боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом. Не извольте гневаться! Извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким ещё никогда не бывал.

А н н а А н д р е е в н а. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Г о р о д н и ч и й. Да благословит вас Бог, а я не виноват!

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной.
Городничий смотрит на них.

Что за чёрт! В самом деле! *(Протирает глаза.)* Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених. *(Вскрикивает, подпрыгивая от радости.)* Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Вона как дело-то пошло.

Явление XVI

Т е ж е и О с и п.

О с и п. Лошади готовы.

Х л е с т а к о в. А, хорошо... я сейчас.

Г о р о д н и ч и й. Как-с? Изволите ехать?

Х л е с т а к о в. Да, еду.

Г о р о д н и ч и й. А когда же, то есть… вы изволили сами намекнуть насчёт, кажется, свадьбы?

Х л е с т а к о в. А это… На одну минуту только… на один день к дяде — богатый старик; а завтра же и назад.

Г о р о д н и ч и й. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Х л е с т а к о в. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя… нет, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! *(Целует её ручку.)*

Г о р о д н и ч и й. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Х л е с т а к о в. О нет, к чему это? *(Немного подумав.)* А впрочем, пожалуй.

Г о р о д н и ч и й. Сколько угодно вам?

Х л е с т а к о в. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста: я не хочу воспользоваться вашею ошибкою, — так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Г о р о д н и ч и й. Сейчас! *(Вынимает из бумажника.)* Ещё, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Х л е с т а к о в. А, да! *(Берёт и рассматривает ассигнации.)* Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками?

Г о р о д н и ч и й. Так точно-с.

Х л е с т а к о в. Прощайте, Антон Антонович! Очень обязан за ваше гостеприимство. Я признаюсь от всего сердца: мне нигде не было такого хорошего приёма. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна!

Выходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же комната.

Явление I

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна? А? Думала ли ты что-нибудь об этом? Экой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось — просто из какой-нибудь городничихи и вдруг... фу ты, канальство!.. с каким дьяволом породнилась!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек, никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна, какие мы с тобой теперь птицы сделались! А, Анна Андреевна? Высокого полёта, чёрт побери! Постой же, теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы! Эй, кто там?

Входит квартальный.

А, это ты, Иван Карпович! Призови-ка сюда, брат, купцов. Вот я их, каналий! Так жаловаться на меня? Вишь ты, проклятый иудейский народ! Постойте ж, голубчики! Прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дескать, какую честь Бог послал городничему —

что выдаёт дочь свою не то чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого, что и на свете ещё не было, что может всё сделать, всё, всё, всё! Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, чёрт возьми! Уж когда торжество, так торжество!

К в а р т а л ь н ы й уходит.

Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? Здесь или в Питере?

А н н а А н д р е е в н а. Натурально, в Петербурге. Как можно здесь оставаться!

Г о р о д н и ч и й. Ну, в Питере так в Питере; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь я думаю, уже городничество тогда к черту, а, Анна Андреевна?

А н н а А н д р е е в н а. Натурально, что за городничество!

Г о р о д н и ч и й. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата[1] со всеми министрами и во дворец ездит, так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

А н н а А н д р е е в н а. Ещё бы! Конечно, можно.

Г о р о д н и ч и й. А, чёрт возьми, славно быть генералом! Кавалерию[2] повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна: красную или голубую?

---

[1] *Запанибра́та* (разг.) — как с равным, слишком бесцеремонно.

[2] *Кавале́рия* — здесь: широкая орденская лента, которую носили через плечо при самых высоких орденах.

А н н а А н д р е е в н а. Уж, конечно, голубую лучше.

Г о р о д н и ч и й. Э? Вишь, чего захотела! Хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? Потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперёд: «Лошадей!» И там на станциях никому не дадут, всё дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь. Обедаешь где-нибудь у губернатора, а там — стой, городничий! Хе, хе, хе! *(Заливается и помирает со смеху.)* Вот что, канальство, заманчиво!

А н н а А н д р е е в н а. Тебе всё такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то что какой-нибудь судья-собачник, с которым ты ездишь травить зайцев, или Земляника; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Г о р о д н и ч и й. Что ж? Ведь слово не вредит.

А н н а А н д р е е в н а. Да хорошо, когда ты был городничим; а там ведь жизнь совершенно другая. <...> Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и чтоб у меня в комнате такое было амбре[1], чтоб нельзя было войти и нужно бы только этак зажмурить глаза. *(Зажмуривает глаза и нюхает.)* Ах, как хорошо!

---

[1] *Амбре́* — искажённое, *а́мбра* — благовонное вещество.

Явление II

Те же и купцы.

Городничий. А! Здорово, соколики!

Купцы *(кланяясь)*. Здравия желаем, батюшка!

Городничий. Что, голубчики, как поживаете? Как товар идёт ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувайлы мирские! Жаловаться? Что, много взяли? Вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

Анна Андреевна. Ах, боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничий *(с неудовольствием)*. А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? А? Что теперь скажете? Теперь я вас... у!.. обманываете народ... Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь её, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе ещё награду за это? <...>

Купцы *(кланяясь)*. Виноваты, Антон Антонович!

Городничий. Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это? Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также спровадить в Сибирь. Что скажешь? А?

Один из купцов. Богу виноваты, Антон Антонович. Лукавый попутал. И закаемся вперёд жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только!

Г о р о д н и ч и й. Не гневись! Вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? Оттого, что моё взяло, а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втоптал в самую грязь, ещё бы и бревном сверху навалил.

К у п ц ы *(кланяются в ноги)*. Не погуби, Антон Антонович!

Г о р о д н и ч и й. Не погуби! Теперь: не погуби! А прежде что? Я бы вас… *(Махнув рукой.)* Ну, да Бог простит! Полно! Я не памятозлобен; только теперь смотри держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина: чтоб поздравление было… понимаешь? Не то чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару… Ну, ступай с богом!

К у п ц ы уходят.

[Явления III—VI опущены.]

Явление VII

Т е ж е, ч а с т н ы й п р и с т а в и к в а р т а л ь н ы е.

Ч а с т н ы й п р и с т а в. Имею честь поздравить вас, ваше высокоблагородие, и пожелать благоденствия на многие лета!

Г о р о д н и ч и й. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа!

Гости усаживаются.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Но скажите, пожалуйста, Антон Антонович, каким образом всё это началось, постепенный ход всего дела.

Г о р о д н и ч и й. Ход дела чрезвычайный: изволил собственнолично сделать предложение.

А н н а А н д р е е в н а. Очень почтительным и самым тонким образом. Всё чрезвычайно хорошо говорил. Говорит: «Я, Анна Андреевна, из одного только уважения к вашим достоинствам...» И такой прекрасный, воспитанный человек, самых благороднейших правил! «Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь — копейка; я только потому, что уважаю ваши редкие качества».

М а р ь я А н т о н о в н а. Ах, маменька! Ведь это он мне говорил.

А н н а А н д р е е в н а. Перестань, ты ничего не знаешь и не в своё дело не мешайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь...» В таких лестных рассыпался словах... И когда я хотела сказать: «Мы никак не смеем надеяться на такую честь», — он вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: «Анна Андреевна, не сделайте меня несчастнейшим! Согласитесь отвечать моим чувствам, не то я смертью окончу жизнь свою».

М а р ь я А н т о н о в н а. Право, маменька, он обо мне это говорил.

А н н а А н д р е е в н а. Да, конечно... и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

Г о р о д н и ч и й. И так даже напугал: говорил, что застрелится. «Застрелюсь, застрелюсь!» — говорит.

М н о г и е и з г о с т е й. Скажите пожалуйста!

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Экая штука!

Л у к а Л у к и ч. Вот подлинно, судьба уж так вела.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Не судьба, батюшка, судьба — индейка: заслуги привели к тому. *(В сторону.)* Этакой свинье лезет всегда в рот счастье!

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Г о р о д н и ч и й. Нет, мне теперь не до кобельков.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Ну, не хотите, на другой собаке сойдёмся.

Ж е н а К о р о б к и н а. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастию! Вы не можете себе представить.

К о р о б к и н. Где ж теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышал, что он уехал зачем-то.

Г о р о д н и ч и й. Да, он отправился на один день по весьма важному делу.

А н н а А н д р е е в н а. К своему дяде, чтоб испросить благословения.

Г о р о д н и ч и й. Испросить благословения; но завтра же... *(Чихает.)*

Поздравления сливаются в один гул.

Много благодарен! Но завтра же и назад... *(Чихает.)*

Поздравительный гул; слышнее других голоса:

Ч а с т н ы й п р и с т а в. Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

Б о б ч и н с к о г о. Сто лет и куль червонцев!

Д о б ч и н с к о г о. Продли, Бог, на сорок сороков!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Чтоб ты пропал!

Ж е н а К о р о б к и н а. Чёрт тебя побери!

Г о р о д н и ч и й. Покорнейше благодарю! И вам того ж желаю.

А н н а А н д р е е в н а. Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь, признаюсь, такой воздух... деревенский уж слишком!.. Признаюсь, большая неприятность... Вот и муж мой... он там получит генеральский чин.

Г о р о д н и ч и й. Да, признаюсь, господа, я, чёрт возьми, очень хочу быть генералом.

Л у к а Л у к и ч. И дай бог получить.

Р а с т а к о в с к и й. От человека невозможно, а от Бога всё возможно.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Большому кораблю — большое плаванье.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. По заслугам и честь.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч *(в сторону)*. Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, нет, до этого ещё далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор ещё не генералы.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч *(в сторону)*. Эка, чёрт возьми, уж и в генералы лезет! Чего доброго, может, и будет генералом. Ведь у него важности, лукавый не взял бы его, довольно. *(Обращаясь к нему.)* Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. И если что случится, например, какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительством!

К о р о б к и н. В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке.

Г о р о д н и ч и й. Я готов со своей стороны, готов стараться.

А н н а А н д р е е в н а. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно и с какой стати себя обременять этакими обещаниями?

Г о р о д н и ч и й. Почему ж, душа моя? Иногда можно.

А н н а А н д р е е в н а. Можно, конечно, да ведь не всякой же мелюзге оказывать покровительство.

Ж е н а К о р о б к и н а. Вы слышали, как она трактует[1] нас?

Г о с т ь я. Да, она такова всегда была; я её знаю: посади её за стол, она и ноги свои...

Явление VIII

Т е ж е и п о ч т м е й с т е р впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

П о ч т м е й с т е р. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

В с е. Как не ревизор?

П о ч т м е й с т е р. Совсем не ревизор, я узнал это из письма.

Г о р о д н и ч и й. Что вы? Что вы? Из какого письма?

П о ч т м е й с т е р. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес — вижу: «в Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну, — думаю себе, — верно, нашёл беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Г о р о д н и ч и й. Как же вы?..

---

[1] *Трактова́ть* — здесь: оценивать.

П о ч т м е й с т е р. Сам не знаю: неестественная сила побудила. Призвал было уж курьера с тем, чтобы отправить его с эштафетой, но любопытство такое одолело, какого ещё никогда не чувствовал. Не могу, не могу! Слышу, что не могу! Тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! Пропадёшь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу, мороз. И руки дрожат, и всё помутилось.

Г о р о д н и ч и й. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

П о ч т м е й с т е р. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Г о р о д н и ч и й. Что ж он, по-вашему, такое?

П о ч т м е й с т е р. Ни сё ни то; чёрт знает что такое!

Г о р о д н и ч и й *(запальчиво)*. Как ни сё ни то? Как вы смеете назвать его ни тем ни сем, да ещё чёрт знает чем? Я вас под арест…

П о ч т м е й с т е р. Кто? Вы?

Г о р о д н и ч и й. Да, я!

П о ч т м е й с т е р. Коротки руки!

Г о р о д н и ч и й. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу?

П о ч т м е й с т е р. Эх, Антон Антонович! Что Сибирь? Далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! Позвольте прочитать письмо?

В с е. Читайте, читайте!

П о ч т м е й с т е р *(читает)*. «Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в

тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую[1], волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, — думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали на шерамыжку[2] и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счёт доходов аглицкого короля? Теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. Не может быть! Там нет этого.

Почтмейстер *(показывает письмо)*. Читайте сами.

Городничий *(читает)*. «Как сивый мерин». Не может быть! Вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер *(продолжая читать)*. «Городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. О, чёрт возьми! Нужно ещё повторять! Как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер *(продолжая читать)*. Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже

---

[1] *Жуи́ровать* — развлекаться, вести весёлую жизнь.

[2] *Обе́дать на шерамы́жку* — здесь: выпросить еду, взять обманом, плутовством.

добрый человек...» *(Оставляя читать.)* Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, чёрт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте всё!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. *(Надевает очки и читает.)* «Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец, пьёт горькую».

Почтмейстер *(к зрителям)*. Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

Артемий Филиппович *(продолжая читать)*. «Надзиратель над богоугодным заведе... и... и... и...» *(Заикается.)*

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечёткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. *(Берёт письмо.)*

Артемий Филиппович *(не давая письма)*. Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю: далее, право, всё разборчиво.

Почтмейстер. Нет, всё читайте! Ведь прежде всё читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! *(Коробкину.)* Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. *(Отдаёт письмо.)* Вот, позвольте... *(Закрывает пальцем.)* Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

П о ч т м е й с т е р. Читайте, читайте! Вздор, всё читайте!

К о р о б к и н *(читая)*. «Надзиратель за богоугодным заведением Земляника — совершенная свинья в ермолке[1]».

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч *(к зрителям)*. И не остроумно! Свинья в ермолке! Где же свинья бывает в ермолке?

К о р о б к и н *(продолжая читать)*. «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Л у к а Л у к и ч *(к зрителям)*. Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч *(в сторону)*. Слава богу, хоть, по крайней мере, обо мне нет!

К о р о б к и н *(читает)*. «Судья...»

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Вот тебе на... *(Вслух.)* Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чёрт ли в нём: дрянь этакую читать.

Л у к а Л у к и ч. Нет!

П о ч т м е й с т е р. Нет, читайте!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Нет уж, читайте!

К о р о б к и н *(продолжает)*. «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон[2]...» *(Останавливается.)* Должно быть, французское слово.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. А чёрт его знает, что оно значит! Ещё хорошо, если только мошенник, а может быть, и того ещё хуже.

К о р о б к и н *(продолжая читать)*. «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему,

---

[1] *Ермо́лка* — маленькая мягкая круглая шапочка.

[2] Здесь: человек дурного тона (от франц. *mauvais ton*).

хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить; хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно, нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. *(Переворачивает письмо и читает адрес.)* Его благородию, милостивому государю Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-Петербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под нумером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже направо».

О д н а и з д а м. Какой реприманд[1] неожиданный!

Г о р о д н и ч и й. Вот когда зарезал так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рылы вместо лиц, а больше ничего… Воротить, воротить его! *(Машет рукою.)*

П о ч т м е й с т е р. Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; чёрт угораздил дать и вперёд предписание.

Ж е н а К о р о б к и н а. Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Однако ж, чёрт возьми, господа! Он у меня взял триста рублей взаймы.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. У меня тоже триста рублей.

П о ч т м е й с т е р *(вздыхает)*. Ох! И у меня триста рублей.

Б о б ч и н с к и й. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч *(в недоумении расставляет руки)*. Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

---

[1]Здесь: неприятность.

Г о р о д н и ч и й *(бьёт себя по лбу)*. Как я — нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трёх губернаторов обманул!.. Что губернаторов! *(Махнул рукой.)* Нечего и говорить про губернаторов...

А н н а А н д р е е в н а. Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...

Г о р о д н и ч и й *(в сердцах)*. Обручился! Кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обрученьем!.. *(В исступлении.)* Вот смотрите, смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! *(Грозит себе самому кулаком.)* Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вот он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесёт по всему свету историю. Мало того, что пойдёшь в посмешище — найдётся щелкопёр[1], бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеётесь? Над собой смеётесь!.. Эх вы!.. *(Стучит со злости ногами об пол.)* Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкопёры, либералы[2] проклятые! Чёртово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стёр вас всех да чёрту в подкладку! В шапку туды ему!.. *(Суёт кулаком и бьёт каблуком в пол. После некоторого молчания.)* До сих пор не могу прийти в себя. Вот,

---

[1] *Щелкопёр* (устар.) — плохой писатель, писака.

[2] *Либера́л* — здесь: свободомыслящий человек.

подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе[1] похожего на ревизора? Ничего не было! Вот просто ни на полмизинца не было похожего — и вдруг все: ревизор, ревизор! Ну, кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч *(расставляя руки)*. Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, чёрт попутал.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Да кто выпустил — вот кто выпустил: эти молодцы! *(Показывает на Добчинского и Бобчинского.)*

Б о б ч и н с к и й. Ей-ей, не я, и не думал...

Д о б ч и н с к и й. Я ничего, совсем ничего...

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Конечно, вы!

Л у к а Л у к и ч. Разумеется. Прибежали, как сумасшедшие, из трактира: «Приехал, приехал и денег не плотит...» Нашли важную птицу!

Г о р о д н и ч и й. Натурально, вы! Сплетники городские, лгуны проклятые!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Чтоб вас чёрт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Г о р о д н и ч и й. Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Пачкуны проклятые!

Л у к а Л у к и ч. Колпаки!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

---

[1] *Вертопра́х* — легкомысленный, ветреный человек.

Б о б ч и н с к и й. Ей-богу, это не я, это Пётр Иванович.

Д о б ч и н с к и й. Э, нет, Пётр Иванович, вы ведь первые того...

Б о б ч и н с к и й. А вот и нет; первые-то были вы.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и жандарм.

Ж а н д а р м. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесённые слова поражают, как громом, всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменивши положение, остаётся в окаменении.

НЕМАЯ СЦЕНА

Городничий посередине в виде столба с распростёртыми руками и закинутою назад головою. По правую сторону: его жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращённый к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гостьи, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выражением лиц, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнесть: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намёком на городничего; за ним, у самого края, Добчинский и Бобчинский, с устремившимися движеньями рук друг к

другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение.

Занавес опускается.

1836—1842

1. Составьте план пьесы, выделив элементы сюжета, и кратко перескажите ее содержание.
2. Что является завязкой действия? Какие сцены можно считать экспозицией и что можно узнать из них о чиновниках и о городе, в котором происходит действие?
3. Как вы узнаёте, кто же Хлестаков на самом деле? Почему Гоголь позволяет зрителю узнать об этом до первой встречи Хлестакова с городничим? В чём комизм этой сцены (действие второе, явление VIII)? Почему у городничего много реплик «в сторону», а у Хлестакова — ни одной? Почему становится возможным и как происходит превращение Хлестакова в «ревизора»? Как и почему разрастается страх перед «ревизором»? В какой сцене страх достигает наивысшей точки (кульминации)? Почему?
4. В какой сцене происходит развязка комедии? Оправдана она, по-вашему, замыслом и всем ходом пьесы или носит случайный характер?
5. Каким вы представляете себе Хлестакова? Расскажите, кто он, что вы знаете о его петербургской жизни, как он оказался в уездном городе и чем озабочен.
   - Каковы его жизненные цели (действие второе, явление V), мечты (действие третье, явление VI)?
   - Как раскрывается его характер в сцене встречи с городничим (действие второе, явление VIII), в россказнях о своей петербургской жизни (действие третье, явление VI), в сценах взяточничества (действие четвёртое, явления III—VII)? Ста-

рается ли он сознательно кого-нибудь обмануть, выдать себя за важное начальственное лицо? Почему же он рассказывает небылицы?

- Как характеризуют Хлестакова темы разговоров, его речь, обращённая к разным людям (например, к Осипу во II явлении второго действия, трактирному слуге в IV явлении второго действия или Анне Андреевне в VI явлении третьего действия, чиновникам)? Почему к концу пьесы возрастают его развязность и наглость?
- Что вы можете сказать о Хлестакове на основании его письма к Тряпичкину и характеристик, данных им «хозяевам города»? Всё ли он в них понял?

6. Как вы понимаете слова Гоголя: «Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым»? Что же такое «хлестаковщина»?

7. Почему Хлестакова чиновники приняли за значительное государственное лицо? Почему все они, такие разные люди, одинаково встревожены известием о приезде ревизора, боятся его?
Каковы обязанности каждого из чиновников этого уездного города и как они их исполняют? (См. действие первое, явления I, II.) Что вы можете сказать об их умственном и нравственном развитии? Способны ли такие люди управлять городом? Как раскрывается характер каждого из них в сценах дачи взятки Хлестакову? Каковы их взаимоотношения друг с другом, с городничим (просмотрите их реплики «в сторону» в сцене поздравления — действие пятое, явление VII)? Что подсказывает читателю Гоголь своеобразными фамилиями героев? В чём, по вашему мнению, видят такие «хозяева города» своё счастье?

8. Почему больше всех приезда ревизора испугался городничий? Как он «управляет» городом? (Пересмотрите сцены: действие первое, явление V;

действие четвёртое, явления X, XI; действие пятое, явления I, II; понаблюдайте за его речью, манерой говорить.) Каким человеком вы его представляете? Что отличает городничего от других чиновников? Докажите, что он «очень неглупый по-своему человек», по замечанию Гоголя.

Каковы жизненные цели и стремления городничего? (См. действие пятое, явление I.) Похож ли он на Хлестакова? Представьте себе, что его мечта «влезть в генералы» сбылась. Какими вы представляете в этом случае Антона Антоновича и его супругу?

Какое чувство вызывают у вас последний монолог городничего и «немая сцена»? Как она перекликается с эпиграфом к пьесе?

9. Прочитайте «Замечания для господ актёров» Н. В. Гоголя. Что нового вы узнаёте о каждом из героев? Выпишите наиболее важные характеристики, которые даёт своим героям автор. Используя эти цитаты и текст комедии, расскажите об одном из городских чиновников.

10. Гоголь писал: «...Мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во всё продолжение её. Это честное, благородное лицо был — смех». Как вы понимаете эти слова? В чём особенность смеха Гоголя?

11. Найдите информацию о современных постановках «Ревизора». Какие общественные пороки высмеивает Гоголь в этой пьесе? Почему комедия и в наши дни не сходит со сцен театров мира?

12. В ресурсе «Н. В. Гоголь “Ревизор”» найдите страницу «Иллюстрации к произведению». Соотнесите их с эпизодами из текста. Изменили ли они ваши впечатления о героях пьесы? Какие качества героев помогли лучше понять иллюстрации?

13. Выполните задание «Итоговый контроль. Тест «Н. В. Гоголь “Ревизор”».

Литературоведческий словарь

Аллего́рия — иносказание, когда под конкретным изображением предмета, человека, явления подразумевается другое понятие.

Аллитера́ция — повторение однородных согласных звуков, придающее литературному тексту особую интонационную выразительность; один из видов звукописи.

Антите́за — художественное противопоставление характеров, обстоятельств, понятий, создающее впечатление резкого контраста.

Афори́зм — краткое изречение, выражающее значительную, глубокую мысль в оригинальной художественно заострённой форме. Афоризм напоминает пословицу, но в отличие от неё принадлежит определённому лицу (писателю, учёному и др.).

Балла́да — один из жанров лиро-эпической поэзии, сюжетное стихотворение, в основе которого лежит необычный случай, связанный с историческим событием или преданием (обычно героического, легендарного или фантастического характера).

Геро́й литерату́рного произведе́ния (литературный герой) — действующее лицо, персонаж произведения.

Гипе́рбола — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета.

Гроте́ск — предельное преувеличение, основанное на причудливом сочетании фантастического и реального, ужасного и смешного; сгущение сатирического изображения явлений, предметов и людей.

Дета́ль — одно из средств создания художественного образа; выразительная подробность в произведении (часть внешнего мира, портрета и т. п.), которая помогает читателю представить и глубже понять не только характер, обстановку, но и в целом произведение, авторское отношение к изображаемому.

Диало́г — разговор двух или нескольких лиц; основная форма раскрытия человеческих характеров в драматическом произведении.

Дра́ма — род литературы, один из трёх наряду с эпосом и лирикой; драматическое произведение, предназначенное

для постановки на сцене, в котором основная мысль раскрывается через диалоги и монологи героев, их поступки и действия.

Драма в узком смысле слова — пьеса с острым конфликтом, однако в отличие от трагедии здесь конфликт более обычен, так или иначе разрешим.

Ду́ма — стихотворение, в котором содержатся размышления автора на философские, исторические или нравственные темы.

Жанр — вид художественного произведения: песня, баллада, поэма, повесть, новелла, комедия и т. д.

Завя́зка — эпизод литературного произведения, в котором возникает основной конфликт.

Иде́я — основная мысль произведения.

Инве́рсия — необычный порядок слов, придающий фразе выразительность.

Интона́ция — основное выразительное средство звучащей речи, позволяющее передать отношение говорящего к тому, о чём он говорит.

Ирóния — тонкая, скрытая насмешка. Истинный смысл высказывания как бы замаскирован: говорится противоположное тому, что подразумевается.

Коме́дия — драматический жанр, изображающий такие жизненные положения и характеры, которые вызывают смех.

Коми́ческое — смешное в жизни и искусстве.

Компози́ция — построение художественного произведения.

Конфли́кт худóжественный — столкновение, противоборство персонажей или каких-либо сил, лежащее в основе развития действия литературного произведения.

Кульмина́ция — момент наивысшего напряжения действия в произведении, когда особенно ярко выявляются сюжетный конфликт, цели героев и их внутренние качества.

Моноло́г — развёрнутое высказывание одного лица.

Нове́лла — близкий к рассказу малый эпический жанр с небольшим количеством действующих лиц, динамичным сюжетом и неожиданным финалом.

Óбраз худóжественный — художественное изображение человеческой жизни в предельно конкретной форме, но в то же время несущее в себе обобщение, выражающее эсте-

тический и нравственный идеал писателя (художника), воздействующее на чувства читателя.

Параллели́зм — сопоставление двух образов, картин; часто используется в устном народном творчестве.

Пейза́ж — описание природы в художественном произведении, которое помогает понять замысел автора.

Персона́ж — действующее лицо художественного произведения.

Пе́сня — небольшое лирическое произведение, предназначенное для пения; фольклорная песня возникает обычно вместе с мелодией.

По́весть — эпический жанр; по характеру развития действия сложнее рассказа, но менее развёрнута, чем роман.

Поэ́ма — лиро-эпический жанр, обычно крупное стихотворное произведение, состоящее из нескольких частей, в котором объединяются сюжетность и лиричное начало.

Псевдони́м — вымышленное имя или условный знак, под которым автор публикует своё произведение.

Развя́зка — эпизод литературного произведения, в котором происходит разрешение основного художественного конфликта.

Расска́з — эпический жанр, в котором даётся изображение какого-то эпизода из жизни героя.

Рема́рка — авторское пояснение в драматическом произведении, с помощью которого уточняются место действия, внешние и духовные отличия персонажей, их состояние.

Ре́плика — фраза собеседника в диалоге, возникшая как отклик на слова партнёра.

Ритм стихотворе́ния — повторение однородных звуковых особенностей, чередование ударных и безударных слогов.

Ри́фма — звуковые совпадения в конце строк.

Рома́н — эпический жанр, большая форма литературного произведения, в которой описываются жизнь, поступки, конфликты многих героев, история поколений. Для романа характерен разветвлённый сюжет или несколько сюжетных линий, объединённых общим замыслом.

Рома́нс — лирическая песня, как правило о любви; напевность, мелодичность слов создают неразрывное единство музыки и текста, отдельные строфы связаны повторами.

Рома́нтика — 1) мечтательно-возвышенное умонастроение; 2) характеристика ярких сторон жизни; 3) черта литературного произведения, отражающего возвышенные или героические грани жизни.

Сарка́зм — едкая, язвительная насмешка.

Сати́ра — беспощадное осмеяние несовершенства мира, человеческих пороков.

Си́мвол — слово, условно выражающее суть какого-либо явления.

Строфа́ — часть стихотворения, объединённая в единое целое рифмой, ритмом, содержанием.

Сюже́т — ряд событий, изображённых в произведении в определённой последовательности.

Те́ма — круг событий, явлений, предметов действительности, отражённых в произведении.

Траге́дия — драматический жанр, который изображает исключительно острые, непримиримые конфликты, чаще всего завершающиеся гибелью героев. Эта борьба обнаруживает возвышенность стремлений и силу характеров действующих лиц.

Фанта́стика — разновидность художественной литературы, в которой создаётся вымышленный мир, причудливые образы и явления.

Фолькло́р (устное народное творчество) — произведения искусства слова, созданные неизвестными авторами, бытующие в народной среде в устной форме.

Экспози́ция — эпизоды, предшествующие завязке, возникновению основного конфликта; описание положения действующих лиц до начала действия.

Эпи́граф — яркое изречение, помещаемое автором перед произведением или его частью с целью помочь читателю глубже понять содержание и смысл текста.

Ю́мор — весёлая, добродушная насмешка над кем-либо или чем-либо.

Содержание

Введение 3

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЛИТЕРАТУРА

ФОЛЬКЛОР 6
Народные песни 8
Лирические народные песни 9
Русская народная лирическая песня 9
«Ах, не одна-то ль, не одна во поле дороженька...» 9
Художественные особенности лирических народных песен 10
Лирические песни литературного происхождения 13
А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ. «Среди долины ровныя...» 14
А. А. ДЕЛЬВИГ. Соловей 16
Народные исторические песни 18
Сон Степана Разина 20
Исторические песни литературного происхождения 21
К. Ф. РЫЛЕЕВ. Смерть Ермака 22
Литературные баллады 25
В. А. ЖУКОВСКИЙ. Лесной царь 27
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ. Перчатка 29

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

А. С. ПУШКИН. Наш великий спутник..... 32
К истории создания «Капитанской дочки» 34
Капитанская дочка *(В сокращении)* 36
Историческая правда и художественный вымысел... 145
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ 147
Образ Лермонтова 147
Мцыри *(В сокращении)* 149
Поэма как жанр. Романтический герой..... 176
Н. В. ГОГОЛЬ 177
Гоголь и театр 177
Комедия как драматический жанр 179
Ревизор *(В сокращении)* 181

Литературоведческий словарь 259

(Название и номер учреждения общего среднего образования)

Учебный год	Имя и фамилия учащегося	Состояние учебного пособия при получении	Оценка учащемуся за пользование учебным пособием
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			

Учебное издание

Захарова Светлана Николаевна
Петровская Людмила Константиновна

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебное пособие для 7 класса
учреждений общего среднего образования
с белорусским и русским языками обучения

В двух частях
Часть 1

Нач. редакционно-издательского отдела *Г. И. Бондаренко.*
Редактор *Т. В. Примачёнок.* Обложка художника *З. П. Болтиковой.*
Художественный редактор *Е. П. Протасеня.*
Художник *В. А. Протасеня*
Компьютерная вёрстка *И. В. Шутко.*
Корректоры *Е. В. Шобик, Д. Р. Лосик, Л. Г. Гончаренко*

Подписано в печать 12.07.2017. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,5. Уч.-изд. л. 10,0.
Тираж 130 500 экз. Заказ

Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования»
Министерства образования Республики Беларусь. Свидетельство
о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/263 от 02.04.2014. Ул. Короля, 16, 220004, г. Минск

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/3 от 04.10.2013.
Ул. Корженевского, 20, 220024, г. Минск